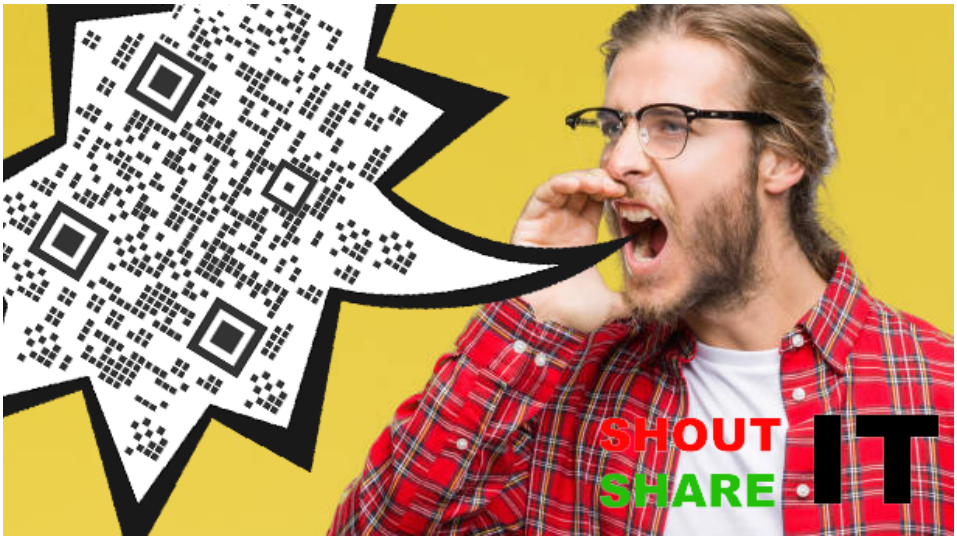
человек загадка

Софья
АННИНА
Елена
ПРОКОФЬЕВА

ЖИЗНЬ
И СМЕРТЬ
СЕКС-СИМВОЛА
АМЕРИКИ

МЭРИЛИН МОНРО


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Она была легендой при жизни и осталась легендой после смерти. Мэрилин Монро прожила яркую, но короткую и трудную жизнь. Предмет мечтаний тысяч мужчин, красавица, которой завидовали миллионы женщин, актриса, чей стремительный «взлет» на вершину киноолимпа казался чудом, она на самом деле была фигурой трагедийной. Неудавшаяся личная жизнь и напрасные попытки доказать режиссерам, что «красотка Мэрилин» способна на нечто большее на экране, чем демонстрация своих прелестей, — вот основные причины драмы, разыгравшейся в богатом особняке, где утром 5 августа 1962 г. полицией было обнаружено тело Мэрилин. Однако до сих нор многие обстоятельства смерти актрисы остаются неизвестными.

Знак информационной продукции 12+

Научно-популярное издание

- Пролог
- Глава 1
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13
- Глава 14
- Глава 15

Пролог
«МЭРИЛИН БЫЛА ФАНТАЗИЕЙ»

Настоящие звезды сияют вечно. Настоящие звезды бессмертны.

Но даже среди бессмертных Мэрилин Монро до сих пор занимает особое место.

Несмотря на сотни написанных о ней книг и десятки документальных фильмов, Мэрилин сохранила большинство своих прижизненных тайн. И тайну ее смерти так и не удалось разгадать по-настоящему. И даже тайну ее привлекательности.

Почему она до сих пор является самой узнаваемой кинозвездой в мире?

Почему она до сих пор — абсолютный секс-символ?

Почему именно она стала «самой знаменитой блондинкой в истории»?

Почему никому не удалось ее превзойти?

Дело было не только в ее внешности, пусть и привлекательной, ведь в поколении Мэрилин Монро были актрисы с гораздо более совершенными телами и лицами: одновременно с ней блистали Элизабет Тейлор, Ава Гарднер, Грейс Келли, Одри Хепберн, Джина Лоллобриджида…

Но Мэрилин затмевала их всех.

Не самая блистательная актриса, не самая выдающаяся красавица, весьма посредственная певица.

Однако она приковывала взгляды, завораживала, очаровывала, появлялась ли она на экране или на фото.

Некоторые утверждали, что все дело в томном прищуре и манящей полуулыбке, Мэрилин всегда смотрела так, словно счастлива, изумлена, смущена и — охвачена желанием, которого слегка стыдится. Взгляд и улыбка, совершенно неотразимые! Причем она умела изобразить их в ту же секунду, когда замечала направленный на нее объектив, даже если на самом деле в этот момент была чем-то расстроена или больна. Она преображалась, начинала сиять и соблазнять.

Другие говорили, что все дело в ее странной виляющей походке, в особой пластике, сочетании мягкого покачивания тела и некоторой неуверенности, с которой она ступала, словно ее каблуки всегда были чуть выше, чем следовало. Якобы из-за этой походки ее тело покачивалось особенно соблазнительно, она привлекала внимание сразу и к груди, и к бедрам, и вместе с тем

казалась уязвимой. Тоже неотразимое сочетание, вызывающее желание поддержать, заключить в объятия, подхватить на руки.

Иные считали, что тайна — в особенном сиянии ее кожи, и пристально изучали, каким способом Мэрилин гримировалась. Но когда другие женщины пытались имитировать ее походку, ее улыбку и взгляд, так же наносить тональный крем и губную помаду, так же припудривать руки и грудь, — у них не получалось овладеть сексуальной магией Мэрилин. Она притягивала взгляды как магнит. И это было не простое любование: Мэрилин пробуждала первобытное желание. Живи она в Средневековье — ее бы наверняка обвинили в колдовстве. Или в том, что она — подменыш, дитя фейри. Только ведьмы и феи умели быть настолько неотразимыми.

Фотограф Берт Стерн, сделавший для журнала «Vogue» одну из самых последних — и, наверное, самую знаменитую фотосессию с Мэрилин Монро, — позже записал свои впечатления в эссе «Энергетика созерцания», где попытался разгадать тайну привлекательности Мэрилин: «Пугливый призрак, летучий, как сама мысль, и яркий, как игравший на ней свет. Я не мог заморозить Мэрилин и рассчитывать, что у меня получатся ее фотографии. Она была полной противоположностью Элизабет Тейлор. Лиз Тейлор всегда на месте. Ей нужно только повернуться в указанную сторону и замереть. Ее красота формальна. Лиз — это факт красоты. Мэрилин была фантазией. Замри Мэрилин на одну минуту — и ее красота сразу испарилась бы. Фотографировать ее — это было то же самое, что фотографировать сам свет».

Возможно, Берт Стерн почти разгадал ее тайну, допустив эту мысль: «Мэрилин была фантазией».

Почти.

Потому что Мэрилин все же была женщиной из плоти и крови. Женщиной, которая могла радоваться, страдать, капризничать, тревожиться, влюбляться, болеть, умереть. Тогда как фантазии неуязвимы и бессмертны…

Впрочем, даже доказательства уязвимости Мэрилин, даже шрамы на ее теле, оставшиеся от операций по удалению желчного пузыря и аппендицита, выглядели сексуально. «Изъян, несовершенство, которое только делало ее более ранимой и подчеркивало невероятную гладкость ее кожи. Кожи цвета шампанского, цвета алебастра… абсолютно восхитительной. Хотелось погрузить в нее пальцы, как в только что взбитые белки», — вспоминал Берт Стерн, который снимал Мэрилин почти обнаженную, прикрытую лишь прозрачными драпировками, сквозь которые были видны шрамы.

Мэрилин Монро называли секс-символом. Сейчас актрисы гордятся этим «титулом». И мало кто понимает, что в 50-е годы это было сродни оскорблению. «Секс-символ» — не настоящая актриса, а та, которая годится лишь соблазнять. Девушка сродни пин-ап картинкам, которыми американские дальнобойщики украшали свои кабины.

«Я никогда не понимала выражения „секс-символ“. Символ — это ведь вещь… Мне неприятно быть вещью. Но если уж предназначено быть символом, то лучше быть символом секса, чем чего-либо другого», — говорила Мэрилин.

Но на самом деле она все прекрасно понимала. Чем более зрелой она становилась, тем лучше она сознавала свою сексуальную привлекательность. Она использовала секс, как могучее оружие. И была тем более неотразима, что умудрялась при этом казаться невинной. Как очень юная девушка, только открывающая для себя телесные радости. В этом был ее уникальный талант…

Стерн фотографировал Мэрилин на протяжении трех суток в отеле «Bel Air», в номере со спальней, с огромной кроватью, в номере, уставленном бутылками с шампанским. Он снимал Мэрилин задремавшую, завернутую в простыни, и эти фотографии ей особенно понравились. И при этом он продолжал верить, что, флиртуя с ним через видоискатель камеры, Мэрилин оставалась в глубине души невинной: «В какой-то момент Мэрилин играла с розовым шарфом, и я поймал ее на том, что она немножко любуется собой, чувствует свое собственное цветение, свою собственную сладость. Ее невинность меня забавляла. Я видел девушку, которая, как все считали, отлично понимала, как реагируют на нее мужики, а она просто не замечала этого, она жила в другом пространстве. Она была искренней, как ребенок. Искренней в своей сексуальности и в своей скромности».

Мэрилин Монро — «секс-символ»

А между тем Мэрилин почти соблазнила его. Равно как и Дугласа Кирклендa, немногим ранее снимавшего ее для журнала «Look».

«Мне бы хотелось, чтобы все вышли. Я считаю, что должна остаться с этим парнем одна. Так мне лучше работается», — заявила она группе, прибывшей с Киркландом.

А потом, по его воспоминаниям, «дразнила, флиртовала, ясно давая понять, в чем она заинтересована и что именно ему предлагается».

«Эта укутанная в белые простыни и излучающая тепло женщина любила подобную игру, — рассказывал Кирклендж, и хотя между нами ничего такого не произошло, но, в ее понимании, что-то все-таки случилось».

И другие фотографы, работавшие с ней, рассказали о том, что испытали нечто подобное: Андре де Дьенес, Филипп Холсмен, Милтон Грин. Она умела флиртовать с объективом фотоаппарата. Она умела флиртовать с кинокамерой. Флиртовать и соблазнять.

Да, соблазнять — это было ее природой.

Все эти профессионалы, которым позировали прекраснейшие актрисы и модели того времени, эти мужчины, которые считали себя пресытившимися женской красотой, — все они признавались, что Мэрилин вызывала у них желание.

Именно это было ее целью. Вызвать желание. Чтобы камера влюбилась в нее. Чтобы камера ее хотела. И человек, который стоит за камерой… Тогда получатся те кадры, которые сведут с ума зрителей в кинозале. И тех, кто увидит ее фотографии.

О фотографиях Кирклендa, которые ей особенно понравились, Мэрилин сказала: «Думаю, как раз с такой девушкой мечтал бы оказаться среди этих простыней водитель грузовика».

Для нее было важно нравиться обычным зрителям. Не кинокритикам, не представителям киностудий, не маститым режиссерам, — но тем, кто заплатит за билет в кино.

«Если я звезда, то это люди сотворили меня, не студия, а именно люди», — говорила Мэрилин.

До сих пор популярны постеры и календари с ее фотографиями.

До сих пор производители косметики эксплуатируют желание женщин «быть как Мэрилин» и называют ее именем свою продукцию: светлую краску для волос, красную блестящую помаду, красный лак. Регулярно выпускаются целые коллекции косметики «в стиле Мэрилин Монро». Современные кинозвезды и модели рекламируют их, загримированные и причесанные «как Мэрилин». Но именно попытки примерить на себя ее стиль, ее образ доказывают, что она была неповторима. Ни одна, даже самая красивая, женщина не может овладеть ее магнетизмом.

И никакой оттенок краски для волос, никакая помада и правильно нарисованные стрелки не помогут.

Мэрилин всю жизнь, с тех пор, как смогла позволить себе духи, пользовалась «Chanel № 5», и значительно повысила популярность этого парфюма, заявив, что перед сном надевает на себя только несколько капель «Chanel». Правда, был у нее еще один любимый парфюм, о котором менее известно: «Rose Geranium» от Floris, который она заказывала из Лондона партиями по шесть флаконов. Но те, кто знал актрису лично, вспоминали о ее собственном восхитительном чувственном телесном аромате, пробивающемся сквозь флер духов. И парфюмеры до сих пор пытаются воссоздать «аромат Мэрилин»: «Vraie Blonde» от Etat Libre d'Orange, «Immortelle Marilyn» от Nez aNez, «Marylin & John» Parfumerie Generale, «Marilyn Bleu», «Marylin Rose» и «Marylin Rouge» от Andy Warhol… Или хотя бы

продать во флаконах иллюзию запаха самой соблазнительной женщины. Воссоздать ту гамму ароматов, которая ассоциируется с Мэрилин. Светлый мускус, пахнущий, как кожа блондинки. Благоухание алых роз, которые она любила. Искристый запах шампанского, которое было для нее любимым лакомством. Прохладный ирисовый запах пудры. И обязательно — сладость: спелых персиков, клубники, малины. Без сладости парфюмерный образ Мэрилин Монро не существует. Потому что она кажется сладкой и нежной.

А между тем современники считали, что лучшую характеристику Мэрилин дал кинооператор Джек Кардифф: «Хотя она производила впечатление мимозы, эта девушка была словно выкована из стали».

Быть может, именно в этом заключался ее секрет.

Один из множества ее секретов.

Глава 1
ДИТЯ КИНОПЛЕНКИ

Жизнь нашей героини окружена тайнами, недомолвками и недоразумениями, начиная с самого ее рождения.

Будущая Мэрилин Монро появилась на свет 1 июня 1926 года, в общей палате городской больницы Лос-Анджелеса. И назвали ее… Тут-то и начинается путаница.

В регистрационной книге новорожденная была записана как Норма Джин Мортенсон.

Ее мать, Глэдис Перл Монро Бейкер, дала малышке фамилию своего второго мужа, изменив в ней одну букву. Меж тем Мартин Эдвард Мортенсен, которого ветреная Глэдис бросила за пару лет до этого, почти наверняка не имел никакого отношения к ее ребенку. Поступок молодой матери можно списать на то, что в 20-е годы прошлого века консервативное общество не очень-то приветствовало рождение детей вне брака. Но чем объяснить перемену буквы, если только это не была случайная описка?.. Так или иначе, через шесть месяцев девочку крестили уже под фамилией Бейкер, доставшейся Глэдис «в наследство» от первого замужества.

Что касается двойного имени Норма Джин, то, если верить многочисленным биографам, Глэдис и ее подруга Грейс Мак-Ки, беззаветно влюбленные в мир кино, составили его из имен своих любимых актрис — Нормы Толмэдж и Джин Харлоу. Но и тут закралось «но» — когда Мэрилин, еще не Мэрилин, родилась, Джин еще не была Джин. «Первая платиновая блондинка» в истории американского кинематографа, секс-символ 30-х, тогда еще звалась Харлин Карпентер и псевдоним взяла лишь два года спустя.

Эти моменты важны и в контексте реальной жизни Мэрилин Монро, и для мифа, усердно сотканного кинозвездой и десятками противоречащих друг другу интерпретаторов, но начавшего твориться с первых дней ее земного пути — как будто бы самой судьбой.

Казус с фамилиями двух мужей Глэдис, ни один из которых не доводился отцом Норме Джин, при других обстоятельствах мог бы показаться и забавным. Мэрилин часто вводила в замешательство беседовавших с ней журналистов.

«Так, беседуя с одним интервьюером, она как нечто само собою разумеющееся сообщала ему, что ее девичья фамилия Бейкер. В следующий раз, отвечая на аналогичный вопрос

другому интервьюеру, она скажет: „Мортенсон“. А поскольку все это не более чем киношная самореклама, никому не придет в голову ловить ее на противоречиях», — усмехался американский писатель Норман Мейлер, один из биографов Монро.

Однако «комплекс безотцовщины», похоже, мучил Мэрилин не на шутку, и неопределенность, связанная с ее рождением, давила на актрису тяжелым грузом.

А с Джин Харлоу Мэрилин Монро ощущала некое мистическое родство, пусть та и не могла быть, как мы сказали бы сейчас, ее «виртуальной крестной». Истории двух голливудских блондинок действительно до странности схожи. Обе взяли в качестве псевдонимов фамилии своих матерей, обе прославились благодаря сногсшибательной сексапильности, обе не были счастливы в любви, обе умерли молодыми. В фильме о Харлоу Монро едва не сыграла главную роль.

Что же до настоящих родственников Мэрилин… Без разговора о них не обходится ни одна мало-мальски подробная ее биография. Конечно, вообще редко какой-либо биографический труд обходится без упоминаний о родне героя, но этот случай — особый. Ведь именно с историей семьи кинозвезды связана значимая часть мифа о Мэрилин Монро — теория о наследственном безумии, преследовавшем как страшный рок все ветви ее рода из поколения в поколение.

Действительно, известно, что и Мэрилин, и ее мать, и бабка страдали расстройствами психики. Но точного и однозначного диагноза так и не поставили даже самой актрисе. Нет никакой уверенности, что все три женщины болели одной болезнью, и тем более — что эта болезнь могла передаться по наследству.

Среди остальных членов семьи, безусловно, попадались люди с непростыми характерами; были и эксцентрики, и чудаки всех мастей, и даже самоубийцы… Одной из «отличительных фамильных черт» можно назвать и склонность к неудачным и зачастую слишком ранним бракам…

Но ведь схожий, а то и похлеще, набор можно, покопавшись, обнаружить если не в каждой второй, то в каждой третьей семейной истории.

О родственниках Нормы Джин со стороны отца мы, естественно, не знаем ничего. Предки же ее по материнской линии приехали в Америку из Ирландии и Шотландии. Натуры романтичные тут вспомнят о «маленьком народце» фейри, то есть альфах и феях, которых, согласно ирландским и шотландским легендам, подчас встречали путники на вересковых пустошах и близ зарослей папоротника. Иные из представителей «малого народца» и жили среди людей, и даже притворялись ими,

используя чары «гламор». «Гламор» же делал фейри неотразимо привлекательными в глазах смертных. Неотразимо привлекательной была и Мэрилин Монро, признанная «королева гламура»…

Однако прадед ее, Тилфорд Мэрион Хоген, сын фермера из Иллинойса, всю жизнь проработал простым поденщиком, кочуя в поисках заработка по городкам и деревням штата Миссури, — удел вполне прозаичный. Еще совсем юным, в 19 лет, он женился на Дженни Нэйнс. Эту разумную и прагматичную девушку поначалу, вероятно, впечатлили начитанность и широкий кругозор бедняка, самостоятельно овладевшего грамотой. Но когда, один за другим, появились трое детей, Дженни решила, что именно мужнины книжки, точнее, время, которое он им уделяет в ущерб насущным делам, — причина того, что семья перебивается с хлеба на воду. Повадки Тилфорда были ему «не по карману» столь же, сколь и его интересы. Не пьяница и не гуляка (во всяком случае, нам ни о чем таком не известно), он был… чересчур добр и щедр. И вот это уже действительно часто шло не на пользу его близким. Где бы, в какой бы очередной жалкой лачуге ни поселилось на месяц-другой семейство Хогенов, — все окрестные бродяги очень быстро узнавали, что здесь никогда не откажут в плошке супа или нескольких центах.

После двадцати лет непрерывных ссор Дженни подала на развод и, взяв детей, вернулась в свои родные края. Поступок, скажем прямо, нетривиальный для Америки 70-х годов XIX века.

Тилфорд не был одинок: с ним жила его сестра, его окружали многочисленные друзья, иногда навещали дети. В 77 лет он женился снова. А через пять лет, когда его ферма разорилась, а здоровье катастрофически ухудшилось, Тилфорд, не желая быть никому в тягость, покончил с собой, накинув на шею петлю.

Самой яркой натурой из трех детей Тилфорда и Дженни была Делла Мэй — будущая бабушка актрисы. Она не переняла ни отцовской любви к литературе, ни материнской рассудочности. Рыжеволосая девчонка с зелеными глазами была прогульщицей и заводилой. В девять лет она навлекла на себя гнев школьного директора, подбив одноклассников вместо урока отправиться к пруду — половить рыбу и искупаться. Когда Делле исполнилось пятнадцать, учителя уже ни за что на нее не сердились, поскольку к тому моменту она давно и думать забыла о школе.

За Деллой Хоген — пусть и не писаной красавицей, но очень привлекательной, жизнерадостной и веселой — парни ходили табунами, и, судя по всему, ей это нравилось. В мужья она в конце концов выбрала маляра-ремонтника Отиса Элмера Монро. Много позже Делла описывала его так: «весь из себя элегантный и

всегда одевался как джентльмен — или, по крайней мере, как камердинер». Отис Монро был на десять лет старше 22-летней невесты и мог напоминать ей ее отца: как и Тилфорд Хоген, он имел более высокие культурные запросы, чем диктовало его положение. Правда, в отличие от Тилфорда, Отис был еще и амбициозен. Он мечтал когда-нибудь бросить ремесло маляра и стать настоящим художником, изучив искусство живописца не где-нибудь, а в Париже.

Как и у Деллы, у Отиса были рыжие волосы — хотя и не такого огненного оттенка. Зато огненностью темпераментов эти двое, по-видимому, не уступали друг другу.

Что немаловажно для нашей истории — Отис Элмер Монро считал себя прямым потомком Джеймса Монро, пятого президента Америки.

Вскоре после свадьбы молодожены покинули Соединенные Штаты, направившись — нет, не во Францию, а в Мексику, где Отис получил работу на строительстве железных дорог. Там, в городке Пьедрас-Неграс, в мае 1902 (по некоторым источникам — 1900) года родилась мать Мэрилин Монро — Глэдис Перл. Меньше чем через год семья вернулась в США, но не в Миссури, а в Калифорнию, в Лос-Анджелес — и брат Глэдис Мэрион Отис Элмер родился уже там.

В самом Лос-Анджелесе Монро продолжали пересажать с места на место, за шесть лет сменив около дюжины съемных квартир. Кочевнический образ жизни, хотя Делле, да и ее мужу, было к нему не привыкать, не способствовал ладу в семье. Все четверо жили в постоянном напряжении: взрослые — бурно обвиняя друг друга в неудачах, малыши — трясясь от страха перед вспышками, зачастую беспричинными, родительского гнева и не зная, кого больше бояться, мать или отца. Впрочем, материнские оплеухи были не так страшны, как разрушительная ярость отца. Не раз Делла, подхватив детей, спасалась от мужа у соседей. Однажды Отис рассвирепел, наблюдая за мирной сценкой: Глэдис, играющей с котенком. Выхватив зверька у дочки, он со всего размаху швырнул его об стену.

Причины такого поведения крылись не только в дурном нраве главы семейства и в житейских невзгодах, но и в недуге, о котором до поры до времени никто не подозревал. То, что Отис Монро серьезно болен, стало очевидно только в 1908 году. Он стремительно терял память, у него дрожали руки и ноги, изменился и его характер — домашний тиран превратился в истерика, то и дело заходящегося в плаче. Летом 1908-го Отиса наполовину парализовало. Врачи диагностировали последнюю стадию сифилиса нервной системы — болезни, с которой тогда

еще не умели справляться.

Первые месяцы Делла навещала супруга в больнице, но картина угасания любимого некогда человека оказалась для нее невыносимой. Отис стал неузнаваем даже внешне, да и сам уже никого не узнавал. Оправданием для Деллы, оставившей мужа умирать в одиночестве, в какой-то мере служило то, что она устроилась работать прислугой, чтобы прокормить детей.

В июле 1909 года 43-летний Отис Элмер Монро скончался. Детям Делла назидательно сообщила: «Папа сошел с ума и умер, потому что пил и плохо себя вел». Этим она заложила мощный кирпич в фундамент мифа о семейном безумии — ведь семилетняя Глэдис, разумеется, запомнила ее слова. Между тем не подлежит сомнению, что болезнь Отиса была вызвана органическими причинами.

Делла Мэй осталась молодой вдовой. Ей было всего 33 года, и ей хотелось жить. А жизнь теперь, как и в юности, представлялась Делле нескончаемой чередой поклонников… ну, насколько это возможно, когда работаешь прислугой и у тебя двое маленьких детей. В доме на Боулдер-стрит всегда было весело, но много лет спустя Глэдис с грустью вспоминала: «Мама любила мужчин, а мы хотели иметь отца».

Пару раз Делла, в чаду влюбленности, торжественно сообщала детям, что помолвлена, но эти помолвки, настоящие или воображаемые, ни к чему не приводили.

Весной 1912 года она все-таки вышла замуж — за мужчину «положительного» и с виду солидного, 29-летнего Лайла Артура Грейвса, бывшего сотрудника Отиса Монро. Иллюзии развеялись быстро. Делла то уходила от нового мужа, переселяясь вместе с Глэдис и Мэрионом в отель, то возвращалась, а летом 1913-го окончательно рассталась с Грейвсом, обвинив его в бракоразводном иске в «пренебрежении обязанностями по содержанию семьи, разгульной жизни и постоянном злоупотреблении спиртными напитками».

Дети росли. К 13–14 годам Глэдис Перл превратилась в очаровательную девушку, живую, кокетливую и смешливую. На нее, как когда-то на ее мать, очень рано начали заглядываться и сверстники, и взрослые мужчины. Рыжеватый оттенок светло-каштановых волос она унаследовала от родителей — но не унаследовала присущего обоим яростного деспотизма и взрывного темперамента.

Зато эти свойства достались Мэриону Отису Элмеру, бывшему, как мы сказали бы сегодня, «трудным подростком». Того, как мать поступила с 11-летним сыном, Глэдис не смогла ей простить до конца жизни. Выведенная из себя постоянными

жалобами учителей на выходки Мэриона и решив, что ему необходима «твердая мужская рука», Делла без лишних объяснений посадила мальчика в машину и отвезла его к дальним родственникам.

Мэрион внес свой вклад в копилку причуд и печалей семейства Хоген-Монро. Как и его дед Тилфорд Мэрион, в 19 лет он женился — подделав метрику, чтобы считаться совершеннолетним. И, как и дед, покончил жизнь самоубийством — причем, в отличие от Тил форда, во вполне цветущем возрасте.

Где-то в январе 1917 года Делла без памяти влюбилась в Чарльза Грейнджера — повидавшего мир вдовца, пленившего ее рассказами об Индии и Юго-Восточной Азии. Но в путешествие, именуемое браком, эти двое пускаться поостереглись, хотя поселились вместе и Делла в разговорах с родней и подружками называла Чарльза своим мужем.

Влюбилась и Глэдис — в человека, как это уж было заведено в ее семье, очень мало ей подходящего. 26-летний бизнесмен из штата Кентукки Джон Ньютон Бейкер, по прозвищу Джаспер, приехал в Лос-Анджелес на недельку-другую — да так и остался, женившись на 14-летней девушке-подростке, чья мать под присягой подтвердила, что дочери уже исполнилось 18.

Не удался и этот союз. Джаспер, такой надежный и понимающий, так стремившийся поначалу уберечь свою девочку-жену от любых бытовых и жизненных трудностей, — оказался алкоголиком, склонным к рукоприкладству. Он наградил Глэдис двумя детьми и двумя сотрясениями мозга. В июне 1921-го она подала на развод. В ответ на обвинения в «исключительно грубом поведении, состоящем в том, что он забрасывает ее оскорблениями и отвратительными ругательствами, пользуется в ее присутствии вульгарной лексикой, а также бьет и пинает ногами» Джаспер обвинил жену в аморальном поведении. И заодно в том, что она мало внимания уделяет домашним хлопотам. Последнее походило на правду — охочая до развлечений Глэдис действительно не была прилежной хозяйкой. Убедив суд, что такой женщине нельзя доверить воспитание детей, Бейкер увез их — практически выкрав, когда малыши оставаясь на попечении бабушки.

Сын этой четы, Роберт Кермит, которого домашние отчего-то называли Джеком, погиб в ранней юности — еще одна печальная страница в семейной истории.

Дочь, Бернис Инес Глэдис, встретилась со своими матерью и единоутробной сестрой Нормой Джин лишь долгие годы спустя.

Биографы часто упрекали Глэдис в равнодушии к старшим детям, которое-де затем распространилось и на младшую дочь.

Однако дотошный исследователь жизни Мэрилин Монро Рэнди Тараборелли нашел свидетельства того, что Глэдис, мягкая и ведомая, совсем не борец по натуре, в этом случае пыталась бороться. Родственники бывшего мужа, с которыми она списалась, заверили ее, что дома в Кентукки Джаспер с детьми не появлялись. И Глэдис, у которой не было денег не только на адвоката, но даже на билет на поезд, отправилась на поиски автостопом, в тщетной надежде посещая все места, где, как ей думалось, мог затаиться Джон Бейкер. Через четыре месяца она возвратилась в Лос-Анджелес. «Ее улыбка умерла, — рассказывала много позже Делла. — Она всегда казалась мне маленьким ребенком, но из поездки вернулась взрослая женщина. По правде говоря, я привыкла постоянно спорить с ней. Но во время этого поиска она погасла. Теперь это была просто очень грустная женщина».

Этим дело не кончилось. Пришло письмо от брата Джаспера, Одри Бейкера. Он сознался в обмане: все то время, пока безутешная Глэдис колесила по стране, ее дети провели в Кентукки, в городке Флэт-Лик, у своей бабушки.

И Глэдис поехала во Флэт-Лик. Снова автостопом.

Добравшись до города, она остановилась напротив дома бывшей свекрови. И… Еще минуту назад молодая женщина была полна решимости постучать в дверь и потребовать детей назад. Но сквозь живую ограду, окружавшую двор, она увидела весело играющих Бернис и Джека. Они смеялись, они казались абсолютно довольными… Они так и не заметили, что мать грустно смотрит на них с другой стороны улицы. Почувствовав себя ненужной, Глэдис тихонько ушла.

Нет, она не сдалась. Но погрузилась в раздумья. Ведь если она просто отберет малышей у свекрови, точно так же, как Джаспер отобрал их у Деллы, — к старым обвинениям в ее адрес прибавятся новые. И детей отнимут опять, уже навсегда. А значит, она, Глэдис, должна доказать Джасперу, суду, всему миру, что может быть хорошей матерью и достойно воспитать сына и дочь. А значит, она должна измениться, на самом деле стать другой.

Сменив свои недорогие, но модные и вызывающие наряды на строгие скромные одеяния, отложив в сторону пудру и помаду, она нанялась няней в респектабельную семью, проживавшую в окрестностях Луисвилля, самого большого города штата Кентукки. Трехлетнюю девочку, о которой Глэдис предстояло заботиться, звали… Норма Джин.

Родители этой, «первой» Нормы Джин, Маргарет и Джон Коэны, не могли нарадоваться на новую нянюшку, такую ласковую и чуткую…

Спустя несколько месяцев Глэдис все же постучалась в дверь дома во Флэт-Лик. Встретили ее сухо и неприязненно. Джаспер не поверил — а скорее всего, и не хотел верить, — что его бывшая жена стала человеком, которому можно без опаски доверить детей. Сына она не увидела — тот лежал в больнице. Ей разрешили немного поиграть с дочкой под бдительным присмотром бабушки, после чего вежливо, но твердо указали на порог.

Вскоре Коэны заметили, что их идеальная няня ведет себя как-то странно. Глэдис то разговаривала с собой, то жаловалась на постоянно преследующих ее незнакомцев, которых, кроме нее, никто не видел. Незнакомцы крались к дому, прятались под кухонным столом, вторгались в ванную… Молодая женщина начала слышать голоса, звучащие в ее голове.

Деликатно, не называя истинной причины, Коэны сообщили няне, что больше не нуждаются в ее услугах. Поцеловав на прощание в лоб спящую Норму Джин и укутав ее одеялом, Глэдис ушла.

Эту историю она рассказала через несколько десятилетий, в 60-х, Роз Энн Купер — помощнице медсестры в лечебнице «Рок-Хейвен». Роз Энн готова была часами беседовать с матерью знаменитой Мэрилин Монро. Запомнилось ей и то, что необычная пациентка уверяла: именно в честь Нормы Джин Коэн, а вовсе не голливудских кинозвезд, она назвала свое последнее дитя, с которым ей тоже пришлось расстаться…

Но вернемся в начало 20-х, когда Глэдис Бейкер, истерзанная, утратившая надежду, перенесшая тяжелейший нервный срыв, приехала обратно в Лос-Анджелес. После отъезда Джаспера Глэдис пробовала жить вместе с матерью — полуроман, полубрак Деллы с Грейнджером был таким же бурным и суматошным, как и прочие ее отношения с мужчинами, любовники то разъезжались, то съезжались вновь. Одно время Делла и Глэдис даже снимали на пару особняк неподалеку от моря, но ужиться не смогли — мать и дочь ссорились, словно две школьницы.

Поэтому молодая женщина перебралась в лос-анджелесский район Голливуд, уже тогда известный как сердце американской киноиндустрии. Глэдис устроилась в кинолабораторию Consolidated Film Industries (CFI), где ей поручили резать и склеивать негативы. «Если о ребенке, как две капли воды похожем на отца, говорят: неудивительно, ведь его мать девять месяцев глаз с мужика не сводила, то что сказать о Мэрилин, чья мать глаз не сводила с рулона целлулоидной пленки?» — задаст спустя полвека риторический вопрос в своей книге Норман Мейлер.

Глэдис быстро подружилась со своей начальницей Грейс Мак-

Ки. Вопросов, кто главный в этом тандеме, ни у кого не возникало и вне службы. Энергичная разведенная и бездетная Грейс, которая была старше Глэдис на семь лет, взяла подружку-подчиненную в оборот. Когда они вдвоем шли по магазинам, Грейс выбирала одежду для них обеих. Она уговорила Глэдис выкрасить волосы в вишневый цвет. Один из их сотрудников вспоминал, что до того, как попасть под влияние Грейс, Глэдис была «эдакой серой мышкой» и он не оглянулся бы ей вслед, «даже если она оказалась бы единственной девушкой на всей улице».

На серую мышку Глэдис, конечно, никогда не походила, но неудивительно, если после пережитых событий она была подавленной и менее общительной, чем обычно. Грейс расшевелила ее. Подруги сняли вместе квартиру, где вечерами напропалую веселились с друзьями и ухажерами. На дворе стояли «ревущие двадцатые» — эпоха невиданной прежде свободы сексуальных отношений. С мужчинами Грейс Мак-Ки была смела и не слишком сентиментальна. Глэдис Бейкер, и без того не робкая, и в этом следовала ее примеру. Один из романов Глэдис привел к недолгому браку — с упомянутым выше Мартином Эдвардом Мортенсоном, сыном выходцев из Норвегии. Познакомились молодые люди на встрече адептов модного тогда религиозного учения «Христианская наука», которым неожиданно увлеклись Грейс и Глэдис. Это вроде бы сулило союзу некую основательность. Однако Глэдис явно не была готова к семейной жизни и через несколько месяцев сбежала от второго мужа. Потосковав и предприняв несколько попыток вернуть блудную жену, тот подал на развод.

Другой роман — с красавчиком Чарльзом Стенли Гиффордом, коммерческим менеджером CFI, — закончился беременностью. Во всяком случае, так сказала Глэдис уже повзрослевшей Норме Джин, это же повторяла после ее смерти и Роз Энн Купер в «Рок-Хейвен». Никаких доказательств тому, что именно Гиффорд был отцом Мэрилин Монро, биографам не удалось добыть и доселе. Жениться на Глэдис этот весьма самоуверенный молодой человек, очевидно, не помышлял и никакого интереса к своей гипотетической дочери не проявил. Более того, когда в кинолаборатории устроили сбор денег в пользу новорожденной и ее мамы, один только Гиффорд демонстративно уклонился от участия.

В ту пору, когда Глэдис носила под сердцем третьего ребенка, ее мать Делла Мэй была ходячей достопримечательностью Хоторна, пригорода Лос-Анджелеса, в котором проживала. Как и в молодости, она экстравагантно одевалась, щеголяла в широкополых шляпах, украшенных цветами. Но не столько

возраст, сколько подтачивавший изнутри недуг наложил неизгладимый отпечаток на ее облик.

Вот как описывает ее в возрасте 49 лет со слов очевидцев Рэнди Тараборелли:

«Ее кожа, когда-то фарфорово-белая и гладкая, обвисла, пропал румянец. Теперь она выглядела неопрятно, волосы истончились и стали напоминать мотки проволоки, которые, казалось, были прилеплены к ее голове. Деллу так сильно изменило не только естественное старение. Когда-то она была общительной, быстрой, остроумной, с яркой индивидуальностью. Губы, покрашенные ярко-красной помадой, постоянно улыбались. Однако через какое-то время ее глаза потухли. С годами она стала отдаляться от людей. Было похоже, как будто между окружающим миром и жизнью Деллы Монро постепенно воздвигалась стена».

Отчуждение внезапно сменялось приступами бешенства. Делла могла закатить скандал из-за любого пустяка кому угодно и где угодно, разразиться бранью прямо посреди улицы. Ида Болендер, чей дом стоял напротив Деллиного, вероятно, не раз наблюдала подобные сцены, а иногда и унимала разбушевавшуюся соседку.

Ида, благочестивая прихожанка местной протестантской церкви, делила свое время между воспитанием приемных детей за умеренную плату и делами прихода. В ее обязанности входила распродажа пожертвованных церкви вещей. Делла была постоянной покупательницей, и Ида с удовольствием сбывала ей то, что под угрозой смерти не надели бы на себя набожные матери семейств, — все пестрое и блестящее, вычурную бижутерию, декольтированные платья, туфли на высоких каблуках. Иногда Делла заходила за «добычей» к Иде домой, и мало-помалу разительно непохожих соседок связало некое подобие дружбы.

В один из таких визитов, осенью 1925 года, Делла посетовала на беременность своей незамужней дочери. В ответ на сочувственные расспросы Ида с изумлением услышала, что будущая бабушка, несмотря на все ее беспокойство, вовсе не намерена хлопотать вокруг растущего живота Глэдис и вот-вот отправится вместе со своим сожителем Грейнджером в путешествие по Азии. Ида Боллендер, рассудительности у которой было гораздо больше, чем у вдовы и дочери «потомка президента» вместе взятых, предложила отдать ребенка, когда он появится, ей на попечение.

По сути, две эти женщины — полубезумная Делла и святоша Ида — и определили участь Нормы Джин еще до ее рождения.

Но поведение Глэдис лишь подтвердило правильность этого решения. Молодой женщине хватило силы воли отказаться от аборта как самого легкого выхода из положения и отважиться выносить дитя. Однако потом, в больничной палате, ею овладела апатия — возможно, вызванная послеродовой депрессией. Глэдис достаточно легко поддалась на уговоры вернувшейся из странствий матери.

13 июня 1926 года Глэдис Перл Бейкер с двухнедельным младенцем на руках переступила порог дома Иды и Уэйна Болендеров.

Глава 2
«ПОКАЖИ ИМ, КАКАЯ ТЫ КРАСИВАЯ»

Сегодня существует несколько сотен книг, посвященных истории жизни Мэрилин Монро. А впервые о детстве Нормы Джин Бейкер публика узнала из многочисленных интервью, данных Монро разным изданиям в разные годы. В 1960 году появилась книга «О, беспечная любовь» — единственная прижизненная биография Мэрилин, составленная Морисом Золотовым. «Мэрилин Монро. Моя история», написанная актрисой вместе с голливудским сценаристом Беном Хехтом, — читатели и исследователи до сих пор теряются в догадках, что в этой книге надиктовано самой Мэрилин, а что принадлежит фантазии ее соавтора, — должна была появиться на несколько лет раньше, но вышла только в начале 70-х.

Все эти источники рисуют картину мрачную, устрашающую, неприглядную, словно вышедшую из-под пера Диккенса или братьев Гримм. Ранние годы кинозвезды, по ее словам, изобиловали ужасами. Почти все позднейшие биографы Монро сходятся в одном: детство Нормы Джин действительно было нерадостным, каким только и могло быть детство сироты при живой матери, ребенка, которого передавали с рук на руки, будто надоевшую игрушку, однако оно обошлось без голода, холода, жестоких побоев и прочих экстраординарных кошмаров, описанных в «Моей истории» и интервью. Авторы книг о Мэрилин потратили немало времени, чтобы отделить зерна от плевел, факты от преувеличений и выдумок.

Душераздирающие байки отчасти были коммерческим ходом, ведь сказки о золушках хорошо продаются всегда и везде. Но в то же время они отражали подлинные чувства Мэрилин. Утрируя, она подчеркивала ощущение неприкаянности, которое, судя по всему, не покидало ее не только в ранние годы, но и потом, в пору беспримерной, фантастической славы.

Норме Джин казалось, что она не нужна никому. Особенно той, кто вытолкнула ее в этот мир.

«Я родилась по ошибке. Мать не хотела, чтоб я появилась на свет… вероятно, я ей могла в чем-то помешать. Мое рождение, должно быть, каким-то образом запятнало ее. У разведенных женщин и так много проблем; еще раз выйти замуж нелегко; что уж говорить про тех, у кого незаконный ребенок… И все же… И

все же, как было бы хорошо, если б она хотела меня».

Ида Болендер, первая воспитательница Нормы Джин, в чьем доме девочка прожила до семи лет, бесспорно, заслуживает нашего внимания. Вот ее портрет руки Тараборелли:

«Темно-карие глаза за большими круглыми очками, сидящими на удлиненном серьезном лице. Она была похожа на классическую сельскую учительницу. Возможно, она была бы привлекательной, если бы ее это интересовало. Однако у нее не было времени заниматься своей внешностью. Ее прическа говорила об этом красноречивее любых слов. Ее волосы были неровно обрезаны по кругу прямо под ушами, они выглядели так, как будто она взяла ножницы и, не глядя, обрезала их. Завершал картину черный как смоль чепец на голове… Ее одежда также много говорила о ней. Она постоянно носила один и тот же фасон — платье с короткими рукавами, которое мешком висело на ней. Она называла этот предмет одежды своим функциональным и практичным „домашним платьем“. Хотя ей было всего тридцать семь лет, она была настолько деловитой и усердной, что выглядела намного старше — казалось, что ей около пятидесяти».

Ида и ее муж Альберт Уэйн, местный почтальон, были, судя по всему, людьми отнюдь не бессердечными, но сдержанными и строгими. Вверенных их заботам детей они воспитывали так же, как воспитали их самих, — скупо отмеряя ласку и требуя неукоснительного исполнения неписаных правил поведения, твердо вбитых когда-то в их головы родителями-баптистами.

Однако же Нэнси Джеффри, прожившая у Болендеров несколько лет, вспоминала: «В нашем доме Норма Джин была счастлива. Это была любящая семья, счастливый дом, полный детей. Мать была очень трудолюбива. Она сама шила мам одежду Она любила нас, хотя не говорила нам об этом. Она заботилась, чтобы с нами ничего не случилось. Всякий раз, когда мы выходили из дома, не важно куда, она говорила: „Подождите минутку“ и произносила короткую молитву о нашей безопасности…»

Детство помнилось Нэнси совсем не так, как Мэрилин: «Мы росли на свежих помидорах, кукурузе, арбузах, зеленых бобах и тыкве. У нас в саду было полно слив, яблок и лимонов. Было одно огромное фиговое дерево, на которое любили залезать Норма Джин и Лестер — наш брат, единственный, кого мама и отец официально усыновили. Они затаскивали туда одеяла и делали там себе домик. У нас были цыплята и кролики, и папа даже купил козу, потому что у некоторых из нас в раннем возрасте была аллергия на коровье молоко. Нам не нужно было часто ходить в магазин, но в тех случаях, когда мы туда отправлялись,

папа вез нас на своем „Форде“ модели „Т“, и мы сидели в машине, пока мама и отец делали покупки. Мы играли на улице, пели любимые песни, а иногда папа рассказывал нам разные истории. Еще сохранилось детское воспоминание, что в дождливые дни нам приходилось сидеть дома, и мы делали домик под столом в столовой, переворачивая стулья и ставя их на стол, чтобы получились стены. Затем все это накрывалось одеялами. Мама даже иногда позволяла нам там завтракать. Норме Джин все это очень нравилось».

Рисуется картинка почти идиллическая. Но в 20-е — 30-е годы на всей планете насчитывалось не так уж много противников телесных наказаний, и Ида Болендер не принадлежала к ним. Отшлепать или отстегать ремнем провинившегося ребенка она почитала за педагогическую норму, более того — за священный педагогический долг.

Однажды Делла Монро увидела из окна своего дома, как Ида задала трепку Норме Джин — девочка, которой не сравнялось еще и года, опрокинула миску с кашей, которой ее кормили за столиком в саду. Возмущенная бабушка пулей перелетела дорогу, чтобы вступиться за внучку. С тех пор Ида Болендер начала опасаться соседки.

Возможно, именно этими страхом навеяна кочующая из книги в книгу, из статьи в статью жуткая история — о том, как обезумевшая Делла якобы пыталась придушить подушкой 13-месячную Норму Джин. «Помню, я проснулась. Мой сон прервался, я боролась за жизнь. Что-то давило на лицо. Может быть, подушка. Я сопротивлялась изо всех сил», — рассказывала Мэрилин. Реальное это воспоминание или ложное, позднейшее, навеянное словами опекунши? Мы не знаем.

В пересказах разнятся даже внешние обстоятельства дела.

То ли Делла Мэй забрала к себе внучку на несколько послеполуденных часов, как делала регулярно, а Ида зашла за Нормой Джин и заметила нечто неладное. Что именно — еще вопрос. По одной из версий — всего лишь закашлявшегося и покрасневшего ребенка. Возможно — бабушку, поправлявшую подушку запутавшейся во сне внучке.

То ли Делла ворвалась в дом соседей, выбив локтем дверное стекло, и фурией кинулась к малышке, — и перепуганные Болендеры вынуждены были вызвать полицию.

Примерно месяц спустя после момента, к которому относят это событие, Деллу Мэй Монро поместили в Норфолкскую больницу. Там она и умерла — в возрасте 51 года. В медицинской карте, констатировавшей смерть от миокардита, значился также «атипичный маниакально-депрессивный психоз». Тут-то бы нам и

вспомнить о «родовом безумии», но этот диагноз был довольно расплывчат и поставлен только потому, что Глэдис, жившая с матерью в последнее время, упомянула об участившихся перепадах ее настроения.

Можно предположить, что «безумие» Деллы было просто нервной реакцией на изматывавшую болезнь. К тому же проблемы с сердцем и сосудами ослабляли кровоснабжение мозга, что влияло на психику и делало женщину, и всегда-то эмоционально неустойчивую, с трудным характером, и вовсе невыносимой для окружающих.

Глэдис переехала в Хоторн не только из-за ухудшавшегося здоровья матери. Отдав Норму Джин Болендерам, она договорилась, что станет проводить с дочерью каждые выходные, — а ездить туда-обратно, живя в Голливуде, было слишком уж утомительно. Потом, когда девочка уже вышла из младенческого возраста, Глэдис вернулась в Голливуд и устроилась на работу сразу в две киностудии.

В скромно обставленном жилище Иды и Уэйна Глэдис выглядела пришельцем с другой планеты, диковинным экзотическим цветком. Выкрашенные в вишневый либо в оранжевый цвет волосы, кричащий наряд, сигарета в руке, подчас — и запах алкоголя.

Понятно, что думала Ида о примере, подаваемом гостьей Норме Джин и другим малышам, которые застенчиво поглядывали на «странную тетю». Но терпела. Из милосердия, из-за благовоспитанности и из-за дополнительной платы, которую вносила Глэдис Бейкер за право понянчить собственную дочь.

«Негоже вставать между ребенком и матерью, какой бы та ни была», — так, верно, думала Ида Болендер. И, когда малышка называла ее «мамой», неизменно поправляла: «Нет-нет, твоя мама — та рыжеволосая дама, что приезжала к нам в субботу».

Когда девочка доросла до длинных прогулок, Глэдис стала придумывать для нее развлечения, которые хотя бы с утра до вечера вырывали Норму Джин из однообразного, устоявшегося однажды и навсегда уклада дома Болендеров.

Районы и пригороды Лос-Анджелеса, как известно, очень отличаются друг от друга. И если унылый пыльный Хоторн походил на американские провинциальные городки середины XIX века, — в других местах все было иначе. Жизнь там била ключом.

Вдвоем мать и дочь устраивали пикники на пляже в Сансет-Бич, радостно опустошая корзинку с припасами, болтая о том о сем и нежась на солнце. Ахали, восхищаясь ловкостью акробатов и жонглеров на площади Святого Марка в лос-анджелесской Венеции. Или просто садились на трамвай, выходя где в голову

взбредет и не строя никаких планов заранее. Много лет Норма Джин хранила полосатый зонтик, купленный ей матерью в одну из их вылазок.

Но эти праздники омрачались частыми переменами настроения Глэдис. Порой та надолго замолкала, лишь изредка устало морщась: «Ах, не шуми так, детка. У мамы болит голова». Порой болтала взахлеб и смеялась — и казалось, что ей немногим больше лет, чем ее дочке. А порой принималась мечтать вслух о том, как навсегда заберет свою девочку к себе. Они поселятся в маленьком домике, где непременно будут белые занавески и белый рояль, на котором Норма Джин научится играть. И никогда больше не расстанутся.

Нередко к семейному дуэту присоединялась «тетя Грейс» — Грейс Мак-Ки, по-прежнему самая близкая подруга Глэдис. Немногим позже она станет главной фигурой в жизни Нормы Джин. Глэдис и Грейс снимали на двоих квартирку в Голливуде. Иногда девочку привозили после прогулки туда и оставляли ночевать. В спальне Глэдис висели на стенах и стояли на комоде фотографии актеров. Как-то раз мать — то ли в шутку, то ли в ответ на постоянные расспросы маленькой «безотцовщины» — показала дочери на портрет Кларка Гейбла в роли очередного лихого красавца, усатого покорителя сердец: «Это твой папа». Ее слова прочно застряли в памяти Нормы Джин.

Подруги, как и встарь, бредили кинематографом. Они гордились своей причастностью к нему, чувствовали себя жителями волшебной страны, хотя монотонная, донельзя прозаичная работа, которой они занимались, казалось, должна была бы лишить их иллюзий. Гуляя с Нормой Джин среди вычурно-роскошных голливудских кинотеатров, больше похожих на сказочные дворцы, они говорили ей: «Смотри, здесь идут НАШИ фильмы!» Они обсуждали перипетии жизни звезд (честолюбивая шотландка Мак-Ки когда-то мечтала попасть в их число), особенно любовные похождения. Вероятно, тогда-то у Глэдис и Грейс и зародилась мысль: хорошенькая белокурая девчушка должна стать актрисой! В самом деле, а кем же еще?!

Исподволь трех-, четырех-, пятилетней девочке преподавались основы «женской премудрости». Две дамы не только забавлялись, позволяя Норме Джин играть с содержимым своих косметичек, но и учили ее накладывать румяна и красить губы помадой.

Бывало и так, что компания разрасталась, — и Норма Джин оказывалась на пляже или в чьей-нибудь гостиной среди взрослых, приятелей и приятельниц Глэдис и Грейс. Сначала девочку осыпали приторными нежностями, а потом забывали про

нее. И никто, даже мама и тетя Грейс, уже не обращали на Норму Джин внимания. Вдобавок все эти люди слишком громко и экзальтированно говорили и слишком много курили. Норме Джин становилось скучно, она замыкалась в себе и уже с меньшей тоской ждала того момента, когда вернется в Хоторн и Ида без улыбки прикажет ей поскорее переодеться и тщательно умыться.

Случалось, что Глэдис не заходила за Нормой Джин в уикэнд, пропуская встречу с дочерью ради свидания или модной вечеринки. Материнские чувства она проявляла бурно, но как-то спорадически, непостоянно…

Есть свидетельства, что Ида Болендер всерьез подумывала официально удочерить девочку и говорила об этом с Глэдис.

Беседе якобы предшествовало мелодраматическое событие, о котором рассказывали дети друзей Боленд еров и которое подозрительно напоминает историю с покушением Деллы Монро на жизнь своей внучки.

Это повествование, передававшееся из поколения в поколение и обраставшее, видимо, все более эффектными подробностями, вкратце можно пересказать так.

Когда Норме Джин было около трех лет, ее мать в одно не самое прекрасное утро решила, что дочь должна жить с ней, — и что уладить вопрос нужно радикально и немедленно. Явившись в Хоторн, она застучала обоими кулаками в дверь Болендеров и агрессивным тоном сообщила, что забирает девочку сейчас же. Встревоженная Ида попыталась урезонить гостью, но та, оттолкнув хозяйку, прорвалась во двор, где играла Норма Джин, и схватила ее в охапку Испуганная девочка заплакала. Ида бросилась отнимать ребенка у взбесившейся мамаши. Завязалась драка. Глэдис, не отпуская дочку, вбежала в дом со стороны кухни, где был отдельный вход, и заперлась. Через несколько минут Ида увидела, как раскрасневшаяся Глэдис пересекает лужайку, сгибаясь под тяжестью огромного армейского вещмешка. В этом мешке Уэйн Болендер хранил инструменты, а теперь из него раздавались сдавленные детские крики… Борьба возобновилась. Две женщины перетягивали мешок, пока лямки не лопнули и Норма Джин не вывалилась на траву. На этот раз быстрее оказалась Ида. На этот раз уже она успела вместе с заходящейся в рыданиях девочкой запереться в доме. Глэдис немного походила вокруг, пробуя на прочность засовы окон и дверей, и, когда Ида Болендер крикнула ей, что вызвала полицейских и те вот-вот приедут, тихо ретировалась.

Могла ли эта дикая сцена разыграться на самом деле? Или мы вновь имеем дело с преувеличением или откровенной выдумкой? Конечно, Ида Болендер на склоне лет расстраивалась,

слыша, как прославившаяся воспитанница публично обвиняет ее в сухости и жестокости, и желание не просто оправдаться, но и кое-что приукрасить в свою пользу было бы по-человечески понятным. (По словам рассказчиков, плачущая девочка на траве с криком «Мама!» простирала руки именно к Иде.)

В желании жителей Хоторна задним числом, после смерти Мэрилин Монро, приобщиться к славе своей великой землячки тоже не нашлось бы ничего удивительного.

Но не исключено, что какая-то реальная основа у рассказа все же имеется: в конце 20-х — начале 30-х годов Глэдис Бейкер снова переживала нервные срывы и к бутылке прикладывалась куда чаще, чем прежде.

Чуть более убедительно, чем вышеизложенная, звучит история о том, как Ида вскоре после битвы за Норму Джин просила разрешения удочерить ребенка. «Простив» Глэдис сумасшедшую выходку, она пригласила ее на ужин и принялась объяснять, что любит девочку как родную, а та ее — как родную мать, что Норма Джин счастлива с ними, Идой и Уэйном, и своими приемными братьями и сестрами. Глэдис, дескать, просто обязана отказаться от своих материнских прав, если хочет обеспечить дочери достойное будущее.

Эта беседа, после долгих слез и уверений, закончилась ничем. Глэдис Бейкер не забрала дочку у Болендеров, но и не отказалась от нее. Все вернулось в прежнюю колею: нерегулярные субботние визиты, экскурсии по Лос-Анджелесу и его окрестностям, поджатые губы Иды, встречающей Норму Джин у дверей.

Если Ида Болендер и вправду хотела удочерить свою воспитанницу — значит, эта суровая женщина была искренне привязана к девочке.

Но вспомним слова Нэнси: «Она любила нас, хотя не говорила нам об этом». Похоже, Норме Джин отчаянно не хватало именно слов — а также искренних улыбок, жестов, прикосновений. Не хватало нежности и поддержки. Зато с избытком хватало нравоучений и попреков — за выпачканное платьице, за слишком громкий смех, за…

«Этой паре было трудно угодить. Во мне всегда чего-либо не хватало, хоть я и не припоминаю, чтобы я натворила или же навлекла на себя что-то особенное», — вспоминала Мэрилин. Есть вещи, переходящие от поколения к поколению, — и не так уж важно, что Норма Джин не была родным ребенком Болендеров. «Могла бы постараться и получше», — с упреком говорила маленькой Иде ее мать. «Могла бы постараться и получше», — с упреком говорила взрослая Ида маленькой Норме Джин, что бы

та ни сделала.

Подобной воспитательной методы многие родители и учителя придерживаются и сейчас. Допустим, что с кем-то она и оправдывает себя, но Мэрилин Монро на всю жизнь сделала внутренне глубоко неуверенной в себе. Хотя Нэнси в своих мемуарах уверяет, что, пусть Ида Болендер обращалась с Нормой Джин даже строже, чем с остальными воспитанниками, — но исключительно для того, чтоб закалить ее характер, сделать самостоятельной и сильной.

Рассказы тех, кто помнил кинозвезду в раннем детстве, до странности не совпадают. Как будто речь идет о двух разных девочках. Одна — резвая, веселая, озорная, с зачатками властного и волевого характера. Другая — «удобная», послушная, тихая, даже несколько отрешенная от мира.

Скорее всего, правда и то и другое. Шаля с «братцем» Лестером (ее ровесником, тем самым мальчиком, которого усыновили Ида с Уэйном), лазая по деревьям, Норма Джин становилась такой, какой задумала ее природа. Окрики и холодность заставляли ее затихать, замыкаться в себе.

И покойная Делла Монро, и Болендеры были горячими поклонниками евангелистской проповедницы Эйми Сэмпл Макферсон. Личностью она была весьма необычной. Суровость, аскетичность нравов большинства адептов ее учения — Болендеры лучший тому пример — парадоксальным образом шли вразрез с характером и замашками самой Макферсон. Пышущая жизнелюбием блондинка, она трижды разводилась с мужьями, крутила романы со знаменитостями (например, с Чарли Чаплином), была замешана во многих громких скандалах и несколько раз чуть не угодила в тюрьму.

Так, в мае 1926-го Эйми таинственным образом исчезла, купаясь в Тихом океане. Спустя пять недель она столь же таинственно «выплыла» и принялась рассказывать уже оплакавшим ее последователям, что была похищена врагами, но Господь даровал ей чудесное спасение. Дело дошло до суда, где проповедницу обвинили в лжесвидетельстве, но Эйми была оправдана.

Эта дама определенно обладала незаурядными артистическими и организаторскими способностями. Каждое свое выступление она превращала в театрализованное шоу. О законе Божием Эйми вещала, надев пригнанный по ее фигуре мундир полицейского, о нравственности разглагольствовала, нарядившись в костюм викторианского рабочего, который, вопреки смыслу речей, придавал ей задорный и соблазнительный вид. Почти профессиональная сценография, игра света и зеркал,

музыкальный аккомпанемент — Эйми Макферсон хорошо знала, как ввести паству в состояние экзальтации.

После этих полупроповедей, полуспектаклей Норма Джин видела странные, тревожащие сны.

«Мне снилось, что я стою в церкви совершенно раздетая, все люди лежат у моих ног на церковном полу, а я с ощущением полной свободы прогуливаюсь себе нагишом между распластанными фигурами, стараясь ни на кого не наступить».

Сон, оказавшийся в некотором смысле пророческим, повторялся, по словам Мэрилин Монро, часто…

…Норма Джин наконец-то нашла живое существо, которое полюбило ее безо всяких условий и которому она была необходима без всяких сомнений. Это был бродячий щенок, увязавшийся за ней на улице. Девочка назвала собачку Типпи и уговорила Болендеров оставить ее, пообещав, что будет заботиться о ней сама. Типпи участвовала во всех играх Нормы Джин и Лестера. Когда они начали ходить в школу, собака каждое утро провожала их до ворот, а потом встречала, строго по расписанию.

Весенними ночами Типпи убегала из дома, на что ни Болендеры, ни Норма Джин не обращали особого внимания, пока однажды утром собаку не нашли мертвой. По одной версии, ее задавило машиной, по другой — зарубил мотыгой сосед, которого будил лай, доносящийся с его огорода, по третьей — тот же сосед застрелил животное из револьвера.

Семилетняя девочка горевала так, что растерянная Ида, куда лучше умевшая распекать, чем утешать, попросила ее мать приехать. Та взяла с собой подругу-неразлучницу Грейс Мак-Ки. В конце июня 1933 года между Глэдис, Идой и Грейс состоялось историческое совещание, в очередной раз определившее судьбу Нормы Джин.

Июль девочка провела в Голливуде то в квартире, которую снимали на двоих Глэдис и Грейс, то у их друзей, английских актеров Джорджа и Мод Аткинсонов, чья дочь Нелли была примерно ровесницей Нормы Джин. А в августе Глэдис и Норма Джин Бейкер торжественно въехали в двухэтажный домик неподалеку. Молодой женщине пришлось изрядно влезть в долги, да и дом, конечно, был куплен в кредит. Но за то, как Глэдис и обещала дочке, в их комнатах все было белым, белоснежным, сияющим, возвещающим о новой жизни. Белые стены, белые чехлы на мебели, белые шторы — и белый рояль. Маленький концертный антикварный рояль, принадлежавший раньше актеру Фредрику Марчу.

Аткинсоны переехали вместе с ними, арендовав у Глэдис

большую часть дома. Так было удобнее всем.

Для Нормы Джин действительно началась совершенно новая жизнь, к которой прежде ей доводилось прикасаться лишь урывками и изредка. Для Глэдис и Аткинсонов в этой жизни — веселой, суматошной, беспорядочной — ничего нового не было. «Они любили немного выпить, курили, танцевали, пели и играли в карты, то есть делали все то, что Болендеры считали греховным. И тем не менее они очень хорошо ко мне относились», — так Мэрилин позднее отзывалась о Джордже и Мод.

«Мы ходим в церковь, а не в кино», — внушала приемным детям миссис Болендер. Теперь Глэдис и Грейс Мак-Ки водили Норму Джин в кинотеатр каждый уик-энд. Иногда она ходила в кино и одна — по будням, после школы, на специально выданные ей для этой цели карманные деньги. Норма Джин смотрела фильмы с Мэй Уэст, Кэтрин Хепберн, Кларой Боу, Ракель Торрес. А чаще всего на экране перед восхищенной девочкой сияла платиновая шевелюра Джин Харлоу, от которой были без ума и Грейс, и Глэдис. Любовью к этой актрисе они навсегда заразили Норму Джин. Занятная деталь: как мы уже говорили, первая голливудская блондинка никак не могла быть «крестной» своей будущей коллеги, но «Jeane», второе имя девочки, в школьных журналах отныне сменилось на «Jean» — так писалось имя-псевдоним Харлоу.

Когда Норма Джин возвращалась в особняк на Эрбол-драйв, целлулоидные грезы не отпускали ее. Дома постоянно говорили о кино. Хотя вклад Аткинсонов в киноискусство заключатся в основном в дублировании других артистов и участии в массовке, а Глэдис с Грейс были монтажницами, техническими работниками, — все они со знанием дела обсуждали режиссуру, нюансы съемки, сценарии.

Обитатели дома были общительны, очень общительны. Двери в доме не закрывались. Большие шумные компании собирались каждый уик-энд, а иногда и по будням.

Норма Джин и Нелли засиживались со взрослыми допоздна, и вряд ли кто-нибудь проверял, не забыли ли они почистить зубы. Молиться на ночь их тоже не заставляли. Норма Джин делала это добровольно. Вселявшийся с младенчества страх перед карой Божьей охватывал ее внезапно — и тогда она часами взывала к небесам, прося, чтобы мама и ее друзья, такие славные люди, но такие ужасные грешники, не отправились после смерти в ад.

Сухой закон в Америке еще не был отменен, но на соблюдение его во многих штатах уже смотрели сквозь пальцы. Летними вечерами взрослые пили на веранде пиво, не таясь от соседских взглядов. А Норма Джин наливала в пустые бутылки

воду и ставила в них цветы.

Конец этой своеобразной богемной идиллии настал очень скоро. Осенью 1933 года Глэдис получила одну за другой два дурных известия — о смерти первенца Джека и о самоубийстве престарелого деда Тилфорда Мэриона Хогена. Первое погрузило Глэдис в отчаяние и чувство вины, и их не заглушали ни пиво с виски, ни антидепрессанты. Второе напомнило ей о проклятии наследственного безумия, якобы тяготеющем над семьей.

Глэдис впала в затяжную депрессию. Она едва справлялась с работой, а вечерами без остановки, словно заводная кукла, расхаживала по дому, монотонно читая молитвы. Даже верной Мак-Ки не всегда удавалось уговорить подругу поесть или хотя бы выпить чаю.

Невропатолог назначил Глэдис какое-то лекарство, но оно, похоже, только ухудшило дело. Апатия сменилась беспокойством, даже агрессией, которая выплескивалась на окружающих. В начале 1934 года Глэдис по настоянию Грейс Мак-Ки была помещена в психиатрическую лечебницу.

Грейс же утешала напуганную произошедшей с матерью метаморфозой Норму Джин.

«Тетя Грейс говорила со мной так, как не мог никто другой… — вспоминала спустя много лет Мэрилин Монро. — Она сажала меня рядом с собой и разговаривала, держа за руки. Я чувствовала себя такой цельной, как ломоть хлеба, который никто еще не держал в руках».

В течение года с лишним «тетя Грейс», обходя бюрократические препоны, добивалась официального оформления опеки над Нормой Джин и над делами Глэдис. Большую часть этого срока девочка прожила сначала с Аткинсонами, потом с Гиффенами (четой, принимавшей, как и Болендеры, приемных детей за плату), затем с матерью Грейс. Но «тетя» проводила с Нормой Джин почти все свое свободное время, прилежно занимаясь её воспитанием.

Когда-то Грейс Мак-Ки взяла под крыло подавленную и опустошенную Глэдис Бейкер и, возясь с ней, как с куклой, практически сотворила ее заново. Теперь ситуация повторялась с маленькой дочерью Глэдис — еще более удобным и податливым объектом.

«Если бы не Грейс, не было бы никакой Мэрилин Монро… — уверяет сослуживица Мак-Ки Лейла Филд по компании „Columbia Studios“. — Грейс восхищалась Нормой Джин так, словно та была ее родной дочкой. Грейс говорила, что Норма Джин обязательно станет кинозвездой. Такое у нее имелось предчувствие. Даже убеждение. „Не расстраивайся, Норма Джин. Когда вырастешь,

будешь красивой девушкой — и важной персоной, кинозвездой“.

Ей вторит другая сотрудница Грейс, Шарлотта Энгельберт: „Грейс напрямую говорила о своих намерениях по поводу девочки. Норма Джин должна была стать кинозвездой, и дело с концом“.

Дочь третьей работницы киностудии, Диа Нанурис, вспоминает: „Моя мать говорила, что Грейс одевала ее в самое симпатичное платьице и приводила с собой на работу. Она обожала ее и, по-видимому, любила как собственную дочь. Большинство людей на самом деле считали, что они были матерью и дочерью… каждый раз, когда она брала девочку на работу, это было похоже на пробы. Она заставляла ее танцевать и принимать различные позы. „Покажи им, какая ты красивая, Норма, — говорила она. — Совсем как Джин Харлоу! Или покажи им, как ты улыбаешься. Ну, точно как Джин Харлоу. Покажи им“. Моей маме казалось это странным. В конце концов, Норме Джин было тогда всего восемь лет. На девочке была модная одежда, ей завивали волосы, Грейс даже поговаривала об „исправлении носа“! Грейс надевала ей огромную широкополую шляпу, чтобы защитить ее личико от солнца. „Разве это не элегантно?“ — спрашивала она“.

Грейс советовала Норме Джин подражать не только Джин Харлоу, но и другим звездам экрана: „Ну-ка, улыбнись, как Мэри Пикфорд, дорогая! Молодец! А теперь надуй губки!“

Платья — нарядные, с широкими юбками и огромными бантами сзади — девочке не покупали в магазине, а шили, как взрослой, у портних. Ее учили делать реверанс и вести светскую беседу: вежливо улыбаясь, выделяя каждую фразу интонацией.

Глэдис Бейкер, несмотря на жутковато звучащий диагноз „параноидальная шизофрения“, не числилась среди тяжелых пациентов. По желанию ее иногда отпускали из лечебницы. Однажды Грейс решила устроить Норме Джин свидание с матерью в ресторане отеля „Амбассадор“. Этот ленч был тягостным для всех троих. Глэдис, еще больше ушедшая в себя, обкормленная препаратами, совсем не обращала внимания на дочь — подросшую хорошенькую девочку со светло-каштановыми локонами и губами, тронутыми розовой помадой. Норма Джин, как наставляла Грейс, изо всех сил старалась быть любезной, но явное безразличие матери вгоняло ее в ступор. Только Грейс оживленно болтала, тщетно пытаясь вовлечь остальных в разговор.

Потом Грейс еще не раз организовывала подобные встречи, но все они походили одна на другую.

Хлопоты с дочкой подруги не помешала Грейс Мак-Ки

закрутить роман с инженером-конструктором Эрвином Годдардом, которого друзья называли Доком. Этот верзила, рядом с которым миниатюрная Грейс смотрелась совсем крошечной, был очень недурен собой, мечтал о карьере киноактера и даже иногда нанимался дублером. У него было трое детей от предыдущего брака. Старшей из них, своей ровеснице Элинор, Мэрилин Монро, по-видимому, обязана „воспоминаниями“ о множестве приемных семей, где ее подвергали издевательствам и унижениям. Элинор пришлось хлебнут!» горя гораздо больше, чем Норме Джин. Своего отца дочь Годдарда позднее иронически характеризовала как «идеального компаньона для выпивки». Словом, Док был весьма амбициозен и не дурак выпить — очевидно, такие мужчины притягивали как магнит не только кровных родственниц Нормы Джип.

Мак-Ки и Годдард познакомились весной и поженились уже в августе. Норму Джин привезли на их свадьбу в Лас-Вегас. Затем новоиспеченное семейство — Грейс, Док, Норма Джин и младшая дочь Годдарда Нона, другие дети должны были присоединиться к ним чуть позже, — поселилось рядом с Голливудом, в домике на Одесса-авеню в долине Сан-Фернандо.

«Теперь у тебя есть настоящий дом и настоящая семья, милая», — сказала Грейс Годдард Норме Джин. Казалось бы, тут и счастливый конец грустной сказке. Но Док счел, что дом маловат для такой оравы, что ему достаточно собственных трех детей и что ему вовсе не улыбается кормить лишний рот. Он настойчиво уговаривал жену отдать девочку в приют — о, конечно же, ненадолго, всего лишь на время, до той мифической поры, пока он «станет на ноги» и разбогатеет. Грейс, которой перевалило за сорок, стала перед выбором: высокой ценой сохранить брак или не менее высокой ценой удержать при себе воспитанницу. Положение усугублялось тем, что Норма Джин по-детски ревновала Грейс к мужу и его детям, часто плакала и требовала внимания. Может быть, Грейс вспомнила, как друзья после отправки Глэдис в больницу уговаривали не брать на себя ответственность за дочь «сумасшедшей»: дескать, из ребенка из «такой» семьи, с «такой» наследственностью толку не выйдет.

И произошло нечто непостижимое для детского сознания: обожаемая «тетя Грейс» предала Норму Джин.

13 сентября 1935 года миссис Годдард высадила девочку из машины у ворот усадьбы из красного кирпича, построенной в колониальном стиле, — лос-анджелесского приюта для сирот.

Грейс повторила девочке примерно то же, что говорил ей самой Док: это ненадолго, только пока мы не переживем трудные

времена… Неудивительно, что Норму Джин это не успокоило.

«Я принялась плакать: „Пожалуйста, пожалуйста, не отдавайте меня туда. Я ведь не сирота, ведь моя мама жива“… казалось, весь мир вокруг меня рассыпался на части».

Она думала, что чем-то провинилась, сделала что-то ужасное, и за это ее наказывают, отлучают от дома, заточают в тюрьму. Но никак не могла понять, что именно натворила.

На глазах у разрыдавшейся в свой черед Грейс сотрудники приюта увели сопротивлявшуюся девочку силой.

Став Мэрилин Монро, она вспоминала приют с содроганием. И от интервью к интервью полтора года, проведенные на улице Норт-эль-Сентро, делались все ужаснее.

Со слезами на глазах актриса рассказывала, что ей доводилось «трижды в день мыть сто тарелок, сто чашек, сто ножей, ложек и вилок, и так — семь дней в неделю… драить туалеты и ванны». А фарисеи-воспитатели платили за это ей, как и другим детям, по десять центов в месяц, на которые воспитанники должны были сами покупать себе тетради.

Заведующая приютом в беседе с Морисом Золотовым негодовала: «Просто не понимаю, зачем мисс Монро рассказывает про нас все эти ужасы. И все, что бы она ни сказала, тут же публикуют. У нас нет нужды обязывать детей выполнять какую-либо работу. В нашем штате — двадцать один сотрудник, включая одну воспитательницу на группу из десяти детей. Кухонный персонал вполне справляется с мытьем посуды. Верно, мы даем детям небольшие поручения и платим им за работу. И делаем это сознательно: ребенок должен чувствовать, что делает что-то полезное, должен ощущать свою нужность; а платим им для того, чтобы они могли потратить деньги по собственному усмотрению. А эта байка, что мы якобы заставляли Мэрилин трижды в день мыть посуду, — это же абсолютная глупость. Ребенку потребовалось бы четыре часа, чтобы перемыть такое количество посуды. Как в таком случае Мэрилин успевала бы ходить в школу, готовить домашнее задание да еще ложиться спать в девять часов, когда гасится свет?»

Лос-анджелесский приют, конечно, как и все подобные учреждения, был «казенным домом». У Нормы Джин здесь не было ничего своего. Гардероб девочки, привыкшей к модным нарядам, теперь состоял из двух одинаковых синих плиссированных юбок и двух белых блузок. Ей присвоили порядковый номер 3463. Друзей она так и не завела, снова став замкнутой и молчаливой. Магда Бернард, сестра одного из приютских воспитанниц, позже рассказывала: «Я хорошо помню Норму Джин — симпатичная благородная голубоглазая девочка,

которая очень хотела быть любимой. Она была красивой, но очень грустной».

Грустная девочка действительно очень хотела быть любимой. Настолько, что когда ей все-таки приходилось общаться с другими приютскими детьми, фантазировала напропалую.

«Временами я говорила другим детям, что у меня есть настоящие, и притом прекрасные родители, которые отправились в дальнее путешествие, но в любой момент могут вернуться за мной, и как-то я даже написала сама себе открытку, которую подписала от имени мамы и папы. Разумеется, никто мне не верил. Но я вовсе не огорчалась из-за этого. Мне хотелось думать, что это правда. И, быть может, если бы я добросовестно считала, что все так и есть на самом деле, то оно бы действительно случилось».

Идеальных родителей она потом будет придумывать себе всю жизнь, будет проецировать их образы на мужей, любовников, покровителей, подруг, учителей; как правило, на людей, вовсе не подходящих для этой роли и иногда беспардонно использующих доверчивость Мэрилин и ее потребность в любви…

Фантазировала она и так: «Часто я выходила на крышу и смотрела на находившуюся в нескольких кварталах башню с компрессорной и со служебными помещениями для киностудий, где когда-то работала моя мать. Иногда это доводило меня до слез — из-за одиночества, которое я ощущала. Но одновременно у меня родилась мечта и каприз — работать там, где создаются фильмы. Когда я сказала об этом Грейс, та чуть не пустилась в пляс от радости… Я мечтала о том, что стану настолько красивой, что люди будут оборачиваться и смотреть мне вслед, когда я буду идти по улице. Я мечтала о том, как буду гордо идти в красивой одежде и все будут восхищаться мною — и мужчины, и женщины — и отовсюду будут доноситься слова восторга. Я составляла хвалебные фразы и громко произносила их, как будто это говорил кто-то другой».

Вероятно, после суматошной жизни с Глэдис и Грейс распорядок приютских будней мысленно возвращал Норму Джин в годы, проведенные у Болендеров, — только без строгой женщины, которая по-своему была все же привязана к ней и которой украдкой можно было шепнуть «мама», и без неразлучного дружка Лестера.

А нерегулярные субботние набеги Грейс, мучимой чувством вины и стремящейся развлечь и порадовать брошенную воспитанницу, так походили на давнишние визиты Глэдис Бейкер в Хоторн…

«Тетя Грейс» приносила с собой одежду Нормы Джин —

нередко это было новое платье, ведь на подарки она не скупилась, несмотря на стесненность в средствах, — и приказывала девочке снять постылую униформу и переодеться. Затем они отправлялись куда-нибудь на ленч, а потом — в кино. На экранах тогда блистали Джин Харлоу, с которой Грейс не уставала сравнивать Норму Джин, и Кларк Гейбл, которого Глэдис когда-то «назначила» в отцы своей дочери.

Грейс все так же внушала Норме Джин, что однажды она непременно станет кинозвездой. Урывками, в дамских туалетных комнатах или просто на скамейке в парке, миссис Годдард возобновляла прерванные уроки женственности. Например, учила подопечную тонкостям нанесения макияжа.

В 1935 году вышли два фильма с Джин Харлоу — «Китайские моря» и «Безрассудная», а в 1936-м — целых четыре: «Сюзи», «Жена против секретарши», «Чернь», «Оклеветанная». Именно тогда Харлоу стала законодательницей мод. Женщины начали повально перекрашивать волосы в платиновый блонд. Не устояла перед искушением и Грейс. Ей очень хотелось выбелить и локоны Нормы Джин, но благоразумие одержало верх: приютское начальство точно не одобрило бы такое смелое новшество.

Часто Грейс приводила Норму Джин в Китайский театр Граумана — тот самый, перед которым находится знаменитая голливудская Аллея славы, где актеры навеки оставляют отпечатки свои рук и ног в цементе. «Тетя» с умилением смотрела, как девочка примеряется к следам известных актрис. Детская ладошка была еще намного меньше ладоней взрослых женщин и не заполняла углубления, а вот с ногами дело обстояло наоборот: вставить ступню в школьном башмаке в отпечаток туфельки на высокой шпильке Норме Джин не удавалось.

Китайский театр Граумана

Вечером девочка возвращалась в приют и снова становилась «номером 3463». А Грейс, как и Глэдис когда-то, могла без предупреждения не появляться по нескольку дней кряду…

Но, как бы Норма Джин ни тосковала в приюте, он имел мало общего с выдуманными Мэрилин Монро страшными сказочками для журналистов. На заработанные деньги дети покупали конфеты, а не письменные принадлежности. Их вывозили на пляж (приют располагал собственным домом на побережье), водили в цирк и театр, к ним приезжали со спектаклями актеры.

Однажды послушная девочка Норма Джин все-таки убежала из приюта. Это случилось в один из тех бесконечных уикэндов, когда Грейс не приехала. Норма Джин проскользнула вслед за кем-то — может быть, за своим товарищем, которого родственники забрали на выходные, — в незапертые ворота и… Она растерянно бродила по Лос-Анджелесу, не зная, куда податься. Она хорошо понимала, что, если даже сумеет добраться до Годдардов и они окажутся дома, Док ей не обрадуется, а «тетя Грейс», строго отчитав, тут же отвезет обратно.

Привел ее в приют полицейский, обративший внимание на прелестного ребенка, по всей видимости, потерявшегося. Опустив глаза, Норма Джин стояла в кабинете заведующей и ждала сурового наказания. Но та, оторвав взгляд от бумаг и увидев разрумянившиеся от волнения щеки девочки, неожиданно улыбнулась. И, достав из ящика стола пудреницу, пуховкой легкими движениями обмахнула Норме Джин лицо.

«Ты очень хорошенькая, детка, а теперь — еще красивее!

Сегодня воскресенье. Ходи так весь день!»

7 июня 1937 года Грейс Годдард забрала Норму Джин из приюта. (По странному, хотя вряд ли что-то означающему совпадению, в этот день Джин Харлоу умерла от обострившейся болезни почек.) Обещание было выполнено, но семейной идиллии опять не получилось. Вскоре одиннадцатилетнюю девочку попытался изнасиловать надравшийся в стельку Док. Так, по крайней мере, Норма Джин рассказывала несколько лет спустя своему первому мужу Джиму Догерти. Если это правда — Грейс вновь оказалась перед выбором между новой семьей и долгом перед дочерью подруги. И вновь сделала выбор не в пользу Нормы Джин. Дом покинул не блудный муж, а ни в чем не повинный ребенок.

Однако на сей раз Грейс не пожелала отдать девочку в приют или к чужим людям. Она пыталась пристроить Норму Джин то к одним родственникам, то к другим. Обсуждался даже вопрос о переезде девочки к ее единоутробной сестре Бернис. Сестры тогда только что узнали о существовании друг друга, и между ними завязалась переписка, позже переросшая в нежную дружбу. Грейс лично съездила в штат Кентукки к Бернис, недавно родившей первенца, и с сожалением убедилась, что та живет слишком бедно, чтобы принять младшую сестру.

В одном из временных пристанищ Норму Джин снова чуть не изнасиловали — на этот раз кузен Джек, сын покончившего с собой брата Глэдис Мэриона Отиса Монро.

Девочка переезжала с места на место, пока в конце 1938 года не вернулась в Лос-Анджелес и не оказалась у родной тетки Грейс — Эдит Аны Лоуэр.

58-летняя вдова, жившая на доходы от недвижимости, оставленной ей мужем, была активной участницей Общества Христианской науки, где удостоилась ранга «исцелителя», но отнюдь не религиозной фанатичкой. Ана была из тех немногочисленных во все времена людей, для которых дух Священного Писания на самом деле важнее, чем буква. А попросту говоря — она обладала большим и добрым сердцем.

И хотя, по словам Элинор Годдард, Ана выглядела, «благодаря внушительной фигуре — грозно и сурово», «в ней не было ровным счетом ничего от напыщенной и надменной матроны, каковой ее часто полагали».

Ана Лоуэр дала Норме Джин то, чего не дали ни суровая опека Иды Болендер, ни судорожные вспышки материнских чувств Глэдис, ни честолюбивая забота Грейс.

«Она переменила всю мою жизнь, — с благодарностью и нежностью вспоминала Мэрилин Монро. — Эта женщина была

первым на свете человеком, которого я действительно любила и который любил меня. Она была потрясающим человеком. Когда-то я написала про нее стихотворение, и знакомые, которым я его показывала, просто плакали… Оно называлось „Люблю ее“. Только она одна любила меня и понимала… Эта женщина никогда не нанесла мне рану, ни единого разочка. Просто она не смогла бы. Это была сама доброта и любовь».

На тот момент Норме Джин было уже двенадцать с половиной лет. Еще немного — и куколка превратится в бабочку, ребенок — в начинающую осознавать свою притягательность юную девушку.

Глава 3
«ДЕВУШКА МММ»

«Тетя Ана» стала для Нормы Джин по-настоящему близким человеком, самым близким, который был у девочки за всю ее короткую жизнь. Она не ставила никаких условий, ее любовь не требовалось завоевывать. Ане Лоуэр, которой на своем веку пришлось отведать и горя, и одиночества, которую бросил муж за два года до своей смерти, не на кого было излить накопившуюся нежность. Заключенные местной тюрьмы, которым она раз в неделю читала вслух Евангелие, не слишком хорошо подходили для этой цели.

К Норме Джин, заброшенному, неприкаянному ребенку, Ана сразу почувствовала глубокую душевную приязнь, и девочка в ответ потянулась к ней всем своим существом. Норма Джин изливала переполнявшие ее новые чувства в стихах — о том, что Мэрилин Монро с детства и до конца своих дней писала стихи, подчас очень неплохие, знают немногие. И, как и в стихотворении, о котором Монро вспоминала в приведенной выше цитате, твердила на все лады: «Люблю, люблю, люблю!..»

Возможно, Ане Лоуэр до этого никто не посвящал стихов. Строчки, выведенные детским почерком, трогали ее до глубины души. Пожилая женщина взяла с воспитанницы обещание: когда ее, Аны, не станет, Норма Джин будет продолжать сочинять для нее стихи и складывать листки бумаги с ними в специальный, отведенный только для этой цели ящик.

Но немного спустя с сознанием и с телом Нормы Джин начали происходить перемены, которые она при всем желании не могла и не смела обсуждать с набожной воспитательницей, — а та вряд ли сумела бы подыскать нужные слова, поскольку, при всей доброте и чуткости, не обладала педагогической мудростью.

И тут начинается очень интересный период в истории Нормы Джин — будущей Мэрилин Монро. Отрочество вообще показательно и значимо для жизни каждого из нас — едва ли не больше чем детство; об отрочестве нашей героини мы знаем до обидного мало, несмотря на огромное количество рассказов, пересказов и перепевов, — и именно в силу разноречивости свидетельств очевидцев и тех, кто по прошествии лет вознамерился выдать себя за таковых.

Грейс все еще лелеяла надежды сделать из Нормы Джин кинозвезду Собственно, и к Ане она ее поселила для того, чтобы девочка окончила в Лос-Анджелесе общеобразовательную школу,

а затем могла поступить в заранее выбранную для нее школу актерского мастерства. Но, измотанная заботами о собственном семействе, миссис Годдард уделяла дочке Глэдис гораздо меньше времени и внимания, чем раньше. Она больше не следила за гардеробом Нормы Джин, а Ана — уж точно не из жадности и не столько по бедности, хотя тогда она действительно еле сводила концы с концами, сколько по возвышенности чувств — считала нормальным то, что воспитанница донашивает приютскую униформу, те самые давным-давно опостылевшие две синие юбки и две белые блузки. Главное — душа! Так Ана Лоуэр искренне полагала сама, это же внушала Норме Джин. Та не возражала. Но трудно, да что там, просто невозможно жить единственно духовными интересами, если ты — девочка-подросток, которой очень хочется нравиться, хочется все больше, до горючих слез.

Только с Аной Норма Джин поверила, что Бог есть не страх, а любовь. Но если так — пусть все создания божьи полюбят ее, незаконорожденную, явившуюся на свет по ошибке, ее, бывший «номер 3463»!

«Ты красива и снаружи, и внутри, и не стоит придавать много значения тому, что думают о тебе другие люди», — говорила Ана Норме Джин. Однако ту как раз ужасно интересовало, что о ней думают другие.

Норму Джин посещали тревожные и сладкие сновидения, похожие нате, которые она видела шестилетней, после посещения проповедей-шоу Эйми Макферсон. Грезила она и наяву. Вот, вместе с тетей Аной, она приходит в воскресенье в церковь, где полным-полно народу. Органист поднимается в свою каморку. И, стоит зазвучать музыке, торжественной и прекрасной, — она вдруг оказывается обнаженной, сияя белизной перед десятками взоров, не порицающих, нет-нет, а полных благоговения и восторга…

Между тем за пределами дома Аны она, подросток, уже утративший детскую прелесть и еще не научившийся пользоваться всеми преимуществами женственности, слыла едва ли не дурнушкой, едва ли не «чокнутой», странной девочкой, жившей в бедняцком квартале, раздражавшей учителей рассеянностью и смешившей школьников россказнями о том, что ее отец — Кларк Гейбл, а сама она — без пяти минут звезда Голливуда.

Однажды прямо посреди урока Норма Джин увидела, что ее ветхая от старости блузочка треснула по шву. Мальчишки на задних партах уже начали шушукаться, подталкивая друг друга локтями. Одноклассница сжалилась над «чокнутой» и ссудила ей свитер, который сняла из-за духоты. Норма Джин, багровея от

стыда, убежала с чужой одежкой в туалет, переодеваться. Она вернулась… и мальчишки снова зашушукались, но уже совсем с другими интонациями. По классу прошел восхищенный гул.

«Мммммм…» Если раньше ее дразнили «девочкой Ммм», потому что она не могла сладить с заиканием (с которым потом боролась на протяжении всей своей карьеры), то теперь этот «титул» обрел совершенно новый смысл.

«Когда я садилась на место, все посмотрели на меня так, словно я вдруг выросла на две головы, и в каком-то смысле так и было».

Рост в буквальном, а не метафорическом смысле как раз имел значение. Взрослая Мэрилин Монро была довольно миниатюрной, как и ее мать, но Норма Джин, сильно вытянувшаяся к 14 годам, переросла всех девочек в своем классе. В том числе и ту, которая спасла ее, одолжив свитер. И этот свитер туго обтягивал созревающую грудь и тонкую талию Нормы Джин. Она была не просто девчонкой в чересчур тесной одежде… Окружающие впервые заметили в ней нечто такое, чему не находили слов. Чему впоследствии не находил слов весь мир.

После уроков из-за Нормы Джин впервые подрались мальчики. Каждый хотел проводить ее домой. На остальных девочек, даже признанных красавиц, прежде презрительно хмыкавших Норме Джин вслед, никто не обращал ни малейшего внимания.

С этого дня и облик, и поведение будущей актрисы изменились до неузнаваемости. Она припомнила все уроки, преподанные ей когда-то Грейс, и достала из ящика стола косметичку. Она изобретала свои собственные маленькие хитрости, позволявшие ей казаться еще соблазнительнее. У одноклассниц, которые относились к ней уже совсем по-другому и только рады были услужить, Норма Джин заимствовала наряды. Некоторые из этих девочек и сами выросли из пожертвованных джемперов и кофточек, а Норме Джин перепавшее добро было и подавно мало на два-три размера, но это и требовалось — она не забывала о обернувшемся триумфом конфузе из-за порванной блузки. Красота требовала жертв — и девочка каждую ночь спала на бигуди, чтобы ее русые волосы лежали крупными блестящими волнами. Как и в эпоху шефства Грейс, она отрабатывала перед зеркалом ослепительные улыбки.

Лелеявшая с детства мечты о всеобщем внимании, но пугливая и застенчивая в реальности, теперь она с озорным наслаждением шокировала ближних. Когда приютские юбочки стали малы Норме Джин настолько, что перешить их в очередной раз трудолюбивая тетя Ана уже могла, девочка купила за

несколько центов подержанные мужские брюки и надела их со стареньким шерстяным жакетом, вывернутым наизнанку. Этот костюм, блестящее подтверждение поговорки «Голь на выдумки хитра», придавал ей хулиганский и вместе с тем сексуальный вид. Среди женщин тогда еще не были массово распространены брюки, во всяком случае, школьницы уж точно не приходили в них на занятия. Взбешенные учителя, на потеху ученикам, несколько раз выгоняли Норму Джин с уроков и посылали домой переодеться. Но переодеваться ей все равно было бы не во что, даже если бы она и захотела.

Накрашенные кроваво-красным губы, конечно, тоже возмущали преподавателей, а вот у мужской части класса вызывали совершенно противоположный эффект.

В школу Норма Джин больше не шла в одиночку — у дверей ее каждое утро поджидали двое-трое мальчиков, которые всю дорогу отнимали друг у друга ее сумку с учебниками.

Естественность манер отнюдь не была в моде среди дам в конце 30-х и начале 40-х. Но Норма Джин, начиная лепить свой ныне легендарный образ, утрировала все, что и без утрирования было гротескным. Растягивая на особый лад слова, она училась скрывать заикание. Уже тогда она начала отрабатывать свою знаменитую походку «от бедра», благодаря которой бедра призывно колыхались. Общаясь с мужчинами, она извивалась всем телом, словно намекая на необузданную страстность своей натуры. В сочетании с полудетской внешностью это смотрелось странно. Вернее, это смотрелось бы комично в исполнении какой-нибудь другой девушки, но в исполнении Нормы Джин было забавным и привлекательным.

«Бесстыдница!» «Что она себе позволяет!» О ней начали сплетничать еще в ее 14–15 лет, и рокот сплетен не утихал до самой ее смерти.

Что же «позволяла» себе юная Норма Джин? Первый муж Нормы Джин, Джим Догерти — скоро он появится в нашем повествовании — божился, что женился на девственнице. Вполне возможно, так оно и было, хотя верить Джиму можно не в большей степени, чем остальным «свидетелям Монро».

Но и сама Норма Джин уверяла: «…со всей этой губной помадой, тушью, со всеми этими ямочками и изгибами я была не чувствительнее улитки… Бывало, лежу ночами и дивлюсь, с чего это мальчишки за мной увиваются».

«Увиваются» — сказано еще очень скромно. Покой благочестивой Аны Лоуэр, да и прочих жителей Небраска-авеню, нарушали подростки, толпами, человек по 10–15, собиравшиеся вечерами под окнами Нормы Джин. Они свистели, выкрикивали

ее имя, залезали на деревья — делали все, чтобы выманить у нее хотя бы мимолетную улыбку, хотя бы кокетливую гримаску.

На девочку засматривались и мужчины постарше. Шоферы сигналили, когда она шла по утрам в школу.

Несомненно, Норма Джин получала от всего этого колоссальное удовольствие. Она наконец-то получила вожделенное признание! Она больше не чувствовала себя пустым местом, фигуркой, которую равнодушные руки передвигают по доске. «Мир стал дружелюбнее… он раскрылся передо мной».

Но и только. «Она — генерал секса, но, подобно другим генералам, не испытывает ни азарта, ни тревоги, выпадающих на долю рядовых», — напишет о героине в пору ее ранней юности Норман Мэйлер.

«Мальчишки ухаживали за мной так, будто я была единственным существом женского пола во всей округе. Будучи подростками, они ограничивались прощальным поцелуем и неловким объятием в коридоре. На самом деле я без труда отражала атаки большинства ухажеров. В пятнадцать — восемнадцать лет парни не слишком настойчивы. Я думаю, что, если бы опытные женщины не соблазняли их, мальчишки сохраняли бы невинность так же долго, как и девочки (если они сохраняют).

Среди моих ухажеров были, однако, и молодые люди, вступавшие между собой в реальное соперничество, а время от времени попадался даже настоящий „волк“, с полным набором терминологии и планов соблазнения. Этих было особенно легко дурачить, просто потому, что мне их не было жаль».

Купаясь в холодноватом ликовании, Норма Джин еще не осознавала того, что потом стало ложкой дегтя в бочке меда ее славы, — именно в те годы, годы отрочества, она все больше проникалась уверенностью, что быть значимой может только как объект чувственных взглядов, ни в коем случае не сама по себе.

Безусловной любви Аны Лоуэр, увы, все-таки не хватило для того, чтобы залечить раны, черные дыры в сердце девочки, исцелить ее от разрушительной неуверенности.

Летом 1940 года у Нормы Джин случился первый «официальный» роман. Ее избранником стал рыжеволосый старшеклассник Чак Морен. Хотя оба учились в средней школе имени Эмерсона, познакомились они не на переменке, а, как рассказывают, в дешевом баре «Хи-Хо» или на пляже. До момента, когда танцовщица Мишелин Бернардини показала публике первое бикини, оставалось еще шесть лет, но купальник Нормы Джин был, как и прочая ее одежда, на несколько размеров меньше положенного.

Чак был, что называется, «плохим парнем»: мог, например, угнать приглянувшийся автомобиль, чтобы свозить приглянувшуюся девушку поразвлечься на аттракционах в Оушен-парк. Из-за этого у Морена не раз бывали проблемы и с владельцами машин, и с родителями девушек, если те или другие обнаруживали пропажу раньше времени.

Но для свиданий с «девушкой Ммм» Чак просил автомобиль у отца. Парочка отправлялась на пристань, в танцзал, где часто отплясывала огненную румбу киноактриса Лана Тернер, чей муж Арти Шоу руководил оркестром.

О том, как проводили время Норма Джин с Чаком, Мэрилин Монро вспоминала: «Мы танцевали до упаду, а потом выходили на стаканчик колы и прогуливались на холодном ветру. Чаки давал мне понять, что хочет чего-то большего, нежели просто иметь партнершу для танцев. Его руки вдруг оказывались везде! Но меня это пугало, и я была довольна, что умею выцарапаться от самых сильных ребят — жизнь в сиротском приюте, а также то, через что довелось пройти с Доком и Джеком, научила меня этому. Бедный Чак ничего с этого не имел, у него только болели ноги, и он тратил силы на борьбу со мной. Но я себе думала так: что ж, у него просто нет права ни на что большее. Кроме того, я в самом деле не больно рвалась к сексу, и в этом, пожалуй, были свои хорошие стороны».

Роман сошел на нет в сентябре, когда начались занятия: у Нормы Джин — все в том же учебном заведении имени Эмерсона, у Чака — в школе-лицее при университете. Но юноша еще года два слал Норме Джин открытки на День святого Валентина.

Похоже, и с Чаком, и с другими ухажерами Норма Джин действительно вела себя как типичная кокетливая девчонка-подросток: болтала, танцевала, обнималась, целовалась, но не позволяла «лишнего».

В школьной газете «Эмерсонец» однажды появился шуточный гороскоп, в котором Норме Джин Бейкер пророчили будущее «лучезарно улыбающейся директрисы пристанища для старых дев». Вполне вероятно, это один из разочарованных кавалеров отомстил ей таким довольно элегантным способом.

Писала для «Эмерсонца» и сама Норма Джин. Одна из ее заметок в ретроспективе выглядит весьма занятно:

«После анализа и сопоставления результатов более чем полусотни анкет, распространенных в школе, мы приходим к выводу, что для пятидесяти трех процентов наших молодых людей идеалом девушки является блондинка. Сорок процентов отдают предпочтение брюнеткам с голубыми глазами, а семь утверждают, что хотели бы очутиться на безлюдном острове с

рыжеволосой девчонкой… Если иметь в виду максимальное единомыслие анкетируемых, то идеальной девушкой была бы блондинка с медовым отливом волос, изящной фигурой и правильными чертами лица, притом элегантная, интеллектуальная и одаренная в спортивном отношении (но все-таки женственная); кроме того, она должна быть лояльной подругой».

То ли в конце 1940-го, то ли в начале 1941 года Норме Джин снова пришлось собрать свои скудные пожитки. Ана Лоуэр, из-за возраста и тучности страдавшая сердечно-сосудистыми болезнями, чувствовала себя все хуже, а девочка, еще, в сущности, ребенок, сама еще требовала ухода и никак не годилась в сиделки. Возможно, причиной очередного переезда Нормы Джин отчасти стало и ее вызывающее поведение. Ана была терпимым человеком и редко ругала воспитанницу. Поначалу она даже радовалась, что девочка развлекается, что та окружена друзьями. Но вид столь бурно расцветающей женственности наверняка заставлял доброе больное сердце Аны Лоуэр биться быстрее. Она уже не могла контролировать Норму Джин и, скорее всего, боялась, что та под ее присмотром «попадет в беду».

На этот раз Норма Джин не очень печалилась, не решила, что ее предали вновь.

Во-первых, ее брала к себе Грейс — а значит, возвращала ей свое «признание». Во-вторых, Ану она могла навещать сколько угодно, а молитвы в компании пожилых знакомцев «тети» уже порядком ей наскучили. В-третьих, с Годдардами тогда жила вышеупомянутая старшая дочь Эрвина, Элинор, и у Нормы Джин наконец появилась близкая подружка-ровесница — а подрастающим девочкам это просто необходимо.

Элинор, которую в семье звали Бейб, была на полгода младше Нормы Джин, примерно одного с ней роста и одной комплекции. Даже волосы у них были одного цвета. Характерами они тоже были схожи. Часто весь дом оглашался жизнерадостным девчачьим смехом. Элинор позже говорила, что, кажется, именно тогда Норма Джин научилась смеяться по-настоящему — без кокетства и жеманства, без желания понравиться или угодить, просто беззаботно хохотать от души. Она открыла в себе «блестящий талант веселиться».

Вместе девочки бегали в кафе, кино, на танцы — и обрастали кучей приятелей. Новые знакомые нередко принимали Норму Джин и Бейб за сестер-близнецов, и девочкам это ужасно нравилось. Они вовсю пользовались своим сходством, меняясь одеждой, одинаково красясь и причесываясь.

Перед сном они подолгу шептались и хихикали, делясь

девчоночьими секретами. Но были среди этих секретов и печальные. Элинор рассказала Норме о выпавших на ее долю злоключениях: равнодушной к детям матери-психопатке, приемных семьях, где подопечных колотили и принуждали к тяжелой работе, о беспросветности и отчаянии. Как мы уже говорили, многое из этих рассказов стало потом, по видимости, материалом, из которого Мэрилин Монро склеила миф о себе.

Школа, в которой теперь учились Норма Джин и Бейб, располагалась довольно далеко от принадлежащего Ане Лоуэр особняка в западном Лос-Анджелесе, куда Годдарды переехали незадолго до «расширения семейства». Зато рядом с прежним домом Годдардов на Одесса-авеню (владелицей которого, к слову сказать, тоже была Ана). Грейс спросила бывшую соседку, Этель Догерти, не может ли ее 20-летний сын Джим привозить девочек домой после уроков. Джеймс Догерти поначалу с улыбкой отнекивался — болтушки, дескать, сведут его с ума. Но потом рассудил, что компания двух прелестных юных особ — не такое уж и наказание, а времени водительские услуги отнимут у него не так уж и много.

Джима окружающие считали юношей серьезным и дельным. Младший из пятерых детей, он во время Великой депрессии девятилетним ребенком работал целыми днями, как взрослый, собирая фрукты. Помогал семье он и потом — чистил прохожим обувь, готовил в закусочной бутерброды, подрабатывал в погребальной конторе. При этом он хорошо учился и был председателем ученического совета и лучшим игроком школьной футбольной команды. От спортивной стипендии, которую предложил ему колледж, Джим отказался, чтобы не лишать родителей своих заработков. По окончании школы он устроился рабочим на авиастроительный завод.

Джим был хорошо сложен, обаятелен и на свой лад щеголеват. Девушек он подвозил на купленном в кредит ярко-голубом «форде», а его аккуратные усики напоминали Норме Джин о Кларке Гейбле. Норма Джин и Бейб строили глазки привлекательному «взрослому» парню и постоянно подтрунивали над ним, но вряд ли в этом было что-то, кроме обычной пробы коготков. Норма Джин, по заверениям Догерти, норовила сесть к нему поближе, особенно в отсутствии часто болевшей Бейб. Но и это, скорее всего, получалось у нее едва ли не машинально, было всего лишь одним из приемов ее растущего арсенала кокетства. «Неплохой старичок!» — говорила она Бейб о Джиме.

Джима же забавляли и приводили в хорошее настроение эти юные девушки, для него — все еще дети, даже звезда подростковых компаний Норма Джин. И речи быть не могло,

чтобы начать ухаживать за какой-нибудь из них.

«Я обратил внимание, что она была премилой и симпатичной девчоночкой, которая считала меня бесподобно выглядящим в белых рубашках, но для меня она была не более чем ребенком, потому как в нашем возрасте пять лет представляют собой огромную разницу», — так охарактеризовал он спустя десятилетия свое отношение к Норме Джин в ту пору.

Но вскоре все изменилось.

Эрвину Годдарду предложили работу менеджера по продажам в Западной Вирджинии, и он с радостью ухватился за предложение. Элинор Годдард скептично говорила об отце: «Но правде говоря, он до этого просто бил баклуши и слонялся без дела, пытаясь стать актером, хватаясь за самую разную работу и так далее, — вот он и решил в конечном итоге, что должен уже как-то остепениться и образумиться. Док прекрасно умел продавать все что угодно, и наконец-то у него появилась мотивация взяться за постоянную работу».

Семье предстояло покинуть насиженное гнездо. Док категорически возражал против того, чтобы Норма Джин поехала с ними. Да, оклад ему обещают солидный, но кто знает, как оно все сложится на новом месте? Зачем ему, Доку, лишняя обуза, да еще в виде кокетливой девчонки, за которой нужен глаз да глаз? (О том, что несколько лет назад эта «кокетливая девчонка» еле спаслась от его похотливых лап, мистер Годдард, надо думать, благополучно позабыл.)

Ана Лоуэр, чье здоровье продолжало ухудшаться, боялась, при всей своей любви, брать на себя ответственность за Норму Джин. Единственным и не устраивающим никого выходом виделось возвращение девушки в приют вплоть до совершеннолетия. Или?..

И Грейс Годдард задумала выдать Норму Джин замуж. А жених? Да вот же он! Долго искать нет нужды. Похоже, Джим Догерти с Нормой Джин успели приглянуться друг другу. Нужно это проверить!

Разведку боем, однако, хитроумная Грейс начала не с самого Джима, а с его матери. Призвав в качестве тяжелой артиллерии Ану Лоуэр, чья благообразная наружность с первого взгляда внушала людям уважение и доверие, миссис Годдард зашла выпить кофе к миссис Догерти. Поняв, чего хотят от нее гостьи, хозяйка изрядно удивилась. Джим еще так молод, он еще и не задумывался об обзаведении собственным семейством. Что же до гипотетической невесты — она ведь и вовсе школьница.

А слухи об этой школьнице ходят такие, что… Этель покраснела и извинилась перед приятельницей и ее теткой. Нет,

конечно же, сплетникам верить нельзя, и лично она, Этель Догерти, не верит, люди многое преувеличивают… Но…

Ана Лоуэр торжественно заверила, что ее бывшая воспитанница чиста и невинна. Она, Ана, служит Богу, пред которым скоро предстанет, ибо стара и немощна, — и не стала бы лгать. Грейс упирала на то, что Этель и ее сын совершат благое дело, если уберегут бедное дитя от приюта, — ведь девочка и так уже столько вынесла!

Под двойным натиском миссис Догерти не то что бы капитулировала, но по крайней мере пообещала, что поможет молодым людям сблизиться и тем временем сама как следует присмотрится к Норме Джин. А там уж — как Господь рассудит…

Первым ходом в игре стало переданное Джиму через его мать приглашение на рождественский бал. К приглашению присовокуплялась просьба выступить в роли кавалера Нормы Джин и заодно подыскать кого-нибудь для той же цели для Элинор Годдард.

Ни о чем не подозревавший Джим согласился. Почему бы и нет? Постоянной девушки, которую он хотел бы видеть своей дамой, у него на тот момент не было.

На балу танцевали современные свободные танцы, во время которых Норма Джин, в свойственной ей манере, держалась к партнеру близко, очень близко, чувственно прикрыв глаза. И Джим понял, что ему это безумно льстит, и даже больше, чем просто льстит. «Я, как никогда в жизни, получал удовольствие от танцев с этой маленькой девочкой, которая, впрочем, уже и сама себя не чувствовала таковой, да и мне не казалась такой уж маленькой».

То, что началось между Джимом и Нормой Джин потом, можно назвать дружбой с оттенком флирта. Вскоре Джим пригласил девушку на танцы. В увеселительном заведении, куда он ее привез, парни не стеснялись в выражениях эмоций, потому что здесь, в отличие от бального зала, не было их родителей. И реакция этих мальчиков и мужчин поразила Джима. «Я впервые испытал влияние ее сексапильности на большую группу людей и должен сказать, что я был ошеломлен. Допускаю даже, что немного ревновал…» На обратном пути, в машине, Джим впервые поцеловал Норму Джин.

Они выбирались вдвоем на пикники, бутерброды для которых складывала в корзинку миссис Годдард. Забирались в горы, ездили на озеро и любовались окружающей их природой под рвущийся из автомобильной радиолы голос Фрэнка Синатры. Норма Джин смотрела на Джима снизу вверх и в прямом, и переносном смысле. Она всерьез находила его — или ловко

сумела убедить в этом — умным, повидавшим жизнь, знающим. И это тоже очень, очень льстило Джиму, пусть он и не знал по большей части ответов на вопросы, которыми забрасывала его девушка.

Вопрос, однако, не терпел отлагательств: Годдарды уже практически сидели на чемоданах. Грейс и Этель Догерти решили, что настала пора действовать.

За недолгий срок Этель прониклась симпатией к Норме Джин — что-что, а обаять будущая Мэрилин Монро могла кого угодно! — и теперь искренне хотела видеть ее своей невесткой. Но Джим, уяснив себе, о чем говорит с ним мать, изумился так же, как она сама каких-то пару месяцев тому назад. Он и вправду не думал пока о женитьбе, ни на Норме Джин, ни на ком бы то ни было другом. Незадолго до этого США вступили во Вторую мировую войну, и Джим хотел пойти на фронт добровольцем, что плохо вязалось с замыслами Грейс и Этель.

Но все же под воздействием уговоров Джим размечтался о том, как приходит с работы домой, а на шею ему кидается юная жена, такая славная, милая и волнующая… Главным же аргументом послужило то, что брак с Джимом спасал Норму Джин от приюта. Спасти красивую девушку от беды — почти столь же благородно, как отправиться спасать мир от нацистов! Так вдруг показалось Джеймсу Догерти.

15-летняя Норма Джин, которой миссис Годдард одновременно сообщила о своем скором отъезде в Западную Вирджинию и своих планах насчет участи воспитанницы, и подавно не помышляла о замужестве. По словам Джима, она была в бешенстве: «…с этого момента Норма Джин потеряла уважение к Грейс. У нее сложилось такое впечатление, что ее еще раз оттолкнули, что ее выставили из очередного дома… Дело в том, что Грейс ранее пообещала Норме Джин, что та уже никогда больше не будет испытывать неуверенности в своем завтрашнем дне, и бедная девушка полагала, что своими нынешними действиями Грейс нарушила данное ею обещание».

Джим нравился ей, как и она ему, но они не были влюбленными. И тем не менее…

«Весь этот брак организовала и устроила Грейс Мак-Ки. У меня не было абсолютно никакого выбора. Что тут еще можно добавить? Они не могли меня содержать и были вынуждены что-нибудь придумать. Вот так я и выскочила замуж…»

«А нельзя ли мне выйти за Джима, но не заниматься с ним сексом?» — робко спросила она у Грейс. «Сексом занимаются все мужья и жены, и в нем нет ничего страшного. Научишься!» — нетерпеливо отмахнулась та, давая понять, что тема исчерпана.

«Самое важное, что принес этот брак, — скажет позже Мэрилин Монро, бывшая Норма Джин Мортенсен-Бейкер, — он навсегда покончил с моим статусом сироты. За это я была благодарна Джиму. Он был моим Лохинваром, освободившим меня от синих платьев и белых кофточек».

В марте Годдарды отбыли в Западную Вирджинию. Их отъезд Норма Джин пережила очень тяжело. Спустя пару дней она заявила изумленным одноклассникам и учителям, что, поскольку скоро выходит замуж, считает обучение оконченным. Больше в школе она не появлялась. Ана Лоуэр, к которой Норма Джин временно вернулась, смирилась с этим решением. Конечно, девушка спокойно могла бы доучиться до летних каникул. Но место за партой Элинор, сестры-подруги, ненадолго подаренной судьбой, пустовало, Норма Джин снова чувствовала себе преданной и была обижена на весь белый свет, впереди ждала неизвестность — и какой же чепухой по сравнению со всем этим казались физика с географией! К тому же Джин Харлоу, двойником и преемницей которой Норма Джин уже привыкла себя считать, тоже бросила школу ради замужества в возрасте 16 лет.

Аналогия с биографией Харлоу придет Мэрилин на ум и тогда, когда она через много лет будет вспоминать о жизни с Джимом Догерти: «Впоследствии мне все случившееся казалось сном — как будто бы этот факт вообще никогда не имел места. И ничего хорошего из этого не вышло, точно так же как не удалось и первое замужество Джин Харлоу. Видимо, мы обе были слишком молоды».

Мэрилин Монро потом не переставала горько сожалеть, что не окончила школу. Это усиливало ее чувство собственной никчемности, неполноценности, которое всегда пробивалось в ней сквозь внешний блеск и лоск. К тому же кое-кто из врагов и даже друзей не упускал случая сыграть на том, что Мэрилин чувствует себя необразованной, серенькой, глупой…

В отличие от первого бракосочетания матери Нормы Джин Глэдис Монро, метрику невесты-подростка подправлять не пришлось. 1 июня 1942 года Норме Джин исполнилось 16 лет, и по законам штата Калифорния с этого дня она уже была вполне готова идти под венец.

Пока Норма Джин дожидалась брачного возраста, Джим ухаживал за ней уже на правах жениха. Официальное предложение руки и сердца казалось всем настолько незначащей формальностью, что однажды, гуляя с Нормой Джин по Лос-Анджелесу, Джим завел ее в ювелирный магазин, выбрал для них обручальные кольца, уплатил за покупку — и только потом

догадался спросить: «Ты будешь моей женой?»

19 июня Джим и Норма Джин поженились. И тут опять всплыла путаница с фамилиями двух мужей Глэдис, ни один из которых не был отцом ее младшей дочери: Ана Лоуэр разослала от своего имени приглашения на свадьбу Нормы Джин Бейкер, но акт о заключении брака невеста подписала как Норма Джин Мортенсен.

Друзья Годдардов Хауэллы предоставили для торжества свой дом. Племянник хозяина вспоминал: «На основании того, что я слышал от членов моей семьи, можно понять, что это произошло как-то между делом».

Но невеста, честь по чести, нарядилась в настоящее свадебное платье, белое, украшенное вышивкой, — Грейс и Ана загодя позаботились обеспечить воспитанницу скромным приданым, — и прикрыла локоны фатой.

Она, по словам Джима, настолько тряслась от лихорадочного возбуждения, что едва могла устоять на ногах. А чтобы успокоить самого Догерти, старший брат перед церемонией чуть ли не силком заставил его выпить добрую порцию двойного виски.

Нэнси Джеффри потом утверждала, что была на этой свадьбе, как и Ида и Уэйн Болендеры, а также все приемные дети, воспитывавшиеся Болендерами в одно время с Нормой Джин. Возможно, расчувствовавшаяся Норма Джин действительно пригласила их всех. Ведь давно невзлюбившей Иду Болендер Грейс уже не было до этого особого дела. «Я помню винтовую лестницу в гостиной и нас, глядящих вверх, когда она появилась там. Это была удивительно красивая невеста», — рассказывала Нэнси.

Дж. Догерти и Норма Джин

Глэдис при бракосочетании дочери не присутствовала. Все это время ее переводили из клинику в клинику, и состояние ее не давало надежд на улучшение. За три года до описываемых событий, в 1939-м, Грейс Годдард привезла Норму Джин в лечебницу в Сан-Франциско, где тогда находилась Глэдис. Девочка была ошеломлена и расстроена — мать даже не узнала ее!

Не приехали из Западной Вирджинии и Грейс с Доком и Бейб…

Джиму навсегда запомнилось, как льнула к нему, словно ища защиты, его новоиспеченная жена. «[Она] на протяжении всего дня не выпускала мою руку и, даже держась за меня, смотрела мне в глаза так, словно боялась, что я исчезну навсегда, если вдруг выйду из комнаты».

После ужина компания переместилась в голливудское кабаре «Флорентийские сады», где молодежь танцевала до упаду. При этом Джим ревновал жену, ведущую себя, по его мнению, чересчур развязно, а та сочла попытки мужа выглядеть удальцом

и лихим танцором попросту нелепыми.

Под утро молодожены приехали в заранее снятую квартирку на улице Виста-дель-Монте в Шерман-Оукс. Джим проснулся с больной головой, когда закатное солнце залило комнату. Зажмурившись, он потянулся к Норме Джин, но руки его нащупали только подушку. С улицы доносились смех и веселые крики. Один голос показался Джиму знакомым. Подойдя к окну, он с треском распахнул его, посмотрел вниз и обомлел. Его девочка-жена беспечно играла на улице с ребятишками.

Глава 4
«ПРОХАЖИВАЮЩАЯСЯ ПО УЛИЦЕ МЕЧТА»

Во многом начало супружеской жизни мистера и миссис Догерти было таким, как у тысяч других молодых пар. Притирка характеров, мелкие стычки из-за внезапно обнаружившихся несовпадений во вкусах и привычках, пылкие ссоры и жаркие примирения.

Во многом эта пара очень сильно отличалась от прочих.

Норма Джин звала мужа Папочкой, что поначалу умиляло его, а потом начало раздражать. Так зовут своих мужей сотни жен во всем мире, есть у них дети или нет. Но дело в том, что Норма Джин как будто действительно искала в Джиме потерянного еще до рождения отца, а сама желала вечно оставаться рядом с ним любимым ребенком.

Отношения «ребенок / родитель» среди супругов встречаются не так уж редко. Но они жизнеспособны только тогда, когда двое согласны и способны принять на себя соответствующие роли. А Джим «отцом» для своей юной жены быть не хотел и не мог. Его представления о браке были достаточно традиционны, «Я — капитан, а моя жена — первый офицер, старпом. А коль так, то жена должна быть довольна уже тем, что находится на корабле, и не мешать мне управлять и командовать им». Жена-помощница, а не капризное своевольное дитя, которое то осыпает «капитана» поцелуями, то закатывает ему истерики.

Не будучи влюбленной в жениха, Норма Джин очень сильно привязалась к мужу, потому что теперь только на него и могла рассчитывать. А обручальное кольцо на пальце вроде бы давало надежду, что новый «опекун» не покинет ее, не выбросит из своей жизни, как сделали до него все остальные, все, кто был ей дорог.

Джеймс-то надеялся, что будет «всё как у всех», как у его родителей и соседей. Терпеливо дожидающийся на плите горячий ужин, когда бы глава семейства ни пришел — с завода, или из пивной, куда мужчинам не зазорно забрести после работы, чтобы пропустить по стаканчику, или после многочасовой партии в покер в выходной. Терпеливая, всегда опрятная и свежая женушка, не перечащая мужу.

А Норма Джин совсем не умела готовить. Когда она пыталась следовать советам из подаренной Грейс книги «Подготовка к браку» или из женских журналов — тех самых, где несколько лет

спустя появятся ее фотографии, — результаты получались ошеломляющими. Так, однажды она пять или шесть раз кряду подала Джиму морковь с горошком, вычитав, что оранжевое с зеленым создают на тарелке привлекательную цветовую гамму. Если Догерти отправлялся с отцом и братьями на рыбалку и, вернувшись, торжествующе потрясал перед женой уловом, Норма Джин глядела на сырую рыбу так озадаченно, будто бы вообще не понимала, что это такое.

Сама она ела, когда и что придется, в основном надкусывая и бросая печенье, сыр, хлеб, фрукты. Спала тоже когда и где придется, словно годы, проведенные в детстве в доме Болен-деров и в приюте, навсегда отвратили ее от какого бы то ни было четкого распорядка. Норма Джин могла вдруг заснуть посреди бела дня на коврике или вовсе на голом иолу, а ночью шаталась по дому, будя и зля Джима, которому нужно было вставать чуть свет.

Норма Джин с трудом переносила отсутствие мужа и, будь ее воля, не отпускала бы его даже на работу, целыми сутками так же судорожно сжимая его руку, как в вечер их свадьбы.

На первых порах Джима искренне трогали подстерегающие его там и сям, то под покрывалом, то на дверце холодильника любовные записочки. Поначалу ему будоражило кровь, когда Норма Джин устраивала сюрпризы, встречая его, например, в шальварах баядерки и с густо подведенными глазами.

Он растерянно улыбался и с трудом мог отказать, когда девочка-жена со слезами умоляла его взять в дом очередного бездомного котенка или щенка.

Но он предпочел бы менее экзотические способы выражения чувств. И полагал, что в их и без того тесном жилище (с Шерман-Оукс супруги в декабре 1942 года перебрались обратно в Ван-Найс) нет места животным, которые к тому же будут портить мебель и разносить грязь.

Впрочем, песика Магси, потерявшегося шотландского колли, чем-то напомнившего Норме Джин ее лучшего друга детства — покойную дворняжку Типпи, Джим все-таки позволил приютить.

Общеизвестно, что, выслушав двух разведенных супругов, мы узнаем две абсолютно разные истории. Поэтому неудивительно, что поведанные миру версии Джеймса Догерти и Мэрилин Монро не совпадают не только в малозначащих деталях.

Так, он хвастался, что его первая жена отличалась бешеной страстностью и их интимная жизнь была идеальна, что Норма Джин побуждала его заниматься с ней любовью в самых необычных позах и местах.

А она, очаровательно краснея, признавалась репортерам, что

едва терпела ласки Джима и что первый брак сделал ее еще более равнодушной к сексу.

Джим рассказывал, что Норма Джин угрожала ему самоубийством, если он только подумает бросить ее; клялась, что тогда спрыгнет с пирса Санта-Моники.

Мэрилин холодно парировала, что покончить с собой хотела от безысходности: брак с Джимом напоминал ей западню.

О первом браке ее расспрашивали на протяжении всей ее карьеры. И в принципе все ее ответы можно свести к одной короткой фразе: «Нам нечего было сказать друг другу».

В 1953 году, на пике славы кинозвезды, журнал «Photoplay» опубликовал статью под подписью Джеймса Догерти и под названием «Мэрилин Монро была моей женой». Неоднократно у Джеймса брали интервью и другие издания. Можно не сомневаться, что он не упускал шансов несколько приукрасить свой образ и «подправить» прошлое.

Но нижеприведенные слова достаточно правдоподобны:

«Она была настолько впечатлительна и не уверена в себе, что я осознал свою неспособность обращаться с нею. Я знал, что она совсем молода и что ее чувства весьма ранимы. Норма Джин думала, будто я зол на нее, если хоть раз, выходя из дому, я на прощание не поцеловал ее. Когда вспыхивала ссора — а это происходило постоянно, — я чаще всего говорил: „Замолчи!“ или даже „Заткнись!“ и укладывался спать на диване. Проснувшись через час, я обнаруживал ее спящей рядышком со мною или сидящей неподалеку на полу. Одновременно Норма Джин была весьма снисходительной. Никогда в жизни она не таила ни на кого обиду. Мне казалось, будто я знаю, чего она хочет, но то, о чем я думал, никогда не оказывалось тем, чего она хотела в действительности. У меня складывалось впечатление, что Норма Джин играет какую-то роль, готовясь к тому будущему, которого я не мог предвидеть».

Юная миссис Догерти отнюдь не забыла то, к чему с детства готовила ее Грейс Мак-Ки / Годдард: она, Норма Джин, должна стать актрисой, и не просто актрисой, а знаменитостью!

Будущее, брезжащее где-то вдалеке, действительно не менее верно разрушало ее брак с Джимом, чем несходство характеров и привычек молодых супругов. Ее устремления были ему чужды, непонятны, неприятны. Несмотря на всю потребность в «Папочке», легко поверить, что в конце концов Норме Джин стало с ним скучно.

Что касается настоящего «папочки», которого она никогда не видела, — Норма Джин не теряла надежды найти его, хотя бы узнать его имя. Она продолжала допытываться об этом у Грейс

Годдард, с которой постоянно переписывалась. Та не знала, что ей ответить: она ведь и сама ничего толком не знала. Но однажды Грейс навестила в лечебнице Глэдис, которая сказала ей, что отец Нормы Джин — их бывший сотрудник Гиффорд, и отдала фотографию Чарльза Стенли, которую, оказывается, любовно хранила до тех пор.

Учитывая, что Глэдис. 17 лет молчала, а потом принялась делиться своей тайной со всяким, кому хватало терпения ее выслушать, эту информацию нельзя брать на веру. Понимала это и Грейс, поэтому передала содержание разговора Норме Джин после долгих колебаний и предупредив, что ее отцом мог быть и кто-нибудь другой, что все это, вполне вероятно, — бредни помешанной. Фотографию Гиффорда Грейс положила в конверт в письмом и отослала в Лос-Анджелес.

По словам Догерти, Норма Джин была ошарашена новостью, часами не сводила глаз со снимка, мечтала о встрече с отцом и боялась ее. Проявив недюжинные детективные способности, она раздобыла телефон Гиффорда. «Здравствуйте, я Норма Джин, дочь Глэдис…» Договорить она не успела: в трубке послышались гудки. Норма Джин расплакалась. Муж и свекровь, которых она, чтобы не было так страшно, попросила присутствовать при беседе, долго не могли ее утешить.

Предполагаемый брат Нормы Джин, Чарльз Стенли Гиффорд-младший, категорически отрицал, что этот звонок вообще имел место: «Никогда не было ничего подобного. Это звучит очень литературно, как все, в чем принимала участие Мэрилин Монро. Она создала массу весьма причудливых историй о своей жизни. Я думаю, что на самом деле она сказала людям, что звонит моему отцу, набрала номер и соединилась с кем-то, но это не был мой отец. Мой отец не бросил бы трубку. Он бы захотел узнать побольше о ней и о Глэдис. Я думаю, что она придумала все это, а затем стояла там, набирала номер… просто играла роль перед свидетелями».

Не в первый и далеко не в последний раз повторим: как обстояло дело в реальности, мы вряд ли когда-нибудь узнаем.

Джим, в свою очередь, не забыл, что еще до того, как мать и Грейс Годдард организовали его женитьбу, собирался отправиться на фронт. Растущее напряжение в отношениях с женой подогревало это желание. Дважды или трижды он порывался записаться в добровольцы, но Норма Джин, которой очень не хотелось остаться одной, отговаривала его.

Но летом 1943 года он все-таки поступил на флот. В качестве уступки жене — не в военный, а в торговый, чьи корабли бороздили океан на территории США.

Раньше Норма Джин говорила, что не готова стать матерью (и это было чистой правдой). Теперь она упрашивала Джима перед отъездом «сделать ребенка». Он же, прежде твердивший, что в семье, «как у всех», должны быть дети, — сказал, что с малышом им придется обождать до конца войны.

Джеймса Догерти направили на морскую базу Авалон на острове Санта-Каталина. После нескольких недель в лагере для новобранцев он был назначен командиром взвода призывников.

По настоянию Джима Норма Джин переселилась к его родителям, прихватив с собой Магси. Однако уже осенью муж вызвал ее к себе. Жалованье офицера позволяло Догерти снять квартиру неподалеку от базы, и он даже не возражал, чтобы песик тоже поселился там.

Месяцы, проведенные на острове, обернулись нешуточным испытанием для брака Джима с Нормой Джин.

«Разумеется, в городке ощущалась нехватка женщин, и именно там начались проблемы с мужчинами, — вспоминал Догерти. — Она всякий раз, когда я упоминал о своих давнишних девушках, испытывала ревность, но в тот год на Каталине для ревности было гораздо больше поводов у меня. Норма Джин великолепно отдавала себе отчет в красоте своего тела и знала, что нравится мужчинам. Моя жена постоянно отправлялась вместе с Магси на прогулки, одетая в плотно облегающую белую блузку и столь же облегающие белые шорты, с ленточкой в волосах. Выглядела она при этом как прохаживающаяся по улице мечта».

«Мечта» не только прохаживалась по улицам и пляжу, где, по мнению Джима, «каждый тип мысленно насиловал ее». Она еще и совершенствовала свое тело, занимаясь силовой гимнастикой со штангами и гантелями под руководством армейского инструктора.

В городке было казино с просторным танцзалом, и однажды там выступал оркестр Стэна Кентона. Пары кружились под джазовую музыку. Норма Джин была нарасхват. Мужчины стремились танцевать с ней, и только с ней. Законному супругу только раз удалось заполучить ее в партнерши. Остальное время он в основном стоял у стенки и слушал фривольные реплики насчет своей жены, которыми перебрасывались друг с другом более удачливые кавалеры. Сжав кулаки, Джим отчаянно злился. Его чувства разделяли все женщины в зале, кроме миссис Догерти.

Наконец Джим не выдержал. Подойдя к жене, он отрывисто буркнул: «Пора домой!» Норма Джин заупрямилась: ей было так весело! «Если ты останешься, то домой можешь не возвращаться!»

— выпалил побагровевший Джим. И жена нехотя повиновалась.

Норма Джин отплатила мужу за ревность, проявив при этом и остроумие, и актерский талант. Через несколько дней после злополучного танцевального вечера Джим пришел домой раньше обычного и обнаружил, что жена заперлась изнутри на ключ, чего никогда не делала. В ответ на стук и окрик послышался весело-испуганный голосок: «Билли? Подожди, сейчас открою!» За дверью раздавались странные звуки, как будто внутри двигали мебель и шептались. «Это я!» — рявкнул Джим. «Ой, Томми, я не знала, что ты придешь так рано!» Джим орал и стучал до тех пор, пока дверь не распахнулась и перед ним не предстала улыбающаяся Норма Джин, закутанная в полотенце. Она посетовала, что муж вытащил ее прямо из ванной. В квартире, конечно же, больше никого не было.

Весной 1944-го Джеймса перевели на другую базу Тихого океана, где не было условий для того, чтобы военнослужащие могли жить вместе с семьями.

Норма Джин и Магси вернулись в Лос-Анджелес. В то время женщины в США, как и в других странах, вставали к станку, чтобы заменить ушедших на фронт мужчин. Этель Догерти работала санитаркой на производящей беспилотные самолеты фабрике «Radioplane Company», расположенной в Бербанке — городе в округе Лос-Анджелес. Туда же устроилась и Норма Джин. В ее обязанности входило наносить на детали самолета лак из аэрозоля.

«Это была нелегкая работа, — вспоминала дочь тогдашней сотрудницы Нормы Джин. — Рабочий день был очень длинным, иногда он продолжался двенадцать часов. Лак отвратительно пах. Запах пропитывал волосы и руки, и смыть его нельзя было никакими силами. Норма Джин часто опаздывала на работу. Так начала создаваться ее репутация человека, опаздывающего всегда и всюду. Однако она очень нравилась другим служащим. Ее считали очень чутким человеком, и любой мог обратиться к ней со своими проблемами».

Другим служащим Норма Джин нравилась даже чересчур.

В письме Грейс от 15 июня она сетовала: «Изо всех сил старалась получить место в военной администрации, заполняла разные нужные для этого бумаги, и все было уже на мази, но я узнала, что буду работать с целой АРМИЕЙ мужиков. Я провела там всего один день, однако в этом месте оказалось слишком много бабников, с которыми мне пришлось бы работать, а с меня хватает тех, что в Radioplane Company, и целая армия мне вовсе ни к чему. Офицер по кадровым вопросам сказал, что может принять меня на работу, но не советовал, ради моего же

собственного блага. Так что я снова нахожусь в “Radioplane Company» и очень рада этому".

Норма Джин в "Radioplane Company". 1945 г.

"Бабники" теперь, похоже, одолевали миссис Догерти, которой только что исполнилось 18, на каждом шагу. В том же письме она рассказывала Грейс, что откладывает почти все заработанное на фабрике, чтобы после войны они с Джимом побыстрее могли купить свой дом.

Однако деньги, которые удалось скопить, Норма Джин потратила иначе. В октябре 1944 года она взяла отпуск и отправилась в первое в своей жизни самостоятельное путешествие.

Норма Джин навестила Бейб в Западной Вирджинии и старших Годдардов, которые теперь жили в Чикаго. Грейс нашла там работу в кинолаборатории, поскольку Док, как ни странно, так и не удосужился стать кинозвездой и разбогатеть, и вообще дела у него шли из рук вон плохо. Норма Джин оставила им немного денег и в дальнейшем всегда материально поддерживала

"тетю Грейс", даже когда сама сидела на мели. Видимо, она поняла и простила то, что прежде расценивала как предательство.

Погостила Норма Джин и в Детройте — у своей единоутробной сестры Бернис, ее мужа Пэриса Миракла и дочки Моны Рей.

После нескольких лет переписки сестры впервые увидели друг друга, и, надо думать, сердца у обеих в преддверии встречи бились чаще обычного.

На вокзал Мираклы пришли всей семьей, включая сестру Пэриса Ниобу.

"Норма Джин написала мне, какая на ней будет одежда и какого цвета, — вспоминала Бернис. — Мы с Пэрисом и Ниобой вышли на перрон и стояли, ожидая, когда поезд окончательно остановится. Я спрашивала себя, кто из нас первой узнает другую, и вообще, узнаем ли мы ее. У нас не было ни малейшего шанса ее не узнать! Все пассажиры, выходящие из вагонов, выглядели совершенно обычными людьми, а затем, внезапно, появилась эта высокая великолепная девушка. Мы все сразу закричали. Ни один из пассажиров не выглядел так, как она: высокая, необыкновенно симпатичная и свежая, и, как она и писала, одетая в ярко-синий шерстяной костюм и шляпку с приколотым на полях сердечком".

Бернис и Норма Джин провели много часов, рассказывая друг другу о проведенных врозь детстве и юности, говоря об истории семьи, о их общей матери, об умершем брате, рассматривая фотографии.

Этой поездкой Норма Джин словно подводила своего рода итог предыдущей жизни, готовясь к отчаянному прыжку в жизнь новую.

По возвращении из отпуска молодую женщину перевели в другой цех, поручив работу, ничуть не более увлекательную, чем прежняя, — проверку и укладку парашютов. Однако именно за этим занятием ее застал Дэвид Коновер — фотограф, пришедший на фабрику в составе группы "моменталистов" из армейской киностудии. Группа делала короткие кино- и фотосюжеты для документальных фильмов и правительственных журналов вроде "Янки". То и другое должно было вдохновлять солдат на подвиги. А что может быть более вдохновляющим, чем хорошенькая девушка, самоотверженно выполняющая мужскую работу, пока ее отец, братья и жених сражаются на фронте!

Все женщины на фабрике были одеты одинаково — в рабочую униформу, состоящую из зеленой блузы и серого джинсового комбинезона. Но этот комбинезон так ладно подчеркивал фигуру Нормы Джин, что она выделялась из всех даже в темном углу фабричного цеха, даже будучи погружена в нудную и тягостную

работу.

Дэвид заметил ее чуть раньше других. И восхищенно присвистнул. А затем его взгляд с груди девушки — первом, что привлекло внимание 25-летнего мужчины, — скользнул выше. "У нее было очень выразительное лицо, — скажет он через десятилетия, — в нем сочеталась нежная тонкость с поразительной подвижностью".

Только спустя полгода с лишним Норма Джин опишет Грейс в письме свою первую встречу с Коновером: "…меня вытащили и начали делать мои снимки… Все при этом спрашивали, где я, черт побери, пряталась раньше… Они сфотографировали меня кучу раз, отсняли в нескольких сюжетах, а некоторые пытались назначить свидание и т. п. (разумеется, я всем отказала)… Когда сеанс съемок закончился, один капрал по фамилии Дэвид Коновер сказал, что хотел бы сделать несколько моих цветных фото. У него есть фотостудия на бульваре Сансет… Он говорил, что в случае моего согласия решит с фабричным начальством все вопросы, так что я ответила "о'кей". Мне было сказано, как одеться, накраситься и т. п., и на протяжении следующих нескольких недель я ему многократно позировала… По его словам, все снимки вышли великолепно. Он добавил также, что мне любой ценой нужно стать профессиональной фотомоделью… что я прекрасно получаюсь на фотографиях и что он хотел бы сделать намного больше моих фотоснимков. Еще он рассказал, что знает множество людей, с которыми хотел бы меня познакомить…

Это ужасно милый человек, он женат, и нас связывают исключительно деловые отношения, что меня вполне устраивает. Похоже, и Джиму пришлась по душе мысль, чтобы я стала моделью, так что я довольна".

Относительно Джима она заблуждалась. Потому что возможность того, что его жена может сделать карьеру фотомодели, с самого начала была ему поперек горла. В этом он ощущал угрозу себе, и не напрасно.

"Мое будущее с Нормой Джин рухнуло в тот момент, когда армейский фотограф щелкнул затвором своего фотоаппарата. Просто тогда я еще не знал этого", — горько вздыхал потом Джеймс Догерти.

Они вправду еще этого не знал. Потому что когда он приехал домой на Рождество и Новый год, Норма Джин встретила его так тепло и радостно, будто вернулись их лучшие дни.

Гонорар от съемок она потратила на подарки мужу и тончайшее шелковое белье для себя, которое продемонстрировала Джеймсу в спальне гостиничного номера,

снятого ею, чтобы они могли побыть вдвоем, без докучливых забот мамаши Догерти и прочей родни.

Иногда, предчувствуя скорую перемену участи, мы становимся особенно нежны к тем, кого неминуемо оставим в прошлом.

Коновер позднее утверждал, что у них с Нормой Джин был роман. Может быть, да, может быть, нет, — но почему бы и нет?

В любом случае, это не так уж и важно. Важно то, что с подачи Дэвида у Нормы Джин начался роман с камерой. Единственный роман, которому не суждено было увянуть и сойти на нет.

Перед объективом Мэрилин Монро будто распахивала настежь душу. Выпускала наружу все свое, отличающее ее от других, пусть и более красивых, женщин, сверхъестественное — уж не эльфийское ли, в самом деле? — очарование.

Это не сравнишь с обычной фото- или киногеничностью.

Дэвид сдержал обещание и познакомил Норму Джин со своими коллегами-фоторепортерами, журналистами, голливудскими актерами. Ее приглашали на светские приемы — как украшение праздника. Ее стали привлекать к участию в фотосессиях — пока время от времени, но даже эти случайные заработки с лихвой превышали ее крошечный оклад в "Radioplane Company". А она все чаще опаздывала на работу и получала нарекания от начальства, на которое смотрела уже без всякого пиетета.

Почти все лето они с Дэвидом — то ли друзья, то ли любовники, то ли то и другое сразу — провели в разъездах по Калифорнии. Коновер фотографировал Норму Джин на фоне живописной природы — в Долине Смерти, на склоне горы Витни, у водопадов и у подножия гигантских секвой. Часть фотографий он потом опубликовал, поделив выручку с моделью, часть подарил ей на память.

"Мамочка малость разозлилась, когда заметила, что моя жена действует коварно", — говорил потом Джим. Норма Джин не проявляла особого коварства — просто ей было больше невмоготу удерживаться в образе скромной молодой женщины, ожидающей мужа с войны. А "мамочка" Этель, конечно, была недовольна и поздними возвращениями невестки, и тем, что по утрам и вечерам под окнами сигналят из модных автомобилей какие-то подозрительные хлыщи. Своим недовольством она щедро делилась с сыном. Тот слал жене грозные письма: "Тебе пора остепениться. У тебя может быть только одна карьера. Женщина не может находиться в двух местах одновременно". Под единственной карьерой, подходящей Норме Джин, он, само собой,

подразумевал "карьеру" примерной супруги, прилежной домохозяйки, будущей матери. Но Норму Джин уже мало смущали нотации свекрови и мужа.

В конце концов обстановка в доме сделалась настолько невыносимой, что Норма Джин переехала на Небраска-авеню, к Ане Лоуэр, заняв квартиру на первом этаже. Она не чувствовала себя, как прежде, обузой для "тети Аны", ведь теперь была уже не подростком, доставляющим хлопоты, а самостоятельной женщиной, могла помогать своей стареющей воспитательнице и заботиться о ней.

Верного Магси Норма Джин с собой отчего-то не взяла. Возможно, Ана возражала против животных в доме. Пес очень скучал без хозяйки, перестал есть и вскоре умер — как резюмировал Джим Догерти, "от разбитого сердца".

Коновер тоже, на свой лад, уговаривал Норму Джин "остепениться" — стать моделью на регулярной основе, устроившись в какое-нибудь агентство. И вот одним солнечным днем (а другие в Калифорнии случаются редко) она обратилась в рекомендованное Дэвидом агентство "Синяя книга" ("Blue book"). Оно, согласно рекламной брошюре, готовило девушек "к карьере актрисы, манекенщицы и фотомодели".

Агентство принадлежало двум дамам, будто бы сошедшим со страниц диккенсовских романов, только в осовремененной версии: матери и дочери, Эмме и Эммелин Снайвли. Эммелин, "маленькая леди" за сорок, никогда не появлялась на людях без шляпки, обладала обширными связями, отличалась своеобразным едким юмором и сочетала деловитый цинизм с безупречной порядочностью.

Эммелин спустя годы делилась первыми впечатлениями о Норме Джин: "Она все время озиралась по сторонам, словно бы очутилась в ином мире… Но я была убеждена, что спустя короткое время смогу превратить ее в девицу, которая будет хорошо продаваться. Это была прямолинейная американка, здоровая девушка — слишком пухленькая, но по-своему красивая. Мы пытались научить ее, как она должна позировать, управлять своим телом. Она старалась потише смеяться, поскольку до сих пор делала это слишком громогласно, даже зычно; кроме того, при чрезмерно аффектированной улыбке ее нос казался немного длинноватым. Поначалу она не знала, как себя вести, не имела ни малейшего понятия о красивой походке, о том, как следует эффектно сидеть или позировать. Она приступила к занятиям как наиболее слабо подготовленная среди всех девушек, которых мне довелось видеть в своем агентстве, но зато работала усердней всех… Ей хотелось учиться и хотелось стать кем-то значимым в

большей степени, чем какой-либо другой из моих клиенток".

А вот что думала мисс Снайвли о своей клиентке и ученице, когда та уже достигла известности: "Меня часто спрашивают, как стать похожей на Мэрилин Монро, а я отвечаю: "Голубушки, найдись у вас хоть половина, хоть четверть той смекалки, какая была у той девчушки, вы тоже будете купаться в лучах славы. Но такой, как она, уже никогда не встретится"".

Чуть ли не на следующий день после беседы с Эммелин Снайвли Норма Джин уволилась с фабрики по собственному желанию — так легко и естественно, будто сбросила старую кожу.

В "Синей книге" данные Нормы Джин Догерти скрупулезно внесли в реестр. Рост — 5 футов 5 дюймов, то есть 165 см. Вес — 118 восемнадцать фунтов, или 53,6 кг. Объем груди-талии — бедер — 36–24—34 дюйма (91,5—61–86,5 см). Размер одежды — американский 12-й (при пересчете на российскую шкалу — 46-й). "Волосы чрезмерно вьются, перед укладкой нуждаются в осветлении и перманенте", — критически отмечалось в персональном деле. Зубы расценивались как идеально белые, но с дефектом прикуса: чересчур выступающими верхними резцами и клыками.

Осветлить волосы, то есть превратиться в блондинку, мисс Снайвли советовала Норме Джин с самого начала. Но та сопротивлялась, считая, что так утратит свою индивидуальность. И это несмотря на то, что кумиром и примером для подражания для Нормы Джин по-прежнему оставалась платиновая блондинка номер один Голливуда, Джин Харлоу.

Конец лета и начало осени Норма Джин посещала курсы при агентстве. Одновременно она получила первый заказ: принимать гостей на выставке изделий некой сталелитейной фирмы.

По первоначальному замыслу Эммелин, "продаваться" Норме Джин предстояло, как и большинству клиенток агентства, для фото в женских журналах и для демонстрации костюмов на показах мод. Норма Джин и в том и в другом качестве пользовалась успехом, ее охотно приглашали, но…

"Проблемой, если это можно так назвать, была моя фигура. Мисс Снайвли как-то сказала, что никто не обращает внимания на мои наряды, поскольку все надетые на меня платья, блузки или купальники слишком облегали тело. Иными словами, они глазели на меня, и черт бы побрал всю эту одежду".

И предприимчивая мисс Снайвли стала добывать для Нормы Джин заказы в тех изданиях, где требовалось демонстрировать не костюмы, а фигуру.

"В Америке больше, чем где-либо, огромными тиражами издаются журналы, рассчитанные на читателей-мужчин, где

целые развороты отводятся фотографиям полуодетых пышных блондинок. Они лежат, растянувшись на диване с поднятой ножкой, улыбаются, принимают ванну, полуодетые ждут ночи или дня у своего окна… У всех соблазнительный бюст и локоны. Коротая время, они причесываются, потягиваются, меряют своими крепкими длинными ногами комнату, где царит продуманный беспорядок, — этот прочувствованный пассаж принадлежит автору книги "Трагедия Мэрилин Монро" Сильвену Ренеру. — Норма Джин стала все чаще и чаше фигурировать на страницах журналов с краткими названиями: "Пик", "Клик", "Лаф", "Сэр", "Си" и длительным воздействием на мужскую психику. Веселые названия привлекают множество постоянных читателей, заставляя их томиться, предаваясь сладостным и губительным мечтам. Подобные журналы листают мужчины всех возрастов, невзирая на положение в обществе".

Тем временем закончилась Вторая мировая война. А в жизни Нормы Джин произошло событие, лично для нее, пожалуй, ничуть не менее важное. После многолетнего лечения и мытарств по различным больницам врачи выписали Глэдис Бейкер, признав, что она находится в стадии устойчивой ремиссии.

Выздоровела ли она самом деле? Кое-кто из друзей Глэдис и медперсонала учреждений, где ей пришлось побывать, заверял, что она никогда и не страдала психиатрическим заболеванием, "была просто нервной". Теперь же она казалась если и не больной, то по меньшей мере очень странной. Периоды апатии чередовались с эмоциональными взрывами. Глэдис одевалась во все белое и беспрестанно говорила о религии. Вернее, фантазии, роящиеся в ее поврежденном сознании, причудливо накладывались на постулаты христианской науки. Такой ее застала Грейс, навестившая Глэдис в Портленде, штат Орегон. И Глэдис, выглядевшая совсем старухой, хотя ей было всего 45, сказала, что больше всего на свете хочет приехать к Норме Джин и провести остаток дней вместе с дочерью.

Грейс написала об этом Норме Джин, а затем и сама Глэдис стала бомбардировать дочь записками. Норма Джин была в смятении. Жалость и любовь боролись в ней со страхом. Она спросила совета у Бернис. Ту идея встречи с давно потерянной матерью привела в неописуемый восторг. Но ведь Норма Джин помнила и знала их мать гораздо лучше…

В эти месяцы тяжких раздумий и напряженной работы у Нормы Джин завязался роман с Андре де Дьенесом, с которым ее познакомила Эммелин Снайвли. Андре, как и Дэвид Коновер, был фотографом. Совсем не удивительно, что в Норму Джин / Мэрилин влюблялись едва ли не все фотографы, которым ей

доводилось позировать. Их были сотни. С кем-то она дружила, с кем-то спала "ради дела", немногим счастливцам отвечала взаимностью. А де Дьенес — 32-летний красавчик и весельчак, волокита и профессионал в своем ремесле — стал, как однажды обмолвилась Мэрилин, человеком, с которым она наконец по-настоящему "познала все радости секса".

Но до секса дело дошло далеко не сразу. Сначала была работа. Больше всего де Дьенеса привлекала в 19-летней Норме Джин ее еще полудетская свежесть, даже наивность, сквозящая из-за отрабатывавшихся годами ужимок и приемов. Это он и решил подчеркнуть. И сделал серию снимков, где Норма Джин предстала юной простушкой (какой, по сути, и была). Андре заставлял ее ходить босиком и заплетать косички. Изображал то автостопщицей, голосующей на шоссе, то деревенской красоткой, трепетно прижимающей к груди ягненка.

Эти фотографии Норма Джин с гордостью показывала Джиму, приехавшему в декабре на побывку. Он все еще не демобилизовался из торгового флота, потому что американские моряки после победы доставляли солдат США и стран-союзников домой. К "выставке", которую устроила ему жена, Догерти не проявил ни малейшего интереса. Норма Джин даже не встретила его на пристани, опоздав на целый час, да еще и имела наглость объяснять это занятостью!

"Образумишься ты наконец или нет?!"

Норма Джин не образумилась. Через пару дней после прибытия мужа она беспечно укатила на несколько недель в компании Андре де Дьенеса и в его машине. Андре загорелся идеей сделать фотосессию с Нормой Джин посреди Долины Смерти. Вдвоем в пустыне — фотограф и его модель, влюбленный и возлюбленная… Да, к этому моменту де Дьенес, повидавший виды, привыкший к ярким и скоротечным интрижкам, отчетливо понимал, что влюбился в эту фантастическую малышку.

А что она? Она, безусловно, получала от поездки удовольствие. Андре, как и Дэвиду, очень нравилось фотографировать Норму Джин на фоне природы. По пути он то и дело останавливал машину, чтобы сделать несколько кадров. Норма Джин бежала по морскому берегу, рассекая прибрежную пену, взбиралась, как мальчишка, на толстые ветви деревьев, притворялась, будто прыгает со скалы. И все больше опьянялась тем особенным чувством, которое мог вызвать лишь нацеленный на нее объектив. В конце концов частичка этого чувства досталась тому, кто стоял по другую сторону объектива.

Наступил вечер, когда Норма Джин не стала настаивать на том, чтобы де Дьенес снял в придорожном отеле, где они

остановились на ночлег, два отдельных номера.

"Я пытался познать ее тело в воображении, — писал потом де Дьенес, — но действительность превзошла мои самые смелые мечтания". Он был опытным любовником, он был влюблен и внимателен, и оттого нет ничего странного, что ему удалось пробудить эту желанную всем, но безучастную доселе плоть.

По воспоминаниям, Андре предлагал Норме Джин руку и сердце, а ее нерешительность едва не довела его до самоубийства.

Но уже в феврале она влюбилась… в другого фотографа. Пожилого уже, по ее меркам, 43-летнего шотландца Уильяма Бернсайда. Он на свой лад ценил Норму Джин: "Она очень хорошо знала, как умеет влиять на мужчин. Если я приглашал ее в ресторан, то официанты, каким бы элегантным заведение ни было, сломя голову бросались исполнять ее желания. Этим звездным качеством она обладала уже в возрасте двадцати лет…

Я думаю, что ее ко мне привлекало мое образование. Ее интересовали Шелли и Китс, но она не отказывалась и от более легкого чтения. Она понимала, что без знаний ей не обойтись".

Бернсайд галантно и терпеливо ухаживал за Нормой Джин, добиваясь ее поцелуя, и на всю жизнь сохранил фотографию, где ее рукой было выведено: "Стоит подождать то, что стоит иметь". И все же он довольно скоро бросил молодую любовницу, уехав в долгое путешествие по Латинской Америке. Потом Норма Джин посвятила Уильяму стихотворение:

Любила тебя когда-то
И даже тебе в том призналась,
Но ты ушел далеко.
Когда ж ты вернулся, то было
Уже, к сожалению, поздно
И стала любовь только словом,
Словом, давно позабытым.
Ты помнишь?

До весны 1946 года Норма Джин успела появиться на страницах больше чем трех десятков периодических изданий. К тому времени она сдалась и, к радости Эммелин Снайвли, согласилась обесцветить волосы для рекламы шампуня. Став, правда, пока еще не платиновой блондинкой, а золотистой.

Она была молода, красива и делала очевидные успехи на новом поприще. Однако нередко на нее накатывали приступы печали и тревоги, заставая в разгар веселья, вырывая из грез о блистательном будущем…

Позднее она скажет: "Во мне было что-то особенное, и я

знала, что именно. Я из тех девочек, которых находят мертвыми в спальне с пустым пузырьком снотворного в руке". Но… "Жизнь не окрашена одной только черной краской… Когда ты молода и здорова, ты можешь в понедельник думать о самоубийстве, а в среду снова веселиться".

Впрочем, реальные причины для беспокойства у Нормы Джин имелись. Ей пора было срочно решать, что делать со своим браком. Она вполне осознавала, что ни на какие мало-мальски сносные отношения, не то что на супружескую любовь, им с Джимом уже нечего рассчитывать. Иногда ей ужасно хотелось послать ко всем чертям этого зануду, даже не пытающегося ее понять. Иногда привычный страх лишиться Джима возвращался и парализовал ее.

Вдобавок к этому в доме Аны Лоуэр теперь жила ее мать. Глэдис наконец удалось вымолить у дочери разрешение поселиться с ней.

Норма Джин всей душой жалела мать, но, как бы она ни стыдилась себе в этом признаться, присутствие Глэдис ее угнетало. Как и много лет назад, когда Глэдис Бейкер забрала маленькую дочь у Болендеров, под одной крышей оказались двое родных по крови, но почти совсем незнакомых человека. Сейчас они были прижаты друг к другу еще теснее, даже в буквальном смысле, — им пришлось спать на одной кровати, потому что другого спального места в квартирке Нормы Джин не было. Обеим были свойственны частые перемены настроений, и настроение их совпадало очень редко. Глэдис изводила дочь бесконечными псевдорелигиозными наставлениями и невпопад вмешивалась в ее дела. Однажды она даже заявилась в "Синюю книгу", чтобы пообщаться с Эммелин Снайвли. Плюс ко всему Глэдис во многих отношениях была беспомощна, как дитя, и требовала постоянного присмотра, хотя и считалась относительно здоровой. Например, ей не раз случалось заблудиться на улице, и ее страшно было выпускать из дома одну. Грейс Годдард к тому моменту возвратилась в Лос-Анджелес, но помочь Норме Джин мало чем могла.

Глэдис, вероятно, тоже чувствовала себя не слишком уютно, потому что спустя несколько месяцев она по собственной инициативе вернулась в психиатрическую лечебницу. Больше мать и дочь не делали попыток к сближению. Однако Мэрилин Монро всегда посылала ей деньги и следила за тем, чтобы Глэдис ни в чем не нуждалась.

В апреле 1946-го Джеймсу Догерти дали двухдневный отпуск. Придя на Небраска-авеню, он убедился, что не только в мыслях Нормы Джин, но и в ее спальне ему нет места. "Ты такая же

сумасшедшая, как твоя мамаша! — бросил он. — Либо ты переезжаешь отсюда в наш дом и прекращаешь вертеть задницей перед фотографами — либо… Выбирай!"

Норма Джин выбрала. И подала заявление на развод, который был окончательно оформлен 13 сентября в Лас-Вегасе.

Впоследствии Джеймс подвел итоги брака с Нормой Джин великолепной по цинизму и самодовольству репликой: "Пока она зависела от меня, все у нас складывалось по-настоящему хорошо".

Биограф Монро Джеймс Хаспил вполне справедливо писал: "…можно сказать, что брак Джима Догерти с Мэрилин Монро стал самым значительным событием в его жизни. Я имею в виду, что он мог добиться потрясающих успехов в своей работе, но может ли что-нибудь сравниться с женитьбой на Мэрилин Монро? Именно это сделало его известным во всем мире, позволило ему выступать на телешоу, рассказывая о своей жизни с Мэрилин. Он навсегда вошел в историю как ее первый муж. Ведь любой, кто был связан с ней, а мы знаем, что таких людей было немало, оставался в истории. У Догерти была своя роль в этом классическом спектакле жизни, и он выжал из нее все, что можно. Все, что мы знаем, — это то, что рассказанное им могло быть его подлинными воспоминаниями".

Позднее Джеймс Догерти стал "копом" и дослужился до высокого чина в Лос-Анджелесском управлении полиции. Он женился второй раз. На похороны Мэрилин Монро Догерти не пришел.

Джеймс дважды снялся в кино, играя самого себя — "первого мужа звезды": через несколько лет после смерти Нормы Джин, в фильме "Легенда Мэрилин Монро" (1966), и за год до своей собственной смерти, в картине "Мужчина Мэрилин" (2004).

Снимаясь для журналов и переживая бурные перипетии в своей личной жизни, Норма Джин не прекращала грезить о кино. " Глядя в голливудскую ночь, — вспоминала она, уже давно став Мэрилин Монро, — я любила думать: "Тысячи девчонок сидят в одиночестве, подобно мне, и мечтают стать кинозвездами. Но мне не стоит из-за них беспокоиться. Я мечтаю сильнее других"".

Летом 1946 года Норма Джин набралась смелости и излила душу Эмелин Снайвли. "Твои мечты могут стать реальностью, детка!" — сказала мисс Снайвли и познакомила ученицу с Хелен Эйнсворт — специалисту по поиску талантов, колоритной даме весом под центнер и по прозвищу Амурчик. Та, в свою очередь, свела Норму Джин с Беном Лайоном, в прошлом — известным актером, а ныне продюсером киностудии "20th Century Fox".

Молодую женщину пригласили на пробы для фильма "Мама была в трико" — музыкальной комедии с участием кинозвезды

Бетти Грейбл. Роль в этом фильме Норме Джин не предложили, но она произвела впечатление и на Бена Лайона, и на оператора Леона Шемроя. Заикаясь, бледнея, краснея, мямля и спотыкаясь до команды "Мотор!", перед камерой она, как бывало всегда, преобразилась.

Шемрой вспоминал: "Когда я впервые увидел ее, то подумал: "Эта девушка станет второй Харлоу!" Естественная красота плюс неуверенность придавали ей какой-то таинственный вид… У меня по спине пробежали мурашки. В девушке было нечто такое, что в последний раз довелось видеть в немых фильмах. Она была фантастически красива, напоминая в этом смысле Глорию Свенсон… и обладала кинематографической сексуальностью, как у Джин Харлоу. Каждое ее движение на сцене было пронизано сексом. Ей не нужна была звуковая дорожка — она создавала ее своей игрой. Эта девушка продемонстрировала нам, что в состоянии возбуждать у своих зрителей все пять чувств".

Через пару недель после проб Норма Джин сидела в кабинете Бена Лайона. Тот собирался предложить ей типовой контракт для молодых актеров, но непременно хотел, чтобы она взяла псевдоним. "Норма Джин" — имя, подходящее для школьницы, но не для актрисы. "Догерти" — слишком тяжеловесно, к тому же по написанию и не поймешь, как надо произносить эту фамилию. "Дагхерти"? "Дугферти"?

Лайон размышлял вслух, делая длинные паузы. Когда он замолкал, Норма Джин, чтобы скрыть смущение, начинала тараторить без умолку. За несколько минут она успела изложить и собственную биографию, и историю своей семьи. "А знаете, моим прапрапрапрадедушкой был президент США Монро…"

Бен Лайон остановил поток ее речи жестом. "О! Эврика!"

И, глядя на девушку, он вдруг вспомнил другую молодую актрису, другую голубоглазую блондинку — Мэрилин Миллер, с которой некогда был помолвлен…

"Мэрилин Монро!!! Как тебе? Годится?"

"Мэ-ри-лин Мон-ро, Мэ-ри-лин Монро…" — задумчиво повторила Норма Джин.

И улыбнулась: "В школе меня дразнили "девочкой Ммм"".

Бен Лайон расхохотался: "Ну, значит, ты и вправду Мэрилин Монро! Решено!"

Это не единственная версия истории о том, как будущая звезда обрела свой псевдоним. Сама Мэрилин объясняла это каждый раз по-разному. Например, по одному из ее рассказов, соединить предложенное сотрудниками студии имя с девичьей фамилией Глэдис предложила Грейс Годдард. Она была несказанно рада тому, что мечты начали сбываться: ее малютка

Норма Джин появится на экране.

Исторический документ был составлен 24 августа 1946 года. Поскольку начинающая актриса была несовершеннолетней, контракт с "20th Century Fox" подписала Грейс, все еще официально числившаяся опекуншей Нормы Джин.

Глава 5
"ЭТОЙ ДЕВУШКЕ Я ПРОРОЧУ БОЛЬШОЕ БУДУЩЕЕ"

"В Голливуде актрисы, певицы и проститутки были примерно в равном положении. Все они начинали одинаково. Худшее, что могла сделать девушка, — это отказать тем парням".

Мэрилин Монро не была циником. Просто она знала, о чем говорит. Ей случалось и отказывать, и соглашаться.

"В Голливуде добродетель девушки гораздо менее важна, чем ее прическа. Тебя ценят по тому, как ты выглядишь, а не за то, что ты есть. Голливуд — это место, где тебе платят тысячу долларов за поцелуй и пятьдесят центов за твою душу. Я знаю, потому что я достаточно часто отвергала тысячу долларов, предпочитая пятьдесят центов".

Тут нужно пояснить, что, собственно, представлял собой контракт с Нормой Джин — то есть, конечно же, отныне и навсегда Мэрилин Монро.

Он заключался на полгода с правом студии продлить договор на следующие шесть месяцев. Потенциальных актеров брали на оклад — 75 долларов в неделю, и вдвое больше, если оклад продлялся. Участвовали ли актеры в производстве фильмов или нет — ставка не менялась. И самое главное — контракт еще не давал никакой гарантии приглашения на съемки. Десятки, сотни девушек и юношей жили одними только надеждами, мыкались в ожидании момента, когда пробьет их звездный час. И чаще всего этот момент так никогда и не наступал.

Как и в пору сотрудничества с "Синей книгой", Мэрилин прилежно училась. По воспоминаниям гримера, впоследствии близкого друга актрисы Аллана Снайдера, она приезжала на студию почти каждое утро, хотя никто этого от нее не требовал, и шла в костюмерный отдел — изучать крой нарядов герцогинь и горничных. Она жадно впитывала крохи знаний, расспрашивая любого, кто соглашался ее просветить. Ее интересовало все — до малейших нюансов не только актерской игры, но и работы технических сотрудников.

Но в фильмы ее не звали. Если карьера фотомодели удавалась Норме Джин как бы сама собой, вернее — с помощью Эммелин Снайвли, умевшей представить свою клиентку нужному человеку и в нужное время, то с карьерой киноактрисы у Мэрилин дела поначалу обстояли совершенно иначе.

Фотомодель Норма Джин Бейкер нравилась всем. Так нравилась, что даже успела примелькаться на страницах и обложках журналов. А старлетке Мэрилин Монро необходимо было приглянуться многим, от кого зависело ее продвижение.

"Ее судьба должна была теперь зависеть не столько от таланта, сколько от того интереса, который она сумеет возбудить в насчитывавшем девяносто человек отделе прессы и рекламы этой киностудии. Эти "пресс-атташе", как их называли, занимались пробуждением публичного интереса к актрисам, размещали сообщения о них в газетах и журналах, предназначенных для поклонников-фанов, и привлекали внимание наиболее влиятельных и имеющих самое высокое положение обозревателей и авторов собственных газетных колонок, посвященных кино: Хедди Хоппера и Луэллы Парсонс, Уолтера Уинчелла и Сиднея Сколски. За них… шла борьба, и всяческой лестью этих законодателей киномоды пытались склонить к тому, чтобы они ускорили карьеру определенных актеров. Власть их была в самом буквальном смысле безграничной", — пишет Дональд Спото.

И, что особенно важно, молодая актриса должна была заинтересовать студийное начальство.

В то время генеральным продюсером и фактически единоличным главой "20th Century Fox" был один из отцов-основателей студии Дэррил Ф. Занук, человек властный до самодурства и весьма эксцентричный. Его боялись, ему смотрели в рот, о нем сочиняли анекдоты. "Да не поддакивайте вы мне, пока я не закончу говорить!" — рявкал Занук на подчиненных.

По территории студии он расхаживал, попыхивая сигарой и помахивая шпицрутеном вроде тех, с помощью которых объезжают строптивых лошадей.

"У Занука был помощник, который подбрасывал ему в воздух бумажные шарики, чтобы тот попадал по ним шпицрутеном во время прогулки. В один прекрасный день этого человека вышвырнули с работы, и по студии циркулировала сплетня, что он будто бы попал в самого Занука!" — вспоминал режиссер Эрнест Леман.

Мэрилин Монро Зануку не нравилась. Он был одним из немногих, кто не считал ее суперпривлекательной, и уж точно не находил талантливой. И пренебрежение босса сыграло в судьбе актрисы роковую роль. Подбирая кандидатуры для очередных проб, Занук равнодушно откладывал фотографию Монро в сторону.

Как и всех ее коллег, Монро иногда просили заполнять анкеты для пресс-релизов. Тогда-то, судя по всему, в ее голове и

начал складываться миф о детстве с нечеловеческими страданиями, избиениями и сотнями тарелок, перемытых в приюте. Все это, пока в "черновой" версии, Мэрилин изложила ошарашенному инспектору рекламного отдела, явившемуся к ней для анкетирования.

Время от времени ее приглашали на пробы, но о реальных съемках в первые полгода Мэрилин оставалось лишь мечтать. Она проводила много времени в аптеке Шваба, потягивая содовую, и, по словам автора книги "Богиня. Тайны жизни и смерти Мэрилин Монро" Энтони Саммерса, познакомилась там с таким же невезучим юным актером — своим ровесником Чарли Чаплином-младшим, сыном великого комика и его второй жены Литы Грей. Общность положения сблизила сына знаменитости и тоскующую старлетку. Они стали близки. Однажды Чарли привел Мэрилин как свою "официальную девушку" на обед к своей матери. Лите (кстати, предположительно послужившей Набокову прототипом Лолиты) подружка сына запомнилась "откровенно наивной, без признаков изысканности, похожей на маленькую девочку из провинции".

"Тогда она была гораздо полнее; она еще была не обстругана и не окружена ореолом очарования. Но Чарли был от нее без ума".

Роман с Чарли закончился, когда Мэрилин изменила ему с его младшим братом Сиднеем Эрлом. Но, как и со многими другими своими бывшими любовниками, Мэрилин сумела остаться с Чарли в приятельских отношениях.

В феврале 1947-го контракт с Мэрилин Монро все-таки продлили. В том же году ее сняли в крошечных эпизодах в нескольких фильмах: "Ужасная мисс Пилгрим", "Вы были предназначены для меня", "Скудда-Хуу! Скудда-Хэй!", "Опасные годы", "Зеленая трава Вайоминга". Когда Бернис Миракл написала Мэрилин, что намерена пойти на одну из этих картин, сестра предупредила ее: "Только, ради всего святого, не вздумай моргать, а то проморгаешь сцену со мной!"

Зимой 1947-го Монро по рекомендации студийных менеджеров начала посещать семинары экспериментальной "Актерской лаборатории", организованной театральными деятелями из Нью-Йорка, приверженцами системы Станиславского в искусстве и левых взглядов в политике. Большинство из них были учениками и последователями известного режиссера и драматурга Ли Страсберга, позднее весьма значительно и весьма неоднозначно повлиявшего на жизнь Мэрилин.

Фоби Бренд, учившая новичков азам сценического искусства,

запомнила Монро как очень скромную девушку, выделявшуюся разве что красивыми длинными светлыми волосами. "Она была чрезвычайно замкнута в себе. Чего я не заметила в ее игре, так это остроумия, шутливости и чувства юмора. Всю карьеру молва твердила об этом ее чудесном комедийном даре, но мне его как-то не довелось увидеть".

В августе 1947 года студия нашла продление договора с мисс Мэрилин Монро нецелесообразным. К тому времени актриса уже обзавелась собственным агентом, которого звали Гарри Липтон. Он-то и оказался тем, кто принес дурную весть. "Когда я сказал ей, что "Fox" отказалась продлить с ней контракт, первой ее реакцией было отчаяние. Казалось, что ее мир рухнул. Но затем, как всегда, Мэрилин тряхнула головой, стиснула зубы и сказала: "Ладно, думаю, что все это неважно. На самом деле это закон спроса и предложения". Она уже разбиралась в кинобизнесе и понимала, что она всего лишь новичок. Она знала, что студия подписала много контрактов в надежде нащупать золотоносную жилу. Некоторые сработали, принеся прибыль, а остальные безжалостно выбрасывались. Однако жизнь продолжается…"

Увольнение означало нищету, но не тоскливое ничегонеделание. Занятия в "Лаборатории" шли полным ходом. Можно сказать, что Мэрилин получала здесь разностороннее образование. Далекая прежде от мыслей об общественных проблемах, она присутствовала при жгучих дискуссиях на социальные темы. Социальная тематика широко затрагивалась и в пьесах, разбиравшихся и ставившихся в "Лаборатории". Правда, когда через несколько лет, во времена "охоты на ведьм", Мэрилин спросили, есть ли среди ее друзей коммунисты, она сумела лишь удивленно протянуть: "Но ведь коммунисты же за народ, верно?.."

Был в посещении этого заведения для Монро и практический смысл: ее учили играть на сцене, что, как она убедилась, существенно отличалось от работы перед камерой. Актриса даже задумывалась, не предпочесть ли театр кинематографу. Но теперь она узнала и то, насколько мало платят театральным актерам по сравнению с их коллегами, снимающимися в кино.

А ей в "Лаборатории" и вовсе не платили ничего, более того, она сама должна была платить за обучение. И это стало практически невозможным после отставки, которую Мэрилин дали на "20th Century Fox". К тому же молодой женщине пришлось съехать от Аны Доуэр и снимать жилье в другом месте. "Тетю Ану" положили в больницу, и квартиру Мэрилин теперь занимали чужие люди — оплата лечения, в свою очередь, требовала больших расходов.

Мэрилин выручили ее новые друзья — Джон Кэрролл и его

жена Люсиль Раймен.

Незадолго до истечения срока контракта студийные менеджеры делегировали Мэрилин и клуб, находившийся рядом с "20th Century Fox". Молодые актрисы прислуживали там игрокам в гольф, поднося им клюшки и таская их сумки со спортивными принадлежностями. В тот день Монро выпало подавать клюшку киноактеру Джону Кэрроллу. Хорошенькая девушка вызвала у него симпатию, а чуть позже, когда робко шепнула, что ничего не ела со вчерашнего вечера, — и сочувствие. За партией наблюдала Люсиль, позже рассказывавшая: "Была она эдаким маленьким симпатичным созданием. Помню, я подумала: "Ах, какое же ты бедное дитятко, эдакий ты приблудный котеночек"".

Вскоре эти двое практически удочерили актрису, сделались ее очередными "эрзац-родителями".

Чтобы вызвать к себе сочувствие, Мэрилин, по въевшейся уже привычке, рассказывала о себе Кэрроллам запутанные истории, где факты причудливо сплетались с вымыслом. Так, она застенчиво признавалась, что, оставшись без работы, вынуждена заниматься проституцией — когда за деньги, а когда и за еду, дожидаясь после секса в машине, пока клиент принесет ей гамбургер из ближайшего "Макдональдса". Люсиль и Джон верили Мэрилин; мы же в который раз разведем руками: правда это или нет, неизвестно. Однако журналист и писатель Дарвин Портер в вышедшей в 2006 году скандальной книге "Брандо с расстегнутой ширинкой" ("Brando unzipped") утверждал, что его герой в ту пору случайно стал одним из клиентов Монро и заплатил за услуги 15 долларов. Сам Марлон Брандо в автобиографии упоминал о пришедшемся на гораздо более поздний период коротком романе с Мэрилин, но описывал первую встречу с ней иначе.

Однажды в разговоре с Кэрроллами Монро мрачно сострила, что ей подошло бы имя Джорни Эверс — Вечная Странница, или попросту Бродяжка. Во время дружбы с этой четой она действительно часто кочевала с места на место. Неделями Мэрилин жила в квартире Джона и Люсиль, часто они брали ее с собой за город на уик-энд. Иногда ее визиты с ночевками были незапланированными — она будила друзей телефонными звонками и, плача, сообщала, что ее только что ограбили, или что за ней следят незнакомцы и она боится идти домой, или что какой-то маленький мальчик смотрит в окно ее съемной квартиры на третьем этаже. Джон безропотно садился за руль и ехал, чтобы забрать Мэрилин, причем каждый раз она действительно выглядела перепуганной до смерти.

Трудно сказать, чем это все было — ложью или

развивавшейся манией преследования. Ведь о похожих случаях рассказывал и Джим Догерти, да и за матерью Мэрилин, Глэдис, отмечались подобные странности.

"…мы… поняли, что она завладела нашими жизнями, постоянно звоня и рыдая по телефону, — говорила потом Люсиль. — Мы не знали, что нам делать. Это было какое-то сумасшествие… С нас было достаточно. Она не понимала, что ей делать с собой… она просто распадалась на осколки. Мы любили ее, но все же хотели освободить свою жизнь от нее и связанного с ней безумия".

Мэрилин оплатили проживание в "Studio Club" — элегантном и уютном пансионе для молодых незамужних женщин, но и после этого она подолгу гостила у Кэрроллов.

Стараниями Люсиль Мэрилин испытала себя на сцене уже не камерного зала "Лаборатории", а перед "настоящей" публикой, — в постановке студенческого Театра миниатюр. Попытка не была успешной — Мэрилин постоянно опаздывала на репетиции (это ее обыкновение с досадой будут отмечать еще многие и многие), от волнения не могла совладать с заиканием и с трудом вытянула два представления. Впрочем, и пьеса — "ужасная", по словам Монро — была не ахти, и вскоре ее перестали показывать.

Люсиль Раймен заведовала отделом поиска талантов в крупной кинокомпании "Metro-Goldwyn-Mayer", но пристроить туда "дочурку" не сочла уместным. "Она была смазливой и сексуальной, но не обладала свойствами тех актрис первого плана, с которыми Майер подписывал контракты в 1947 году".

Раймен, вообще, хотя и привязалась по-своему к "приблудному котеночку", "бродяжке", относилась к ней с большой долей иронии и не обманывалась на ее счет: "Под внешностью очаровательной куколки скрывалась жесткая, сообразительная и быстро все просчитывающая Мэрилин". Возможно, Люсиль была первой, кто заметил новые качества, постепенно проявлявшиеся в характере молодой актрисы. И все же саркастичная и сердобольная дама не поняла, сколь противоречивой была натура Мэрилин, как была она не уверена в себе, как жаждала, чтобы ее любили, пусть проявлялась эта жажда иногда откровенно нелепо.

По отношению к пригревшей ее супружеской паре Мэрилин совершила поступок, который трудно назвать продуманным.

Однажды она заявилась к Люсиль и без обиняков спросила, не хочет ли та дать развод Джону. "Мне кажется, ты не любишь его, иначе не засиживалась бы вечерами на работе. И, по-моему, Джои любит меня, иначе с чего бы ему быть ко мне таким внимательным?"

Люсиль, которую абсурдный монолог скорее позабавил, чем рассердил, ответила, что муж ей пока что не надоел, но если он хочет развода, удерживать его она не станет. Почему бы Мэрилин не обратиться к нему самому? "Котеночек" не замедлил это сделать. Джон был польщен и обескуражен одновременно. Пряча улыбку, он, насколько мог деликатно, объяснил девушке, что любит ее как старший друг и ценит как преподаватель, но не более того, и уходить от жены в обозримом будущем не собирается.

Удивительно, но даже после этой, мягко говоря, эксцентричной выходки Кэрролл и Раймен не прекратили помогать Мэрилин. А она, по наблюдениям Люсиль, вовсе не выглядела как человек, у которого разбито сердце.

Кэрроллы по-прежнему снабжали Монро деньгами ("пособие" она теоретически должна была вернуть с будущих гонораров), платили за занятия в "Актерской лаборатории", приглашали в гости и помогали заводить связи, которые могли оказаться полезными.

В начале 1948 года на светском приеме Джон познакомил Мэрилин с "королем мороженого" Пэтом Де Чикко и его другом, продюсером Джозефом Шенком, который когда-то вместе с Дэррилом Зануком основал студию "20th Century Fox".

Его коллега, продюсер Дэвид Браун, говорил: "Джо спонсировал женщин. Он готовил их для других мужчин и для другой жизни, а быть может, даже для супружества. Джо проявлял заботу о них и об их карьерах, а взамен, скажем так, просил капельку симпатии и внимания. Он наверняка оказал большое влияние на карьеру Мэрилин".

Шенк, которому на момент встречи с молодой актрисой было 69 лет, в детстве вместе с семьей эмигрировал в Нью-Йорк из России — из города Рыбинска, где его отец Хаим Шейнкер служил приказчиком в конторе Волжского пароходства. Мальчишками Джо (бывший Иосиф) и Ник (бывший Николай) продавали газеты в Гарлеме, затем работали в аптеке, которую со временем выкупили, скопив денег. Предприимчивые юнцы заметили, что охотнее всего люди тратят деньги на развлечения, и решили "делать свой бизнес" именно в этой сфере. Начали они с покупки на паях пивного заведения, которое превратили в кабаре, потом открыли на Манхэттене большой парк аттракционов, потом стали управляющими сетью кинотеатров.

Джо Шенк был женат на красавице Норме Толмедж, звезде немого кино, и развелся с ней, отсидел в тюрьме за неуплату налогов, жил в Лос-Анджелесе в доме, стилизованном под итальянское палаццо эпохи Возрождения, слыл сибаритом,

обожал роскошь и веселую компанию. Каждую неделю, с субботнего вечера до воскресного утра, в этом палаццо собирались игроки в покер и их дамы, напоминавшие породистых лошадей.

В качестве такой вот "лошадки", спутницы, которой можно похвастаться, Де Чикко привел Мэрилин к Шенку в ближайшую же субботу. В ту ночь хозяину не слишком везло в игре, потому что он не сводил глаз с белокурой гостьи. "Ты искришься, как электрическая лампочка, и сверкаешь, как струи фонтана!" — воскликнул Шенк. На следующий день к "Studio Club" подкатил на роскошном лимузине вышколенный шофер, который передал Мэрилин приглашение на обед вдвоем.

Описывают начало знакомства Мэрилин Монро с Джозефом Шенком и по-другому. Вот версия по Норману Мейлеру: "Все началось с того, что в один прекрасный день, переходя улицу у ворот студии и завидев выплывающий из ее недр лимузин, она одарила его пассажира такой ослепительной улыбкой, что пожилой продюсер приказал водителю притормозить".

Дж. Шенк и Мэрилин Монро

"Позднее она рассказала Люсиль и еще паре человек, — пишет Дональд Спото, — что впервые ей пришлось стоять перед своим начальником на коленях — в позе, которая все-таки не

являлась общепринятой при подаче заявления о приеме на работу".

Однако Мэрилин уверяла своего биографа Мориса Золотова: "В Голливуде поговаривали, будто я любовница Джо Шенка, но это вранье". А злые языки сомневались, что Джо, прежде ставившийся не просто как бабник, но как коллекционер женщин, гурман, сохранил к преклонным годам свою мужскую силу.

Если Монро и не стала любовницей Шенка — то стала на какое-то время его любимицей и доверенным лицом. Правда, это не помогло ей вернуться в "20th Century Fox". Шенк все еще был членом правления студии, но давить на своего компаньона Занука отказывался принципиально, как бы ни очаровала его незадачливая актриса. Зато он свел ее с Гарри Коном, директором киностудии "Columbia Pictures", и на правах старого друга уговорил того принять его протеже в штат. Полугодовой контракт на 125 долларов в неделю Монро подписала 9 марта 1948 года.

Еще в первое свое посещение палаццо Шенка Мэрилин заметила, что покерная вечеринка за полночь перетекала в оргию. То и дело какая-нибудь парочка, хихикая, скрывалась за дверью одной из многочисленных комнат дома.

Когда о близких отношениях Монро и Шенка прознал весь Голливуд, поползли слухи, что фаворитка старика принимает деятельнейшее участие в оргиях в его доме, что она перенесла несколько абортов, не зная в точности, кем были отцы нерожденных детей. Этими гипотетическими абортами позднее объясняли неудачные попытки повзрослевшей Мэрилин стать матерью.

Но гинеколог Леон Крон, лечивший актрису в ее последние годы и многократно ее осматривавший, утверждал: "Никогда она этого не делала. Да и сплетни о том, что Мэрилин Монро много раз прерывала беременность, попросту смешны. Она не делала этого ни единого раза. Дважды у нее случался выкидыш, и один раз имела место беременность, которая оказалась внематочной и потребовала немедленного прерывания. Однако она никогда не делала аборт по собственной воле".

Мэрилин действительно часто обращалась к гинекологам, но причиной этого, помимо ипохондрии, были боли внизу живота, терзавшие ее с юности, и невыносимо тяжелые менструации, во время которых она часами извивалась, заходясь в крике.

После смерти кинозвезды делались предположения, что на праздниках азарта и сластолюбия в ренессансном особняке Шенка бывал Джек Кеннеди, что именно там и тогда молодой многообещающий политик познакомился со старлеткой Мэрилин Монро. А спустя годы увидел вновь и тут же вспомнил ее

сияющую шевелюру и застенчиво-победоносную улыбку. Доказательств этому нет, опровергнуть это невозможно.

С шевелюрой Мэрилин, кстати, под умелыми руками стилистов Columbia Pictures произошли существенные изменения. Таково было требование Гарри Кона, выдвинутое при приеме Монро на работу, и на этот раз она согласилась сразу.

Молодую женщину подстригли, сделали ее волосы пушистыми с помощью электролиза и осветлили их, убрав желтоватый оттенок. Она приблизилась к своему "эталонному" обличью, памятному теперь миллиардам людей, даже если они вообще не смотрят кино.

Когда Гарри Кон раздумывал, взять ли ему, в угоду Шенку, никому не известную старлетку, уже уволенную с одной студии, решающими оказались слова штатной преподавательницы драматического мастерства Наташи Лайтес: "Если я не ошибаюсь, в этой девочке есть какой-то потенциал. Давайте попробуем". И Кон поручил самой Наташе "попробовать", всецело доверив ей новенькую.

Лайтес, которая на шесть долгих лет стала неразлучной подругой Мэрилин, была натурой яркой и неординарной. Ближние и дальние реагировали на нее ярко и противоречиво.

"Она была словно вулкан, который непрестанно извергается или у которого вот-вот должно начаться извержение, — самая переменчивая и взрывоопасная женщина, какую мне довелось знать", — говорила журналистка Джейн Уилки.

"В 1948 году Наташе было приблизительно тридцать пять лет и ее украшали коротко остриженные каштановые волосы с седыми прядками; эта высокая, худая, угловатая и необычайно подвижная особа временами напоминала слегка пристукнутую цаплю, попавшую в хлопотную и затруднительную ситуацию… Деспотичная и суровая, даже в чем-то жестокая, Наташа производила большое впечатление на начальников, равно как и на актеров, часто обескураживая их своей беглостью речи, знанием различных жанров искусства и литературы, а также строгим отношением к своим молодым ученикам, которых считала много хуже тех актеров, с кем ей довелось иметь дело за границей, в Европе", — характеризует ее Дональд Спото.

Другой биограф Монро, Сильвен Ренер, выражается куда резче: "Худая, некрасивая, она отыгрывалась за свою не удавшуюся ни в театре, ни в кино карьеру, унижая начинающих киноактрис, с которыми ей предстояло работать… Свой провал она приписала политическим обстоятельствам, а не внешним данным или бездарности. С той поры у нее осталась ярко выраженная мания величия. Наташа Лайтес прививала красивым

девушкам комплекс неполноценности с единственной целью убедить, что их "прелести" вовсе не преимущество, а признак виновности перед ней, тощей и нескладной. Она действовала в два приема: сначала смешивала дебютантку с грязью так, что та заливалась слезами, а потом, приняв маску великодушия, изображала покровительницу".

На сохранившихся фотографиях Наташа не кажется ни жестокой, ни деспотичной, ни даже некрасивой, — одухотворенное лицо с неправильными, но тонкими чертами, необыкновенно изящные и подвижные руки… Эти руки завораживали Мэрилин, когда Наташа делала "колдовские пассы", вдохновенно рассказывая что-нибудь или поясняя.

В первый визит Монро к Лайтес — та жила прямо в помещении студии, в комнате, заваленной книгами и с портретом Макса Рейнхардта на стене, — младшая из женщин впечатлила старшую не больше, чем прежние ученицы. Наташа увидела перед собой девушку, очень закомплексованную, даже заторможенную, делающую ставку исключительно на свою сексапильность.

И принялась за муштру. Наташа лепила Мэрилин заново, лепила четкими, отточенными безжалостными движениями. Ставила ей дикцию, учила дышать, двигаться, одеваться, заставляла штудировать "умные" книги. Чередовала суровые выговоры со скупыми похвалами.

"Как человек она была почти полностью лишена силы духа, — сокрушалась Наташа. — Можно с чистой совестью сказать, что она боялась собственной тени и была отчаянно неуверенной в себе, невероятно застенчивой, она никогда не знала, что говорить. Она все время спрашивала меня: "И что я должна сказать?" Я попыталась заставить ее начать интересоваться самой собой, начать обретать собственный позитивный опыт, но не знаю, удалось ли это. Она боялась окунуться в реальную жизнь… Мне кажется, Мэрилин отрицала себя истинную, за исключением своей яркой сексуальной привлекательности, единственного, в чем она была вполне уверена. Она знала, что это работало, — и она была столь же изящна в своей привлекательности, как пловец или балерина".

Наташа, по ее словам, хотела вдохнуть в ученицу веру в собственные силы — но добивалась едва ли не прямо противоположного результата.

"Бывали дни, — вспоминала Мэрилин, — когда я не могла понять, почему Наташа оставила меня у себя в ученицах, ведь она давала мне понять, что я никчемна и лишена таланта. Очень часто мне казалось, что для нее я — всего лишь один из сотни других безнадежных случаев".

Бытует мнение, что Мэрилин отчасти навредила Наташина наука. Изначально не слишком внятная дикция актрисы в результате усердных упражнений сделалась утрированно отчетливой. Мэрилин явственно для зрителей складывала губы перед репликой и произносила с особой интонацией каждый слог. Все это производило отнюдь не всегда желательный комический эффект.

Режиссеров раздражало, что Мэрилин отказывается выходить на съемочную площадку, если туда не допустят ее преподавательницу. У Наташи и Мэрилин существовала особая система условных знаков: мимикой и жестами старшая давала младшей указания или сообщала, что что-то идет не так.

Многие считали и продолжают считать, что Наташа Лайтес была своего рода злым гением Мэрилин Монро, инфернальным кукловодом, подчинившим молодую актрису своей воле.

Красивая легенда, если не учитывать одного нюанса. Кукловод влюбился в марионетку. Пигмалион влюбился в Галатею.

Очень скоро Наташа поняла, что магнетическое очарование Мэрилин и даже ее несовершенства, смесь ребячества с жеманством, податливость и ершистость пробуждают в ней глубокий интерес, нежность, плотскую страсть.

Мэрилин Монро и Наташа Лайтес

"Я хочу любить тебя, Мэрилин". — "Нет, не надо любить меня, Наташа. Просто работайте со мной".

Мы не знаем, оставалась ли эта страсть платонической. Мэрилин могла и уступить раз-другой — из сочувствия,

дружеской симпатии или любопытства. Но, так или иначе, взаимностью на Наташину любовь не ответили. Послушная ученица была послушной далеко не во всем.

"Правда в том, что мои чувства, вся моя жизнь были в ее руках, — сказала Наташа Лайтес много лет спустя. — Я была старше ее, я была ее учителем, но она знала глубину моей привязанности к ней и пользовалась этим так, как может только молодой и очень красивый человек. Мэрилин говорила, что в нашей паре именно она нуждается во мне. Однако на самом деле все обстояло наоборот. Моя жизнь с ней означала постоянный отказ от самой себя".

Несомненно, эти слова продиктованы горечью и обидой. И, скорее всего, Мэрилин нуждалась не только в уроках, но и в любви, которую отвергала. Она хотела видела в Наташе наставницу и, вероятно, очередную "эрзац-мать", но никак не возлюбленную, она вырывалась из объятий старшей подруги с негодованием и смутным чувством вины, но совсем, совсем не в духе Монро, неприкаянной малышки Нормы Джин слова "не надо меня любить". От Лайтес она получала не только придирки (немудрено, что та становилась тем придирчивее и несдержанней, чем больше теряла надежду) и притязания, но и поддержку, а поддержка была необходима Мэрилин как воздух.

Похоже, в случае Мэрилин Монро и Наташи Лайтес речь шла о классическом симбиозе, взаимозависимости. Такие связи между людьми подчас длятся дольше, чем самые гармоничные любовные и дружеские отношения.

Мэрилин, увлеченная своей вроде бы наконец налаживавшейся карьерой, еле замечала все, что не касалось этого напрямую.

В марте умерла Ана Лоуэр. Мэрилин не хотела пропускать даже одно занятие с Наташей, поэтому не пошла на похороны, хотя всю жизнь не переставала оплакивать свою "тетю Ану" и вспоминала о ней с горячей благодарностью.

В апреле Глэдис Бейкер, в очередной раз выписанная из клиники, улизнула от присматривавшей за ней дальней родни и вышла замуж за проходимца по имени Джон Стюарт Эли. Эли был двоеженцем и позднее пытался шантажировать дочерей своей "второй жены", требуя от них денег и всяческой другой помощи за то, что взвалил на себя такую обузу, как их мать.

Лето 1948 года принесло Мэрилин не просто ее первую значительную роль, но одну из главных ролей в фильме "Columbia Pictures".

Фильм этот все давным-давно позабыли бы, не стань он вехой в биографии кинозвезды. Это была музыкальная комедия

режиссера Гарри Ромма "Хористки" ("Ladies of the Chorus") (в переводах на русский также "Дамы из кордебалета", "Девушки из кордебалета", "Леди из хора", "Девушки из хора").

Сюжет немного напоминал старую добрую оперетта "Сильва". Мать и дочь, Мэй Мартин (ее сыграла Адель Джергенс) и Пегги Мартин (ее-то роль и досталась Мэрилин) — артистки, поющие и танцующие в шоу-бурлеске. Мэй, несмотря на "легкомысленную" профессию, очень трепетная и строгая мама. Она следит за каждым шагом дочери, потому что сама вдосталь настрадалась от совершенных в юности ошибок и не хочет, чтобы Пегги их повторила. Но разве что-то когда-то мешало девушкам влюбляться? Влюбляется и Пегги — в "богатенького мальчика" Рэнди (актер Рэнд Брукс). Мэй не верит в возможность неравного союза, поэтому она против встреч Пегги с ухажером. Но, видя искренность чувств молодых людей, мать девушки сдается. А вот убедить мать Рэнди оказывается куда сложнее…

Мэрилин удалось оживить слабенький, плохо скроенный и посредственно сшитый сценарий.

Норман Мейлер писал об этой работе Монро: "…она поет, танцует, играет, даже участвует в драке, где вцепляются друг другу в волосы, раздают пощечины, визжат, неуклюже обмениваются шлепками, словно девчонки, бросающие бейсбольный мяч… Но что самое интересное в актрисе, которой суждено пойти так далеко, — это излучаемая ею аура непостижимой уверенности в себе, в собственной неотразимости. Складывается впечатление, что прямо у вас на глазах материализуется идеальный образец сексуальной привлекательности; так бывает, когда в полную народу комнату входит потрясающей красоты девушка и заявляет: "Я здесь лучше всех, со мной никто не сравнится’"".

Застенчивая, нервная, даже невротичная в реальной жизни Мэрилин перед камерой, как всегда, чудодейственным образом изменилась. Не в этом ли секрет ее неуспеха на театральной сцене? Может быть, и вправду лишь под объективом способна была проявиться в полной мере "солнечная" сторона ее натуры?

Актрису, практически дебютантку, если не считать нескольких эпизодов в картинах "20th Century Fox", удостоил похвалы критик Тибор Крекеш, нещадно разругавший фильм в целом.

"Мисс Мэрилин Монро — одно из немногих светлых пятен этой картины. Этой девушке, которая хороша собой, мила и обладает приятным голосом и располагающей манерой поведения, я пророчу большое будущее".

Это был первый положительный отзыв о Мэрилин в прессе.

В "Хористках" Монро дважды спела песенку со смешным припевом "Каждой крошке нужен па-па-па!" — сначала вместе с другими семью девицами, выплясывавшими в коротеньких юбочках, прижимая к груди кукол, потом дуэтом со своим партнером Рэндом Бруксом.

"Па-па-па" — новый "эрзац-отец", а по совместительству и любовник, — для самой Мэрилин нашелся еще на пробах. 32-летний Фред Карджер, как и Наташа Лайтес, был преподавателем. Талантливый композитор и аранжировщик, он учил актеров студии "Columbia" пению и отрабатывал с Монро и ее товарищами музыкальные номера.

Как ученица Мэрилин оказалась для Карджера твердым орешком. Она заикалась и запиналась, у нее, несмотря на Наташины уроки, сбивалось дыхание — и все это еще и потому, что Мэрилин чуть ли не с первого взгляда влюбилась во Фреда. Впервые влюбилась по-настоящему, как она говорила. Ей было почти 22. Обычно первая любовь настигает нас в более раннем возрасте; переболеть ей, будучи взрослым, — все равно что запоздало заразиться корью или ветрянкой…

О своих чувствах к Фреду, не называя его имени, Мэрилин Монро рассказала в "Моей истории".

Печальный опыт "девочки-жены" был не в счет. Теперь Мэрилин осознанно хотела семью и детей, хотела просыпаться с любимым каждое утро.

Фред, который после развода жил с шестилетним сыном и матерью, пока не стремился к женитьбе и вообще к сколь-нибудь прочным отношениям с женщинами. Он охотно пустил хорошенькую актрису в свою постель, но не в душу.

Чтобы покрепче привязать к себе Карджера, Мэрилин пробовала на нем свои излюбленные уловки. Нам, на расстоянии, они могут показаться скорее трогательными, чем возмутительными, но Фреда "штучки" любовницы выводили из себя. Так, когда в начале их романа Карджер вызвался подвезти ее домой после свидания, Мэрилин указала адрес приятельницы, ютившейся в грязной каморке в бедняцком квартале. Увидев изрисованную скабрезными надписями дверь подъезда, обшарпанную лестницу, Фред потрясенно ахнул и предложил Мэрилин пожить у него. За три недели к ней успели привязаться мать Карджера и особенно его маленький сын, а она полюбила их разве что не настолько сильно, как самого Фреда. Но эти сантименты не остановили Карджера, когда обман случайно вскрылся. Он был неумолим и без разговоров отвез рыдающую Мэрилин в "Studio Club", убедившись при этом, что гостиничный комплекс из нескольких симпатичных домиков в мавританском

стиле ничем не походил на трущобы.

Вскоре, впрочем, Мэрилин сняла квартиру поближе к дому милого. А он заезжал к ней в основном по утрам перед работой, на полчаса-час по дороге на студию.

Любовными радостями и печалями Мэрилин делилась с Наташей Лайтес. Та выслушивала ее, тяжело вздыхая, — не только от ревности, но и от тревоги. По рассказам Мэрилин было совсем незаметно, что ее избранник пылает к ней столь же жаркими чувствами. Постепенно это стало доходить и до самой молодой женщины.

"В том безоблачном раю, в котором я постоянно пребывала, было лишь одно крохотное облачко; но вскоре оно стало постепенно расти. Поначалу ничего, кроме моей собственной любви, для меня не имело никакого значения! Через несколько месяцев, однако, я стала присматриваться к его любви. Я смотрела, слушала и смотрела, и никак не могла понять смысл того, что он говорил мне. Тем более понять, действительно ли он любит меня".

Мэрилин оказалась между Сциллой и Харибдой, между влюбленной в нее женщиной и мужчиной, в которого сама была влюблена без памяти, между "эрзац-матерью" и "эрзац-отцом". Оба были ей необходимы. Оба были ее учителями. Оба не уставали критиковать ее. Мало того, что ни с одним из них она не могла испытать полноты разделенной любви. Они еще и отнимали у нее и так шаткую уверенность в себе, вновь превращали в вечно ждущую одобрения маленькую Норму Джин. Ситуация, которая повторялась у Мэрилин Монро едва ли не с каждым близким ей человеком.

"Когда мы оставались вдвоем, он постоянно подшучивал и подсмеивался надо мной. Я знала, что нравлюсь ему, что он счастлив быть со мной. Но его любовь была совсем не такая, как моя. Что бы он ни говорил мне, в его словах всегда хватало критики и осуждения в мой адрес. Он говорил, что я недостаточно умна. Он вечно указывал мне на мою необразованность, на то, что я совсем не знаю жизни… Я никогда никому не жаловалась, но это сильно меня задевало".

Вероятно, Фред Карджер вовсе не считал, что унижает Мэрилин. Наверное, по его собственному мнению, он лишь пытался быть честным. И, когда она говорила ему, что никогда, ни к кому прежде не чувствовала ничего подобного, он отвечал: "Еще почувствуешь, и не раз. Не стоит принимать несколько мимолетных ощущений за что-то серьезное". И, когда она начинала всхлипывать, журил ее: "Ты плачешь без всякого повода. Это потому, что твой ум плохо развит. А если сравнить с твоей

грудью, то он просто в эмбриональном состоянии. Твой ум спит, ты никогда не размышляешь о жизни. Ты просто плывешь по течению с помощью пары воображаемых подводных крыльев".

"Оставшись одна, я лежала без сна, перебирая в уме все, что он говорил. И я думала: "Он не любит меня, иначе он не видел бы так ясно все мои недостатки. Как он может любить меня, если я такая дурочка?"

Я не возражала быть дурочкой, только бы он любил меня. Когда мы были вместе, я чувствовала, что иду по дну какой-то канавы, а он — по тротуару. И я смотрела и смотрела вверх, надеясь поймать любовь в его взгляде".

"Мужская честность" Фреда простиралась так далеко, что он не стеснялся обсуждать с самой же Мэрилин, что будет, если он все-таки женится на ней и с ним "что-нибудь случится". Разве он вправе допустить, чтобы его сына воспитывала "такая" женщина?! "Такая" — означало легкомысленная, невежественная…

В сентябре истек срок контракта с "Columbia Pictures", и Мэрилин уволили, по ее словам — после отказа провести наедине с Гарри Коном уик-энд на его яхте.

Она не бедствовала — ей все еще материально помогали Кэрроллы. Люсиль даже оплачивала Наташины уроки.

Еще получая свои 125 долларов в неделю в студийной бухгалтерии, Мэрилин решилась приобрести в кредит "форд-кабриолет" и даже научилась его водить. В октябре 1948-го молодая женщина и ее автомобиль стали героями уличного происшествия. Торопясь по своим делам, Мэрилин наехала на неожиданно притормозившую машину, шедшую впереди. Никто не пострадал, но тот пятачок бульвара Сансет, где произошло столкновение, мигом запрудила толпа зевак. Всем хотелось посмотреть на Мэрилин, такую эффектную в белом платье (по обыкновению, на пару размеров меньше, чем нужно) с красным орнаментом и в красных туфлях на высоких шпильках. Энергично растолкав прохожих локтями, к красавице-растяпе пробился оказавшийся в тот момент поблизости Том Келли — молодой, но уже известный фоторепортер. Он спросил, не может ли быть чем-либо полезным, и дал Мэрилин пять долларов на такси и свою визитную карточку.

Этот эпизод повлек за собой другой, который, в свою очередь, стал причиной одного из самых крупных скандалов за всю карьеру Мэрилин Монро.

Глава 6
"СИРОТКА В ГОРНОСТАЯХ"

Связь Мэрилин Монро с Фредом Карджером тянулась до конца 1948 года. Он порывался ее бросить — но не мог, то ли из жалости, то ли потому что отношения с молодой женщиной были для него удобными, несмотря на ее "неуместные притязания" и слезы, и уже вошли в привычку. Она порывалась уйти — и возвращалась вновь и вновь, убедив себя, что, может быть, все-таки нужна Карджеру, что он любит ее, пускай и "по-своему".

Мэрилин, как бы туго у нее ни было с деньгами, всегда была очень щедра на подарки — даже людям, мимолетно и случайно встретившимся ей на пути, не говоря уж о близких. Незадолго до разрыва с Карджером она залезла в долги и купила для него изящные золотые часы, стоившие 500 долларов.

"Он был несколько ошарашен красотой моего подарка, — вспоминала она. — Никто прежде не дарил ему таких дорогих вещей.

— Ты должна была выгравировать мое имя: "От Мэрилин такому-то с любовью". Или что-то в этом роде.

Мое сердце почти остановилось, когда он это сказал.

— Я хотела это сделать, — ответила я, — но передумала.

— Почему? — Он смотрел на меня с большой нежностью.

— Потому что когда-нибудь ты бросишь меня, — объяснила я, — и у тебя будет другая женщина. И тогда ты не сможешь пользоваться моим подарком: ведь там будет мое имя. А так эта вещь всегда будет с тобой, как будто ты сам ее купил.

Обычно, когда женщина говорит такие вещи возлюбленному, она ожидает, что тот будет возражать, разуверять, что когда-либо покинет ее. Но он этого не сделал. Ночью я рыдала в постели. Любить без всякой надежды на взаимность — невыносимо".

Долг за эту роскошную безделушку Мэрилин выплачивала еще два года. Не успела она окончательно расплатиться с ювелиром, как Фред, благополучно переменивший свои взгляды на брак, женился на другой.

Возможно, Монро и Карджер мучили бы самих себя и друг друга еще месяцы и месяцы, годы и годы.

Но на голливудском нового днем приеме, куда нашу героиню пригласили, уже по обыкновению, для украшения компании, ее познакомили с видным кинодеятелем Джонни Хайдом, вице-президентом агентства "William Morris". И жизнь Мэрилин в который раз изменилась.

Режиссер Элиа Казан описывал Хайда так: "Прекрасно сложенный, невысокого роста, но отнюдь не тщедушный и не одутловатый, ни одного фунта лишнего веса, он обладал превосходным знанием правил хорошего тона. Это один из немногих влиятельных людей в Голливуде, отличавшихся действительно безупречными манерами".

А Билл Дэвис, тогдашний подчиненный Джонни, оставил такой портрет: "Он был очень интересным парнем. Сильный, как кнут. Агрессивный. Страстный. Волокита. Дамский угодник, несмотря на то, что он не был красавчиком. Он с самого начала запал на Мэрилин, посылая ей подарки и любовные письма. Он был совершенно неугомонным. Я представляю себе, насколько трудно ей было игнорировать его или отказывать ему".

Как и Джозеф Шенк, Джонни был выходцем из России. Иван Гайдабура, потомок династии цирковых акробатов, член труппы "Русский императорский театр Николая Гайдабуры", оказался слишком хилым и неуклюжим для того, чтобы заняться семейным промыслом, зато, как и многие дети бедных эмигрантов, достаточно предприимчивым, чтобы преуспеть в чужой стране.

Он практически с ходу предложил Мэрилин представлять ее интересы, перекупив контракт у ее агента Гарри Липтона.

— Ты будешь знаменитой кинозвездой, — сказал мне Джонни. — Я знаю. Много лет назад я открыл похожую на тебя девушку и привел ее на студию М.Г.М. Это была Лана Тернер. Ты еще лучше. Ты пойдешь дальше. У тебя больше данных.

— Тогда почему я не могу получить работу? — спросила я. — Просто чтобы хватало на пропитание.

— Начинающей звезде нелегко найти хлебную работу. Звезда хороша только как звезда. И ты не годишься ни на что меньшее.

Впервые за несколько месяцев я рассмеялась. Джонни Хайд продолжал внимательно разглядывать меня.

— Да, — сказал он, — что-то есть. Я чувствую. Я просматриваю сотню актрис в неделю. Но в них нет того, что есть в тебе. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Да, — ответила я. — У меня тоже бывало такое чувство. Когда я была еще ребенком и когда я только начинала. Но оно уже давно ко мне не приходило".

Это Мэрилин Монро и Бен Хехт написали в "Моей истории".

А корреспонденту журнала "Photoplay" (материал вышел под душещипательным названием "Сиротка в горностаях") актриса рассказала: "Он готов был стать моим агентом, невзирая на то, что единственной более или менее теплой верхней одеждой, имевшейся тогда в моем гардеробе, было поношенное пальто с воротничком, а на пробы и репетиции я ходила без чулок еще до

того, как это вошло в моду, потому что не могла себе позволить даже единственную приличную пару…"

Да, история Мэрилин Монро и Джонни Хайда тоже была историей любви. И тоже — любви неразделенной. 53-летний женатый Хайд с самого начала и не думал притворяться, что интересуется прелестной старлеткой только как деловой человек или сказочный благодетель. Они стали любовниками уже через несколько дней после первой встречи. В январе 1949-го Джонни увез Мэрилин на "зимние каникулы" в горную долину Коачелла — в городок Палм-Спрингс, который находится недалеко от Лос-Анджелеса. И, понятно, совсем не для того, чтобы осматривать природные достопримечательности.

Сделка двоих — не всегда только сделка. Нечто большее было даже в интрижке-приятельстве Джо Шенка и Мэрилин, где каждый в конечном счете понимал, что от него нужно другому.

Но Джонни Хайду сразу захотелось подарить Мэрилин ни много ни мало — весь мир. А ее… ее потрясла его доброта. Так же, как когда-то потрясла доброта Аны Лоуэр, хотя между целительницей из Общества христианской науки и прожженным голливудским воротилой не сумел бы обнаружить сходства даже самый пристальный взгляд.

"Доброта — самое странное, что замечаешь в любовнике, — да и вообще в любом человеке. Ни один мужчина в жизни не глядел на меня такими добрыми глазами… Он понимал не только меня, он понимал и Норму Джин. Он один прекрасно знал о той боли, о том отчаянии, которое я носила в душе. Когда он обнимал меня и говорил, что любит, я знала, что это правда. Никто и никогда не любил меня так, как он. И всем своим сердцем я желала бы отвечать ему тем же… Но заставить себя полюбить для меня было все равно, что заставить себя полететь, как птица".

Бывало, он, невзирая на свои "безупречные манеры", распекал ее при посторонних, бывало, прилюдно же обзывал "пустой башкой". Но Мэрилин, нахлебавшейся унижений с Фредом, вовсе не казалось, что Джонни ею помыкает. Она и даже те, кто оказывался рядом, буквально физически ощущали направленные на нее потоки горячей нежности.

Одна из бывших подруг Хайда, актриса Мэрибет Хьюс, говорила: "Я знаю его, и я знаю — он хотел, чтобы каждую спою свободную минуту она делала что-нибудь полезное для своей карьеры. Как только вы попадали в водоворот жизни Джонни, ваша собственная жизнь вам больше не принадлежала. Большинство женщин не могли принять этого. Большинство женщин не были согласны на высокую драму, в которую он превращал их жизнь. Чтобы быть с Джонни Хайдом, вам надо

было быть очень сильной".

Любовь Джонни к Мэрилин была собственнической, несколько тиранической, но несомненной и глубоко искренней. И можно себе представить, какие моральные муки испытывала Мэрилин, всю жизнь хотевшая, чтобы ее любили, когда не смогла ответить взаимностью. Чувства Хайда не шокировали её так, как страсть Наташи Лайтес, но и тут она мало что способна была предложить взамен. Любовь Наташи была запретной. С точки зрения Мэрилин, в воспитательницах у которой были, среди прочих, две истовые христианки, суровая Ида Болендер и нежная Ана Лоуэр, — даже преступной. И это в какой-то мере избавляло от терзаний совести. Джонни Мэрилин не любила просто потому, что не любила, — и не находила себе оправданий.

"…Доброта Джонни изменила для меры весь мир вокруг, но так и не затронула мой собственный внутренний мир. Я изо всех сил старалась полюбить его. Он был не только добр, он был еще мудр, не говоря уже о его верности и преданности… Это был первый человек в моей жизни, который понимал меня. Таких, как он, мне раньше просто не попадалось… Он вызывал у меня ощущение счастья и постоянно поддерживал во мне веру в себя.

С ним я перестала бегать от одной студии к другой в поисках работы. Это его заслуга. Я сидела дома, ко мне приходили преподаватели актерского мастерства, я стала читать книги. У меня просто сердце разрывалось от благодарности к нему я жизнь за него готова была отдать. Но любви, то есть именно того, чего он ждал от меня, увы, не было… Он всюду брал меня с собой, куда бы ни шел, куда бы ни ехал. Все его буквально обожали, а меня считали его невестой. Джонни действительно не раз просил меня выйти за него. "Ты не долго будешь мучиться, — уговаривал он, — у меня ведь слабое сердце, я скоро умру". А я так и не сказала ему "да"".

Наташа Лайтес ревновала ученицу к Хайду так же, как еще недавно к Карджеру. (Который, к слову, после того как любовница рассталась с ним окончательно, еще несколько месяцев пытался вернуть ее — то ли из-за оскорбленного самолюбия, то ли запоздало осознав, что все же она ему дорога; так тоже иногда случается.) Две женщины и новый мужчина Мэрилин составили очередной необычный треугольник, причем Наташе опять, пользуясь метким выражением из рассказа О.Генри, досталась роль гипотенузы. Легко догадаться, что Хайд и Лайтес терпели друг друга с большим трудом. Наташа за глаза именовала Хайда не иначе как "Квазимодо" — особенно часто после того, как Джонни ушел от жены, актрисы Мозель Крейвене, и четырех сыновей, и снял для Мэрилин и себя особняк в Беверли-Хиллс.

(При этом, чтобы хоть как-то защититься от сплетен и любопытных носов журналистов, на имя мисс Монро был забронирован номер в отеле.) Джонни считал, что Наташа лишь сбивает Мэрилин с толку излишними "сложностями", и, как явствует из вышеприведенной цитаты, настойчиво предлагал актрисе других преподавателей.

И все же время, проведенное Мэрилин с двумя этими "эрзац-родителями", было для нее во многих отношениях плодотворным. Оба, не сговариваясь, действовали в унисон, побуждая Мэрилин непрестанно развиваться и расширять свой кругозор. Правда, ее стремление к "культуре" подчас выглядело хаотичным и слегка неуклюжим — так, она скупала альбомы по искусству ради того, чтобы вырезать из них иллюстрации. Стены спальни и кухни их с Джонни "гнездышка" были увешаны репродукциями картин Ботичелли и Дюрера. А на прикроватной тумбочке в рамке для фотографий стоял портрет итальянской актрисы Элеоноры Дузе, которой горячо восхищалась Наташа.

Осенью 1950 года Мэрилин даже записалась на десяти недельные курсы при Калифорнийском университете, и в этом поступке тоже следует видеть влияние недружного тандема Хайд — Лайтес.

Джонни, приучивший Мэрилин, по ее словам, "к хорошим книгам и хорошей музыке", декламировал ей вслух стихи Пушкина, советовал читать романы и рассказы Марселя Пруста и Томаса Вульфа, Толстого, Тургенева, Достоевского, Леонида Андреева и подолгу обсуждал с ней прочитанное. Хайд заразил Мэрилин интересом к русской литературе и заронил в ее сердце мечту, которую она лелеяла потом всю жизнь и которой так и не суждено было осуществиться, — сыграть Грушеньку, героиню "Братьев Карамазовых".

Однажды Джонни сказал, что они, живая Мэрилин и книжная Грушенька, чем-то очень схожи. И даже обронил — всерьез или нет, неизвестно, — что Монро вполне подошла бы роль в экранизации романа Достоевского, которую как раз планировала снимать "Metro-Goldwyn-Mayer". С тех пор Мэрилин бредила этим фильмом и мысленно проигрывала все сцены, в которых появлялась Грушенька. "Братьев Карамазовых" она выучила чуть ли не наизусть. "Это была самая трогательная история из всего, что я когда-либо читала или слышала", — вспоминала Мэрилин. О своей мечте она прожужжала уши Наташе. Та охлаждала ее пыл: да, американская экранизация могла бы получиться интересной, но Мэрилин пока что рановато замахиваться на такие роли. И обязательно добавляла что-нибудь язвительное, например: "Запомни наконец, дорогая, в имени Грушенька

ударение делается на первом слоге!"

Еще бы! Ведь в разговоре упоминался ненавистный Хайд!

Джонни преобразил Мэрилин даже внешне. Он уговорил ее решиться на пару пластических операций, и хирурги убрали ей горбинку с кончика носа и придали подбородку более плавную и округлую форму.

Когда Хайд и Монро познакомились, на студии "United Artists" готовился к производству фильм с участием братьев Маркс. Это было последнее появление на киноэкране знаменитых комиков — как и все предыдущие их фильмы, незатейливая комедия положений с множеством трюков и потасовок. Джонни добился для Мэрилин роли в этой картине, называвшейся "Счастливая любовь", причем роль для молодой актрисы была написана на ходу, в последний момент. Сцена с Мэрилин длилась около минуты. В финале герой Граучо Маркса, частный детектив Груньон, слышит стук в дверь своего кабинета и впускает соблазнительную блондинку в открытом платье и с чувственной походкой. "Чем могу служить?" — спрашивает детектив и добавляет "в сторону": "Какой дурацкий вопрос!" Мэрилин кладет ему руку на плечо: "Мистер Груньон, я хочу, чтобы вы мне помогли". — "А в чем, собственно, дело?" — "Какие-то мужчины постоянно преследуют меня". Гримасы остолбеневшего Граучо убеждают посетительницу, что помощи от него ждать нечего, и она разворачивается к выходу "В самом деле? — наконец изрекает Граучо, глядя на зазывно вихляющийся зад Мэрилин. — Не пойму, почему бы это!"

Если вспомнить о прогрессировавшей с годами мании преследования Мэрилин Монро, вторая из двух ее реплик в забавном фарсе братьев Маркс приобретает довольно зловещий смысл, никем, конечно, не подразумевавшийся…

Пробу на эту крохотную роль Монро подробно описала в "Моей истории".

"Я пришла в павильон и нашла продюсера Лестера Кована. Это был невысокий мужчина с темными печальными глазами. Он представил меня Граучо и Харпо. Я как бы встретила знакомых персонажей из детских стишков "Матушки Гусыни". И вот они были передо мной — с веселыми и безумными физиономиями, точно как и в их фильмах. Оба они улыбались мне во весь рот, словно я сладкий пончик.

— Эта молодая леди для сцены в конторе, — объяснил мистер Кован.

Граучо оглядел меня в глубоком раздумье.

— А ну-ка пройдись! — потребовал он.

Я кивнула.

— Я имею в виду — пройдись не как моя старая тетушка Ципа, — объяснил Граучо. — В этой сцене молодая девушка должна пройти мимо меня так, чтобы мое старческое либидо вспыхнуло молодым пламенем и чтобы у меня буквально дым пошел из ушей.

Харпо гуднул в рожок, прикрепленный к концу его трости, и подмигнул мне.

Я прошлась, как просил Граучо.

— Исключительно хорошо выполнено, — похвалил он.

Харпо гуднул в рожок три раза, потом вложил два пальца в рот и лихо свистнул.

— Пройдись еще раз, — сказал мистер Кован.

Я прошлась туда и обратно перед тремя мужчинами. Они улыбались.

— Это Мэй Вест, Теда Бара и Бо Пип, вместе взятые, — сказал Граучо. — Мы снимем эту сцену завтра утром. Приходи пораньше.

— И не вздумай прохаживаться таким образом по улицам без охраны, — добавил Харпо".

Спустя несколько дней "королева сплетен" Луэлла Парсонс впервые упомянула имя Мэрилин Монро в своей колонке светской хроники.

Съемки закончились в феврале, на лето был намечен рекламный тур "Счастливой любви" по городам США, а пока что Мэрилин оставалась бы предоставленной себе, если бы не ее строгие опекуны Наташа Лайтес и Джонни Хайд. Оба они настаивали, чтобы Мэрилин не прерывала учебы.

Хайд, по словам Монро, "носился как угорелый по всем студиям".

"Ведь я была не только его клиенткой или даже его возлюбленной. Я была его личной "миссией"", — совершенно справедливо полагала Мэрилин.

Учитывая его репутацию в мире кино, он, вероятно, мог бы разговаривать с продюсерами с позиций силы, но понимал, что, действуя нахраписто, скорее всего, окажет подруге медвежью услугу. Он считал, что его подопечную недооценивают, и говорил Мэрилин: "Мне смешно, когда я думаю, как они ошибаются и как они будут кусать себе локти. И это время придет очень скоро". Но Джонни хотелось, чтобы, когда к Мэрилин придет успех, никто не сомневался, что он заслужен ею честно, а не добыт благодаря деньгам или влиянию "папочки"-покровителя.

Он разработал целую стратегию, и в рамках этой стратегии Мэрилин должна была использовать любую возможность "засветиться", не отказываться от фотосессий и участия в каких-

нибудь дурацких телерекламах.

"Если ты неудачница в Голливуде — это все равно что подыхать от голода на пороге банкетного зала, где запах телятины сводит тебя с ума", — сетовала Мэрилин, вспоминая то время. Молодой женщине вечно не хватало денег на карманные расходы, потому что тратила она их не раздумывая, но "подохнуть с голоду" Джонни Хайд ей, разумеется, не дал бы.

Поэтому очевидно, что позировать обнаженной Тому Келли — тому самому, что выручил ее пятью долларами после аварии на бульваре Сансет, — Мэрилин согласилась, что бы она потом ни плела журналистам, не из-за нужды.

Хотя вряд ли и с подачи Хайда — трудно предположить, чтобы этот стреляный волк захотел бы, чтобы его протеже привлекла к себе внимание настолько экстравагантным способом.

Начиналось все вполне невинно. В мае 1949 года Мэрилин, найдя в старой сумочке визитную карточку Тома, позвонила ему, и тот пригласил ее сфотографироваться для рекламы пива. Плакат, на котором она была запечатлена в купальнике и с большим надувным мячом в руках, попался на глаза чикагскому производителю календарей. Он предложил Келли выгодный заказ. И Том уговорил Мэрилин раздеться перед объективом — о, всего несколько кадров, сдержанных и целомудренных, никакой вульгарности!

Мэрилин подписала договор, дающий Келли право на использование снимков, "полупсевдонимом": Мона Монро. Фотосессия, на которой Тому ассистировала его жена Натали, продолжалась два часа. Пол и стены ателье задрапировали алым бархатом. Под джаз, льющийся с патефонной пластинки, Том снимал свою модель с примерно 10-метровой высоты, устроившись на лестнице.

"Все было очень просто… и холодно!" — вспоминала Монро.

Тому за работу заплатили 500 долларов, из которых Мэрилин перепало только 50.

Заказчик отобрал для календаря две фотографии, назвав одну "Новинка" (изящный женский силуэт в профиль), а другую — "Золотые мечты" (кадр с показанной крупным планом грудью Мэрилин). Ничего вульгарного, бесстыдного в этих снимках, обошедших через несколько лет весь мир, действительно пег. Фотографии, по замыслу авторов, должны были вызывать лишь чистое восхищение, а не вожделение.

Потом Келли говорил в интервью Морису Золотову, что Мэрилин выгибалась "с грациозностью выдры" и двигалась "с подкупающей естественностью". "Стоило ей сбросить одежду, как всю ее застенчивость будто рукой сняло".

Возможно, Мэрилин, всегда магически преображавшейся перед кинокамерой или фотоаппаратом, попросту захотелось узнать, что она почувствует, снимаясь обнаженной. Она гордилась своим телом, она наслаждалась своей наготой, и никогда этого не скрывала.

Наташа Лайтес, которой доводилось и жить с Мэрилин под одной крышей, и сопровождать ее на съемки, говорила, что после пробуждения та часами расхаживала без одежды, не смущаясь чьим бы то ни было присутствием.

"Состояние обнаженности, казалось, умиротворяло ее, оказывало на нее своего рода гипнотическое воздействие. Если вдруг она проходила мимо зеркала и взглядывала на себя, она застывала, ее губы раскрывались, и полуприкрытые веками глаза не могли оторваться от собственного изображения. Она словно впитывала себя. Она напоминала тогда кошку, которую чешут за ушами".

Однако скоро, в июле 1949-го, Мэрилин пришлось узнать, что фотографироваться не всегда бывает так уж приятно — даже одетой. Во время тура в поддержку "Счастливой любви" фоторепортеров, хотевших поймать ее в объектив, было очень уж много, слишком много — ведь сексапильная блондинка, что прекрасно понимал Лестер Кован, украшала собой и фильм, хотя зрители видели ее всего минуту, и рекламную кампанию. У Мэрилин едва не случился нервный срыв. Она звонила из гостиничного номера приятелям — первым, чьи номера попадались ей в записной книжке, — и кричала, что не может больше, что перед ее носом целыми днями щелкают, щелкают, щелкают, что она устала улыбаться, улыбаться, улыбаться…

Мэрилин Монро еще не была звездой, но уже прочувствовала, каким тяжелым может быть бремя славы.

Она справилась. И совладала с собой. И улыбалась, улыбалась, улыбалась. Особенно искренне не фотографам, а детям в сиротских приютах и пациентам в госпиталях, пусть продюсер и затевал экскурсии в эти заведения исключительно с целью все той же рекламы.

Хайд и Лайтес основательно подготовили "малышку" к поездке. Мэрилин вспоминала: "Я купила самые красивые вещи, какие только удалось найти в голливудских магазинах. Ничего дешевого или смелого. Джонни и Наташа сказали мне, что я должна путешествовать как дама, каковой я, по их мнению, пожалуй, не являлась. Поэтому я купила себе пару превосходных шерстяных костюмов и свитеров, несколько блузок, застегивавшихся под горлышко, а также строгий жакет". (В другой раз и в другом месте она скажет, что ее покупки ограничились

тремя дешевенькими платьями; ничего удивительного; Мэрилин часто смещала акценты, в зависимости от того, принцессой или золушкой хотела предстать.)

Единственное, чего не учли ни давно жившие в Лос-Анджелесе Наташа и Джонни, ни родившаяся там Мэрилин, — что Нью-Йорк, Детройт, Кливленд и Чикаго хотя и находятся к северу от Калифорнии, но все же не на Северном полюсе. "В кино я видела эти города, занесенные снегом", — оправдывалась потом Монро. Уже в поезде она умирала от жары в своем чопорном одеянии, и организаторы тура решили обыграть эту ситуацию, устроив фотосессию прямо на нью-йоркском вокзале, "…я позировала на ступеньках вагона, пот струился по моему лицу, в каждой руке я держала вафельный стаканчик мороженого. Подпись гласила: "Мэрилин Монро, самая горячая штучка Голливуда, охлаждается"… Так тема "охлаждения" стала центральной в моей рекламной работе в Нью-Йорке".

И все же организаторам тура пришлось снабдить актрису более подходящей амуницией. Мэрилин запомнилось летнее платье с большим декольте, из набивного голубого в горох хлопка и с красным бархатным поясом. Правда, она не преминула отметить, что наряд был куплен на распродаже в самом дешевом магазине.

В "Моей истории" Монро вообще говорит, что этот тур принес ей сплошные неприятности и разочарования. Но Андре де Дьенес, который был тем летом в Нью-Йорке, увидел фотографию старой знакомой в газете, позвонил ей в отель и вытащил поразмяться на Лонг-Айленд, уверяет, что она была в приподнятом настроении. "Внешностью и свободой поведения она уже тогда напоминала признанную звезду экрана и просто лучилась радостью". И когда он, Андре, "защелкал" перед ней фотоаппаратом, Мэрилин не возражала. Оба словно вспомнили те далекие дни, когда вдвоем колесили по всей Калифорнии. В белом купальнике, встряхивая золотящейся на солнце гривой, Мэрилин носилась по пляжу, бегала по воде, играла со своим огромным зонтиком в горошек, то открывая его, то закрывая. Позировала, конечно, она позировала! Но, кокетничая с объективом, кокетничала и с фотографом, — они были для нее, как и встарь, одно. Однако от "ужина с продолжением", на который надеялся де Дьенес, Мэрилин отказалась, сославшись на то, что ей надо готовиться к интервью.

Это интервью было взято, о рекламной кампании вышло и несколько других материалов в прессе, но журналисты, повадившиеся, подобно одноклассникам Мэрилин, называть ее "девушкой Ммм", видели в актрисе лишь "горячую штучку из

Голливуда", и ничего больше. Удивляться не стоило — ведь именно так им и представляли Мэрилин.

Вернувшись в августе в Лос-Анджелес, Мэрилин, благодаря хлопотам Джонни, тут же попала на прослушивание в "20th Century Fox". Нового контракта с ней не заключили, но дали роль — снова совсем маленькую, по сути, эпизодическую, — в музыкальной комедии про ковбоев "Билет в Томагавк", провалившейся затем в прокате.

В начале осени Мэрилин познакомилась с двумя своими будущими близкими друзьями — Рупертом Алланом и Милтоном Грином. Писатель и издатель журнала "Look" Аллан устроил в доме, который снимал на пару с приятелем Фрэнком Маккарти, нечто вроде салона для избранных. Попав в этот круг "избранных", Мэрилин встретилась с модным нью-йоркским фотографом Милтоном Грином. Описание их знакомства походит на анекдот: "Мне показали папку с самыми красивыми снимками, какие мне доводилось видеть в своей жизни. Я только ахнула и спросила: "Господи, кто же их сделал?"". После того как ее представили Грину, Мэрилин сказала: "Но вы же просто мальчик!", на что Милтон, не растерявшись, ответил: "Что ж, а вы просто девочка!"

27-летний Грин, ладно сложенный невысокий брюнет, действительно выглядел моложаво и был весьма привлекателен. "Девочка" и "мальчик" сразу приглянулись друг другу — и сбежали вдвоем с ужина, не дожидаясь, пока начнут расходиться другие гости.

В то время Джонни Хайд отдыхал без Мэрилин в Палм-Спрингс — и его подруга поддалась искушению ответить на подмигивания талантливого красавчика. В течение десяти дней Милтон и Мэрилин почти не вылезали из постели отельного номера, который Грин торжественного именовал своим "домом на Западном Побережье". На этом их роман оборвался. Милтон вернулся в Нью-Йорк, а вслед ему полетела телеграмма со стихотворением:

"Милтон Грин, я люблю тебя всем сердцем,
И не только за твой "дом" и твое гостеприимство.
Я люблю тебя, считая, что ты самый лучший,
И поверь, мой дорогой, я не просто льщу.

Обнимаю, Мэрилин"

Вскоре Монро сыграла вновь небольшую, но заметную роль в фильме режиссера Джона Хьюстона "Асфальтовые джунгли". Впоследствии, когда Мэрилин уже стала знаменитой, Хьюстон не

находил для нее слов, достаточно льстивых. Он уверял, что просто мечтал заполучить ее на роль Анджелы Финлей.

"Я просто знал, что она создана для этой роли, еще до пробы. Она была настолько уязвима, настолько сладка, настолько желанна, что вы просто таяли в ее присутствии. Я не могу понять, как никто не мог взять ее в какое угодно кино? Она идеально подходила для роли в "Асфальтовых джунглях"".

На самом деле все обстояло несколько иначе. Фильм снимался на студии "Metro-Goldwyn-Mayer", и все еще работавшая там Люсиль помогла Мэрилин, причем весьма остроумным, хотя, может быть, не совсем честным способом. Джон Хьюстон прочил на роль Анджелы другую блондинку, Лолу Олбрайт. Но и Кэрроллы, и Джон Хьюстон были страстными любителями лошадей. В конюшнях на ранчо Кэрроллов жили принадлежавшие Джону Хьюстону скакуны породы "ирландская упряжная", и он задолжал за их содержание и тренировку кругленькую сумму. Пока Джонни Хайд тщетно уговаривал режиссера взять Мэрилин в "Асфальтовые джунгли", коварные Кэрроллы пригласили Хьюстона на ранчо. Выбрав момент, когда тот безмятежно любовался резвящимися на лугу воронымиего огорошили ультиматумом. Либо дорогой гость немедленно выплачивает весь долг, либо Джон Кэрролл, с печалью в сердце, продает лошадок и взыскивает из выручки свое, либо… Либо Мэрилин играет в картине Хьюстона. Шантаж и подкуп — а как это еще назовешь? Что ж, на войне как на войне, в Голливуде как в Голливуде…

Однако у Мэрилин были веские основания благодарить друзей за эту военную хитрость. "Асфальтовые джунгли" позволили актрисе показать себя в новом свете. Это была, кажется, первая в карьере Монро драматическая роль. Фильм-нуар по роману У. Бёрнетта рассказывал о криминальном мире Соединенных Штатов, и Мэрилин играла "племянницу", а на самом деле — наложницу одного из героев. Автор книги характеризовал Анджелу Финлей как "секс-бомбу", в чьей манере говорить сквозило "что-то такое — неопределенно ленивое, небрежное и до нахальства самоуверенное, — чем просто невозможно было пренебречь". Явления Мэрилин Монро на экране опять — опять и опять! — были недолгими, но зрителям хорошо запомнилась девушка, прячущая за вызывающими повадками душевный надлом, мучимая страхом и презрением к себе. Актриса позднее называла роль Анджелы одной из своих лучших работ в кино.

В преддверии и во время съемок Мэрилин настолько старательно занималась репетициями с Наташей Лайтес, что дорепетировалась до нервного срыва. Она так вжилась в образ,

что, казалось, временами выпадает из реальности. В фильме была сцена, где в комнату Анджелы, громко постучавшись, входят несколько человек и осыпают героиню угрозами. Мэрилин мерещилось, что к ней тоже стучатся какие-то люди, переговаривающиеся между собой за дверью. Она то и дело слышала голоса, которых не слышал никто из находившихся в этот момент рядом с ней.

Встревоженная Наташа посоветовалась с Хайдом, тот поговорил со студийными врачами, и они прописали Мэрилин лекарства — барбитураты. На это следует обратить особое внимание — так и начался роман Монро с барбитуратами, воистину роман "до гробовой доски".

Мэрилин была не единственной. В конце 40-х — начале 60-х барбитураты, особенно среди обитателей Голливуда и представителей творческих профессий, живших в иных местах, вообще были чрезвычайно популярны. Барбитуратами пытались лечить всё — усталость, бессонницу, головную боль, плохой характер, едва ли не простуду.

В начале 1950 года Мэрилин перепало несколько маленьких и по длительности, и по значению ролей в фильмах "MGM" и "20th Century Fox": "Шаровая молния", "Хук справа", "История родного города". Контракт с ней ни одна из студий подписывать не торопилась: у всех уже были "штатные блондинки".

Зато весной ей улыбнулась удача: хотя роль Монро в начавшемся сниматься в то время фильме Джозефа Манкевича "Всё о Еве" была, уже по недоброй традиции, невелика, сам фильм можно без преувеличений причислить к голливудской "золотой классике". Все, наверное, помнят, что в центре сюжета — противостояние сорокалетней звезды театральных подмостков Марго Ченнинг (ее сыграла Бетт Дэвис) и Евы (Энн Бакстер), юной хищницы со сладенькой улыбкой, которая, прикидываясь восторженной поклонницей, постепенно отнимает у Марго ее роли и ее славу.

Даже не второ-, а третьестепенный персонаж Монро мисс Кэссуэл — тоже актриса, совсем молоденькая. В некотором смысле Мэрилин играет себя: старлетку, мечтающую о ролях и ищущую покровительства "больших и сильных мужчин", трогательную простушку, может быть, очень даже непростую внутри.

"Коронная сцена" мисс Монро/Кэссуэл — на лестнице в доме Марго, где старлетка потягивает шампанское, якобы непринужденно и беззаботно, в окружении "серьезных" (и по сценарию, и в жизни) людей. За каждым мельчайшим ее движением хочется наблюдать бесконечно.

Мэрилин едва не сорвала съемки своими постоянными опозданиями. Этому ее свойству, выводившему из себя еще начальство на парашютной фабрике, где работала Норма Джин, Рэнди Тараборелли посвящает милейший пассаж, который невозможно не процитировать:

"Думая о маленькой роли Мэрилин в фильме "Всё о Еве", стоит еще сказать, что Мэрилин делала все, что могла, чтобы не опаздывать, но это оказалось не в ее силах. Однажды актер Грегори Ратофф сказал о Мэрилин: "Эта девочка станет великой звездой!" Селеста Холм закатила глаза и заявила: "Ты так думаешь, потому что она заставляет всех себя ждать?" Действительно, в последующие годы очень много говорилось о неспособности Мэрилин приходить вовремя куда бы то ни было. Фактически она опаздывала всегда — шла ли речь о работе или просто о встрече с приятелями за кофе. Повод не имел значения, все знали, что она опоздает. Это была очень раздражающая привычка, но, поскольку она была тем, кем она была, большинство людей примирились с этим. Ясно одно — она умела в один момент осветить любую комнату своим присутствием. "Это не я всегда опаздываю, это все остальные постоянно куда-то торопятся!" — как-то язвительно заметила она".

Летом и осенью 1950 года Мэрилин куда меньше общалась с Джонни Хайдом, чем прежде. Она возобновила приятельство с Шенком, много времени проводила с новыми знакомыми в "салоне" Руперта Аллана, подружилась с известным репортером Сиднеем Сколски (возрастом и характером он вполне годился на роль ее очередного "эрзац-отца", но любовником Мэрилин не стал), посещала курсы при Калифорнийском университете.

А здоровье Джонни резко ухудшилось. Старая болезнь сердца грозила вот-вот доконать его. Хайда изматывали боли и слабость, он знал, что скоро умрет, и врачи его не обнадеживали. Мэрилин — теперь она жила вместе с Наташей, Наташиной маленькой дочкой Барбарой и собачкой Джозефиной, крохотной капризной чихуахуа, — все реже удавалось заставить себя навестить его. Несмотря на неприязнь к Джонни, Наташа была возмущена черствостью и неблагодарностью подруги и даже обещала, что притащит ее к нему силой. Мэрилин оправдывалась тем, что ей невыносимо тяжело смотреть на страдания близкого человека.

А он, уже не вставая с постели, продолжал настойчиво предлагать Мэрилин руку и сердце и не прекращал заниматься ее делами.

Хайду даже наконец удалось убедить Дэррила Занука заключить с Мэрилин контракт — сроком на семь лет и с окладом на 500 долларов.

…Джонни Хайд умер от обширного инфаркта миокарда 18 декабря 1950 года. За несколько дней до убившего его приступа Хайду стало лучше, и он, чтобы отвлечься от тягостных дум, отправился в Палм-Спрингс, откуда "скорая помощь" привезла его в частную больницу в Лос-Анджелесе. Медсестра шепнула Монро, прибежавшей, когда Джонни был уже мертв, что перед смертью он громко звал ее: "Мэрилин! Мэрилин!"

Брошенная жена Хайда передала через третье лицо, что присутствие Мэрилин на похоронах нежелательно. Но все же они с Наташей пробрались на церемонию — в скромных траурных костюмах и шляпках, какие носила прислуга, с окутанными черными вуалями лицами.

По легенде, Мэрилин, увидев гроб, забыла обо всех предосторожностях и прильнула к телу Джонни с воплями и слезами. Собственно, авторами этой легенды были сама Монро и Бен Хехт: "Я бросилась на гроб и зарыдала. Мне хотелось умереть вместе с ним". Однако вряд ли такое могло произойти на самом деле.

Джонни Хайд был единственным мужчиной Мэрилин Монро, которого смогла разлучить с ней только смерть. Возможно, именно потому, что Мэрилин его не любила.

Но горе ее было искренним и огромным. "Никто не знал истинную глубины наших отношений, — сказала она спустя годы. — Когда вас двое в постели и ваши руки переплетаются в объятиях, в комнате темно, и вы кладете голову ему на грудь и слышите, как бьется его сердце — вот тогда вы действительно знаете этого человека. Когда его сердце начинает сильнее биться ради вас, вот тогда вы по-настоящему знаете его".

Умереть Мэрилин, похоже, действительно попыталась. Через несколько дней после похорон Наташа, придя с работы, застала подругу лежащей на кровати в спальне. Мэрилин походила скорее на покойницу, чем на спящую: бледная кожа, впавшие щеки. Наташа принялась тормошит!" ее, потом с трудом разжала Мэрилин рот и увидела, что он полон наполовину растворившихся таблеток и пены.

Это произошло в канун Рождества. На Рождество все обмениваются подарками — и Наташа Лайтес получила от Мэрилин изысканную драгоценность — старинную брошь с камеей из слоновой кости в золотой оправе. На золоте были выгравированы слова: "Знайте, я обязана вам куда большим, чем жизнью".

И все же Мэрилин отрицала, что хотела покончить с собой из-за смерти Хайда, утверждала, что просто нечаянно переборщила со снотворным. Милтону Грину она сказала: "Я чувствовала себя

виноватой, меня мучили самые разные чувства по этому поводу, но я совершенно точно не хотела умереть".

Но, видя состояние Мэрилин, никто из тех, кто ее знал, не верил, что она едва не отправила себя на тот свет по чистой случайности.

Почему она так и не вышла за Хайда замуж? Ведь помимо всего прочего это сделало бы ее весьма состоятельной особой, даже если бы ее карьера и не удалась. А Джонни умер бы счастливым, зная, что будущее любимой обеспечено.

Пытаясь ответить на этот вопрос, писатель Норман Мейлер пришел к такому выводу: "Она восхищалась им, потому что он мог спроектировать здание ее артистической карьеры, а в ее глазах это значило достойно обставить дом, где могло бы обитать ее "я". Вот почему она вряд ли могла позволить себе стать его женой. Ведь после его кончины она будет обречена стать то ли веселой вдовой, то ли черной вдовой, одним словом, женщиной по имени миссис Хайд, а не самою собой. Что за навязчивая идея эта потребность быть верным самому себе!.. эмоциональное состояние, обусловленное подобным самоощущением, почему-то настолько предпочтительнее ощущения пустоты в самом себе, что для его носителей — таких, как Мэрилин, — может стать более мощным побудительным стимулом, чем сексуальный инстинкт, стремление к высокому общественному положению или богатству. Находятся люди, которые скорее пожертвуют любовью или собственной безопасностью, нежели рискнут поставить под вопрос чувство верности самим себе".

Глава 7
"ТЕЛО КАК ИНСТРУМЕНТ"

Скорбь по Джонни подтолкнула Мэрилин к поступку, очень похожему на тот, свидетелем которого был когда-то Джим Догерти. "Она заявила, будто только-только узнала, кто ее настоящий отец, и хотела, чтобы я поехала вместе с ней наведаться к этому мужчине", — вспоминала Наташа Лайтес. Старшая подруга согласилась сопровождать Мэрилин, но впоследствии сожалела о том, что не отговорила ее от этого вояжа… или хотя бы не пригласила третьим в их компанию психиатра.

Есть, как уж водится, два взаимоисключающих варианта этой истории.

В первом Мэрилин, проявив незаурядные способности к сыщицкому ремеслу, выяснила, что Чарльз Стенли Гиффорд переехал в Эмет, город в Северной Калифорнии, женился, овдовел и женился вновь, работал сперва строительным подрядчиком, затем птицеводом. Узнав его домашний адрес, она отправилась в Эмет, прихватив с собой Наташу для храбрости и журнал со своей фотографией на обложке для убедительности. Из машины перед домом Гиффорда Мэрилин, однако, вышла одна. Чарльз Стенли вовсе не вышел на стук в дверь, а его жена встретила Мэрилин неласково, и единственным, что она передала незваной "падчерице" от мужа, была визитная карточка его адвоката.

В другом варианте Мэрилин с Наташей не доехали до дома Гиффордов. Они остановились на бензоколонке, откуда Мэрилин — опять же выйдя из машины одна — позвонила Чарльзу Стенли по телефону. Вернулась она заплаканной, сказала Наташе, что отец не хочет ее видеть, поэтому они немедленно возвращаются в Лос-Анджелес.

Наташе, как и Догерти в свое время, оставалось только гадать, звонила ли Мэрилин куда-нибудь вообще и не была ли вся затея трюком, придуманным Монро для того, чтобы вызвать к себе еще большее сочувствие и внимание.

Наташа, впрочем, и без того после смерти Джонни вела себя по отношению к Мэрилин вдвойне заботливо и самоотверженно.

Скоро, однако, им пришлось разъехаться, и тут уже самоотверженность проявила младшая из женщин. Истек срок аренды квартиры, которую снимала Лайтес и в которой жила вместе со своей дочкой, Мэрилин и ее собачкой. Монро и ее

чиахухуа перебрались в отель в Беверли-Хиллс. А Наташа захотела купить небольшой домик в кредит, но ей не хватало средств на первый взнос. Деньги, которых не доставало, дала ей Мэрилин.

"Только намного позже до меня дошли сведения о том, откуда она их взяла, — говорила Наташа. — Она продала норковый палантин, который получила в подарок от Джонни Хайда. Это была единственная на самом деле добротная вещь, имевшаяся в ее гардеробе".

Где-то в конце 1950-го или в начале 1951 года завязалась странная дружба втроем между Мэрилин Монро, режиссером Элиа Казаном, ставшим ее любовником, и писателем Артуром Миллером, ставшим через несколько лет ее мужем.

Мэрилин снималась в очередной маленькой роли в очередной пустячной комедии под названием "Настолько молод, насколько себя чувствуешь". Она в который раз играла "пустоголовую блондинку", смазливую секретаршу, — и это удручало ее. Мэрилин начала чувствовать, что загнана в западню, что растрачивает себя зря.

"Я была обязана вырваться из всего этого, просто обязана. Опасность состояла в нарастании во мне самой уверенности в том, что только этим и ограничивались мои возможности — ограничивались мои потенциальные достижения — ограничивались возможности любой другой женщины. Наташа и все прочие говорили о том, насколько я убедительна, насколько много меня самой есть в данном персонаже или же насколько многое от этого персонажа должно иметься во мне. А я знала, что могу сыграть еще лучше и добиться еще большего. Но никто меня не слушал", — вот какими были ее мысли в ту пору.

Мэрилин была подавлена и не могла скрыть свое моральное состояние от окружающих, даже если и пыталась.

"Она постоянно плачет. Всякий раз, когда я в ней нуждаюсь, она плачет. А у нее от этого заплывшие глаза!" — сетовал режиссер Хэрмон Джонс, причем сетовал не кому-нибудь, а своему приятелю Элиа Казану. И тому захотелось проверить, не сможет ли он утешить плачущую красавицу.

Э. Казан

Элиа Казан (при рождении — Элиас Казанджоглу), американский театральный и кинорежиссер и драматург греческого происхождения, переехал в США, как и Шенк с Хайдом, вместе с родителями в детстве. Казан с 1934-го по 1936 год был коммунистом (что в свое время печально сказалось не столько на его собственной судьбе, сколько на судьбах его друзей) — но это отнюдь не мешало ему быть сибаритом. От предков он унаследовал неуемный темперамент и жгучую жажду к жизни во всех ее проявлениях. В 1931-м он вместе с несколькими другими молодыми энтузиастами основал в Нью-Йорке "Theatre Group" (в очень приблизительном переводе на русский — "Театральная группа" или "Групповой театр"). Своего рода "дочерним предприятием" этого объединения была та самая лос-анджелесская "Актерская лаборатория", чьи семинары посещала Мэрилин Монро в конце 40-х, Более известный в мире театра, чем в мире кино, Казан и в Голливуде не был чужим человеком: его фильм "Джентльменское соглашение", снятый на "20th Century Fox", получил в 1947 году целых три "Оскара".

Элиа вполне заслуженно слыл бабником. Заскочив на съемочную площадку, он быстро заставил Мэрилин, с которой был шапочно знаком прежде, рассмеяться, а затем и принять его приглашение на обед. Казан пришел на студию не один — он взял с собой своего близкого друга Артура Миллера, известного прозаика и драматурга. В этом долговязом и худощавом

очкарике, застенчивом и серьезном, к тому же женатому и, по слухам, нерушимо верному жене, Элиа не видел для себя соперника. В одном он не просчитался — романа между Артуром и Мэрилин тогда действительно не случилось, хотя их сразу потянуло друг к другу. Вернее, Мэрилин сразу потянуло к обоим — к самоуверенному, веселому, источающему жизнелюбие Казану и к Миллеру, типичному "рефлексирующему интеллигенту". Первый отлично развлекал ее, а второй…

Наташа Лайтес, невольная очевидица всех движений сердца Мэрилин — сердца, куда ей, влюбленной преподавательнице, не было доступа, — впоследствии говорила о Монро и Миллере: "Она влюбилась в него, а он — в нее, и тут нет места каким-либо сомнениям". И, хотя эти двое не легли в постель, Мэрилин, заикаясь от волнения, твердила Наташе, что "встретила такого мужчину, которого могла бы любить до конца дней своих".

Но, что бы ни испытывала Монро к Миллеру, с Казаном она, напротив, очутилась в одной постели очень скоро, и роман их протекал бурно и шумно, всем напоказ. Элиа тогда снимал в Голливуде свой фильм "Вива Сапата!" и подолгу жил в Лос-Анджелесе. Один из знакомых Монро вспоминал: "Во время съемок на натуре Мэрилин ввязалась в большой роман с Казаном, а поскольку в ту весну у нее было не особенно много работы, то она приезжала вместе с Казаном на ранчо студии Fox… Вечером, на обратном пути, мы обычно останавливались всей компанией в каком-нибудь ресторанчике или таверне, потягивали пиво, запускали музыкальный автомат и танцевали в свое удовольствие… В таких ситуациях нельзя было вообразить себе лучшую или более веселую спутницу, чем Мэрилин. Все знали о присущем ей беспокойстве, но далеко не все знали, что она умела отдыхать и развлекаться, что она никогда не жаловалась на обычные житейские неприятности или неудобства, что она никогда и ни о ком не говорила плохо и что у нее было блестящее врожденное чувство юмора".

Казан и не помышлял о том, чтобы жениться на Монро, — по сто мнению, она вообще не была создана для того, чтобы стать чьей-либо женой, зато была "великолепной компаньонкой". Мэрилин такое отношение, похоже, не смущало. "Это был, пожалуй, первый в ее жизни роман, — пишет Спото, — который не связывался ни с какими осложняющими обстоятельствами и давал ей полное удовлетворение. Мэрилин ничуть не отпугивало ясное осознание отсутствия каких-либо шансов на замужество — более того, этот факт словно бы нёс с собой дополнительное ощущение свободы".

К тому же Казан, при всем его блестящем, как и у Мэрилин,

умении "отдыхать и развлекаться", был еще и внимательным слушателем. И по-своему уважал любовницу, считая ее "простодушной и скромной красоткой, которую унизил Голливуд". Правда, предложить униженной актрисе роль в каком-нибудь из собственных фильмов ему в голову не приходило.

И все же роман с Элиа принес Монро, в числе прочего, и практическую выгоду. Часто любовники проводили ночи в доме приятеля Казана, директора агентства "Знаменитые артисты" Чарльза Фелдмена. Мэрилин охотно согласилась воспользоваться услугами "Знаменитых артистов", поскольку сотрудники агентства, которым прежде руководил Джонни Хайд, имели на нее зуб: слишком много времени и сил покойный тратил надела Монро в ущерб всем остальным!

А что же Миллер, чью фотографию в рамке Мэрилин поставила у себя в спальне, на тумбочке возле кровати, на которой занималась сексом с Казаном?

При первой встрече Мэрилин показалась ему "самым печальным существом, какое он только видел". Когда они с Монро пожали друг другу руки, его "пробрало трепетом — чувством, которое никак не сочеталось с ее печалью среди всего окружающего великолепия и изобилия техники, а также кипучей рабочей суеты…"

Трепет и печаль в обществе Мэрилин Артур чувствовал и позднее — тогда, когда вел с ней и с Казаном долгие разговоры о литературе, театре и кино, когда они втроем прогуливались по Лос-Анджелесу и его окрестностям, когда вместе шли в гости к друзьям Казана или посещали приемы и вечеринки, на которые всегда так щедр Голливуд.

Позднее он писал: "Мэрилин завладела моим воображением и дала мне ту силу, которая не поддается пониманию, но позволяет приблизиться к тому, чтобы овладеть умением разогнать непроницаемую тьму".

Элиа прекрасно видел, что взаимная симпатия между его любовницей и его приятелем крепнет с каждым днем, — и не ревновал. Он был даже не против того, чтобы в их причудливом трио воцарилось своего рода равновесие, и добродушно подталкивал двух близких людей в объятия друг друга — например, подстрекая Артура пригласить Мэрилин на танец во время ужина в каком-нибудь ресторанчике.

Однажды Мэрилин сняла туфлю, чтобы растереть затекшую ногу. Миллер тут же, как бы шутя, галантно опустился на одно колено и поднес ступню молодой женщины к своим губам. Он не замечал, что поцелуи его делаются все более страстными, что щеки его полыхают горячечным румянцем и что происходящее

уже совсем не походит на шутку…

"В 1951 году артистка выглядела как сплошная боль, и я знал, что должен скрыться от нее или же утратить ощущение границы сознания… В моей робости она заметила некоторый шанс безопасности для себя, своего рода спасение от той одинокой, неспокойной и пустой жизни, которую ей создали".

Артур не хотел изменять жене, своей Мэри, которая прошла с ним через множество невзгод, жертвуя для него всем, и родила ему двух детей. Но он был уже на пределе — и, от греха подальше, "просто сел в самолет и улетел".

Мэрилин провожала Артура в аэропорт.

"В момент расставания я поцеловал ее в щеку, а она от удивления глубоко втянула в себя воздух. Я почему-то начал смеяться и говорить, что она явно перегибает и преувеличивает, пока оттенок серьезности на дне ее глаз не породил во мне бурных угрызений совести… Я был обязан сбежать от ее детской ненасытности… но ее запах продолжал пребывать на моих ладонях… Тайна этого общения пронзила меня насквозь с силой едва ли не радиоактивного излучения, и я радовался этому ощущению как верному доказательству того, что скоро снова стану писать…"

Однако, по признанию Миллера, Мэрилин удалось разрушить весь сложившийся в его уме "внутренний порядок".

Он не смог забыть ее, свою несостоявшуюся любовь. И Мэрилин тоже не позабыла его.

Спустя несколько месяцев после этого Казан прервал свой роман с ней — просто оттого, что чересчур долгие любовные интрижки были не в его вкусе.

Тем временем в карьере Монро — том, что было для нее если не более, то, во всяком случае, не менее важно, чем сердечные дела, — ничего не происходило. Она значилась в штате, с ней исправно продлевали контракт (надо учесть, что контракт этот был, по сути, кабальным и не давал актрисе возможности самой выбирать себе роли и принимать предложения других студий, хотя "хозяева" могли в любой момент "одолжить" ее кому-нибудь из коллег для съемок), ей увеличивали жалованье — но это не помогало Мэрилин выбраться из очерченного круга.

Она самыми экстравагантными способами пыталась привлечь к себе внимание могущественного главы студии "20th Century Fox". Не стеснялась ставить его в неловкое положение перед журналистами: "В каких фильмах вы планируете появиться на экране, мисс Монро?" — "Ах, об этом вам лучше спросить мистера Занука!"

Морис Золотов в своей биографии Монро рассказывает

историю, красивую и уморительно смешную одновременно.

Мэрилин, помня совет Хайда, охотно участвовала в фотосессиях, потому что фотографии в журналах помогали ей оставаться у публики на виду. Одна из таких сессий происходила в павильоне "20th Century Fox" и должна была изображать мисс Монро в домашней обстановке. Мэрилин эта идея показалась слишком пресной, и она — то ли экспромтом, то ли обдумав заранее — разыграла целый спектакль.

Вот "рецензия" на него в исполнении Золотова: "Мэрилин решила привнести в процесс нотку драматизма. Переодевшись в костюмерной, она медленно проплыла шесть кварталов до фотопавильона босиком, с развевающимися за спиной волосами, в прозрачном пеньюаре, сквозь который явственно просматривалось ее тело. Студийные курьеры, оседлав велосипеды, разносили по территории сенсационную новость. К тому времени как съемки закончились и она вышла наружу, на улицах толпились работники студии, приветствовавшие ее аплодисментами. На следующий день молва об эксцентричной выходке обошла местные газеты. О Мэрилин заговорил весь Голливуд".

Усилия актрисы не прошли незамеченными — Дэррил Занук велел подчиненным найти ей в первой же подходящей картине… роль сексапильной блондинки. Ничего нового. Этой картиной оказалась очередная бездарная и пустая комедия "Любовное гнездышко", где Монро сыграла симпатичную соседку главных героев. Зрители и критики, как это бывало уже не раз, сумели досмотреть фильм до конца лишь благодаря присутствию в нем Мэрилин.

Не только Дэррил Занук, но и сама Мэрилин не считала себя настоящей актрисой. Что бы с ней ни происходило, она не прекращала упорных занятий с Наташей Лайтес. Осенью 1951 года Монро начала брать уроки драматического мастерства у Михаила Чехова — русского актера, бывшего МХАТовца, одного из лучших театральных педагогов всех времен.

Мэрилин вздрогнула, когда учитель, ничего не знавший об ее сложных душевных переживаниях, порекомендовал ей прочесть пьесу Артура Миллера "Смерть коммивояжера", а еще лучше посмотреть спектакль по ней. А однажды Чехов прочел ей вслух отрывок своей знаменитой впоследствии книги "О технике актерской игры", над которой тогда работал. В нем говорилось о "художниках такого масштаба, как Артур Миллер и Элиа Казан, и о магии их творчества, в котором присутствует как исконно американская, так и общечеловеческая трагедия"…

Михаил Чехов говорил Мэрилин, что можно научиться

выходить за пределы собственной натуры, познавая и упражняя свое тело.

"Наши тела могут быть нашими самыми лучшими друзьями или же злейшими врагами. Тебе следует попытаться трактовать свое тело как инструмент, выражающий творческие мысли. Ты должна стремиться к достижению полной гармонии между телом и психикой… Одни дискуссии по поводу персонажа, его сознательный и разумный всесторонний анализ не в состоянии дать желанного эффекта, который состоит в том, чтобы актер превратился в другого человека. Доверяясь только своему мыслящему разуму, ты останешься холодной и пассивной. Но если ты сумеешь создать "воображаемое тело", то твоя воля и чувства как бы сами пожелают вселиться в другую личность".

"Но что проку в самых искусных преподавателях, в самых упорных словах, в самых усердных занятиях, если все равно приходится играть одних только хорошеньких дурочек?" — могла бы спросить Монро у Чехова, не будь она исполнена почтения к нему…

Однако зрители, миллионы зрителей, для которых Мэрилин воплощала небывалое сочетание сияющей дивы и свойской милой девчонки с соседского двора, полюбили ее даже в фильмах-однодневках. На студию ежедневно приходили кипы адресованных Монро писем с восхищенными, часто неграмотными признаниями в любви и просьбами прислать фото.

К 1952 году сложилась парадоксальная ситуация — Мэрилин превращалась в самую знаменитую звезду Голливуда, почти не имея на счету крупных ролей.

Норман Мейлер охарактеризовал этот этап ее карьеры и жизни так: "И однако во всех этих экранных поделках, зачастую призванных выдвинуть на первый план других звезд, во всех сходящих с конвейера комедиях, вестернах, детективах, во всех второстепенных и эпизодических ролях, что, кажется, только и выпадают на ее долю, она остается едва ли не самой яркой и интригующей индивидуальностью. Еще не успевает завершиться этот серый, монотонный период, а ее имя — независимо от того, сколь длительно ее присутствие в кадре, — уже выносят в верхние строки вступительных титров. Итак, она состоялась. Состоялась, всплыла, родилась из океана удручающей заурядности, родилась из мутного потока целлулоида, который и язык не повернется назвать фильмами, родилась на пепелище старых картин. Она продолжает возрождаться из этого пепелища и сегодня, когда пересматриваешь эти картины. Продолжает заражать с экрана своей удивительной живостью, как правило, затемняя других исполнителей.

У нее больше энергии, больше юмора, больше готовности безоглядно отдаться роли и самому процессу игры. Да, она именно играет своих героинь, излучая ощущение счастья — счастья сниматься в кино! А кто не знает, сколь незаменимо такое излучение в любом непритязательном зрелище? Она — олицетворение магического обряда, творимого в священной обители кинематографа, но ее родная студия — последняя, до чьих сотрудников это доходит".

Сама же Монро в сердцах говорила своей сестре Бернис: "Как все нелегко! Даже не знаю, во скольких плохих фильмах актриса может сняться, прежде чем она просто станет известной… отвратительных фильмах!"

А покуда в личной жизни Мэрилин назревали радикальные изменения. В феврале или в начале марта 1952 года она познакомилась с культовым в США бейсболистом Джозефом Полом Ди Маджио, бывшим центральным принимающим нью-йоркской команды "Янки". Ему было 37, а ей 25, заря ее славы только занималась, а он недавно ушел из спорта из-за последствий "боевых" травм. Оба были уже один раз женаты и развелись. Они встретились, в общем-то, из-за недоразумения: Джо увидел в газете фото Мэрилин в полной бейсбольной форме, но с короткой юбочкой, и подумал, что наконец-то нашел хорошенькую девушку, что-то смыслящую в спорте, которому он посвятил всего себя.

Ди Маджио понятия не имел, кто такая Мэрилин Монро. Его просветил на этот счет общий знакомый. Этот человек и организовал свидание спортсмена с актрисой в итальянском ресторане на бульваре Сансет.

Дама заставила себя ждать два часа — а затем кавалер очень быстро убедился, что она тоже понятия не имеет, кто такой Джо Ди Маджио, да и вообще вряд ли отличит бейсбольную биту от клюшки для гольфа. Воцарилось молчание. Восходящей звезде кинематографа и заходящей звезде бейсбола не о чем было говорить друг с другом. Мэрилин разрядила напряженную атмосферу шуткой. В этот вечер Джо надел синий галстук в крупный белый горох, случайно повязав его так, что на узле, точно посредине, красовалась одна-единственная горошина. Кокетливо дотронувшись до нее пальцем, Мэрилин спросила, долго ли Ди Маджио добивался такого эффекта. Оба повеселели, но тем для беседы это особенно не прибавило. Мэрилин пыталась говорить о кино. Джо, приняв солидный отеческий тон (что импонировало его собеседнице), поучат ее: никому в Голливуде нельзя доверять (почти никого в Голливуде он и не знал, но этого его не смущало), все журналисты — прожженные жулики,

разумная девушка должна стараться побольше заработать и откладывать деньги на будущее…

Однако между Джо и Мэрилин на первой же встрече возникло сильное физическое притяжение, не зависящее от слов, и это решило дело.

"Меня саму удивило, что я так потеряла голову из-за Джо. Я ожидала встретить блестящего мужчину, каким вроде бы должен быть прославленный нью-йоркский спортсмен, а познакомилась со сдержанным джентльменом, который к тому же не начал с ходу добиваться меня. На протяжении двух недель мы почти ежедневно ужинали вдвоем. Джо относился ко мне, словно к существу исключительному. Он очень приличный человек и как-то умеет повести дело так, что и другие рядом с ним чувствуют себя такими же".

Есть и другая — а как же иначе! — версия истории знакомства Мэрилин и Джо. Норман Брокоу, племянник и подчиненный Джонни Хайда, в интервью Рэнди Тараборелли рассказывал, что бейсболист и актриса познакомились еще в 1950-м. Норман, в тот день сопровождавший Монро на деловую встречу и потом зашедший вместе с ней пообедать в ресторан, представил их друг другу. На следующее утро Джо позвонил Брокоу и попросил телефон Мэрилин. Но, по-видимому, так и не позвонил, поскольку то, что тесное общение Монро и Ди Маджио началось не раньше февраля 1952 года, сомнений ни у кого не вызывает.

Буквально через несколько дней после начала романа двух знаменитостей разразился громкий скандал из-за уже позабытой Мэрилин истории с фотосъемками в обнаженном виде для календаря. Монро позировала Тому Келли в 1949 году, календарь был выпущен в 1951-м, и, хотя тираж разошелся в считанные недели, мало кто мог узнать в модели еще далеко не столь известную актрису. Но иллюстрации из прошлогоднего календаря были, ввиду большого спроса на него, помещены и в новом, а теперь Мэрилин уже знал в лицо каждый подросток в Соединенных Штатах Америки. Право, удивительно, что весть доползла до прессы и студийного руководства только к марту.

Нравы Голливуда, безусловно, дозволяли куда большие вольности, чем целомудренные изображения нагой девичьей фигурки на фоне красного бархата. Но кинематографисты подчинялись принятому в 1930 году Кодексу Хейса, запрещавшему, среди прочего, показ обнаженного тела. Карьера Мэрилин в кино напоминала готовый вот-вот раскрыться диковинный цветок — и этому цветку грозило быть скошенным под самый корень мечом неумолимой морали. Вернее, ханжества,

еще более неумолимого.

В сущности, поведать об этом календаре журналистам и голливудским шишкам мог, опять же, любой подросток. Ведь календари висели на стенах не только в частных бунгало, но и в сотнях баров и аптек. Но Золотов в биографии Монро излагает прямо-таки детективный сюжет. Некто якобы начал шантажировать голливудского продюсера Джерри Уолда, только что завершившего работу над фильмом "Ночная схватка" с участием Монро, и требовать 10 000 долларов за молчание. Администрация "20th Century Fox" решила пойти ва-банк и опередить шантажиста: пусть мисс Монро сама публично и с негодованием опровергнет грязные слухи!

Мисс Монро, будучи вызванной администрацией на допрос (и куда подевалось равнодушие к ней начальства?), и не думала отпираться от "преступления". Однако ей строго-настрого приказали все отрицать в беседе с корреспонденткой "United Press" Эйлин Мосби, которой подкинули повод для интервью, спешно организовав "утечку информации".

Вполне возможно, никакого шантажиста и в помине не было, а информацию журналистка получила каким-то более простым способом.

Так или иначе, Мэрилин выкрутилась из щекотливой ситуации с блеском, обратив свой позор в триумф.

Встретившись с Мосби, она обезоружила ту своей фирменной улыбкой, робкой и победоносной одновременно, и сказала, что хочет кое в чем признаться — но не для печати, а как подружка подружке. Несколько лет назад она, Мэрилин, была растерянной девчонкой, никого не знавшей в Голливуде и никому не известной, она, от отчаяния и нужды, совершила ошибку: позволила приятелю сфотографировать ее голой. И на вырученные 50 долларов смогла заплатить за жилье и впервые за много дней наесться досыта. А сейчас Мэрилин в беде, ее грозят отлучить от кино и требуют, чтобы она соврала, а она совсем-совсем не умеет врать!

Конечно же, Эйлин все понимает. Ведь обе они — девушки, тяжелым трудом пробивающие себе дорогу в жестоком мире шоу-бизнеса. Может, Эйлин подскажет, как выбраться из передряги?..

Мэрилин Монро в 1950-е гг.

Не зря Наташа Лайтес говорила, что ее ученица обладает врожденным даром общаться с людьми, отлично знает, что, кому, когда и как нужно сказать.

"Подружка"-журналистка, разумеется, сделала из трогательного "секрета" Мэрилин сенсационный материал. И произошло простое американское чудо: грешница обернулась мученицей. Над участью хрупкого белокурого ангела, вынужденного разоблачиться ради куска хлеба, рыдали все добропорядочные домохозяйки. "Ночная схватка", вышедшая на экраны летом, имела бешеный кассовый успех. И уже в апреле администрация "20th Century Fox" поручила купить побольше экземпляров того самого календаря для раздачи прессе.

"За прошедшие с тех пор годы множество людей претендовало на роль человека, который "открыл" Мэрилин Монро.

Возможно, человек, который действительно заслужил згу честь, — парень, который дал ей пять долларов на такси и свою визитную карточку в тот день, когда у нее сломалась машина и она иначе не смогла бы добраться на пробы: Том Келли,

фотограф, который на самом деле открыл для мира Мэрилин Монро", — полагает Рэнди Тараборелли.

А она, если не считать стратегически важного интервью Эйлин Мосби, и не думала каяться или оправдываться: "Это действительно я в том календаре. Я не хочу оставаться известной только узкому кругу, мне хочется существовать для многих людей, подобных мне самой. Хочется, чтобы мужчина пришел домой! после тяжело отработанного долгого дня, посмотрел на эту фотографию — и ему захотелось бы воскликнуть: "Вот это да!""

Единственным человеком, которого в конечном итоге огорчила и возмутила эта история, был, похоже, Джо Ди Маджио. Ему вовсе не хотелось, чтобы изображения оголенных прелестей его новой подруги мог лапать всякий прыщавый клерк или пьяный ковбой. Однако высказывать свое неудовольствие слишком уж категорично Джо пока что не решался.

Сезон был урожайным на скандалы. Не успели уняться страсти вокруг фотографий, как газетные полосы вновь запестрели заголовками, в которых на все лады склонялось имя Монро. Выяснилось, что мать актрисы, Глэдис Бейкер, до сих пор жива, тогда как Мэрилин уже давно представлялась журналистам круглой сиротой. Некрасиво, что и говорить.

Началось все с того, что в апреле 1952-го умер Джон Стюарт Эли, тот самый прохвост-двоеженец, заморочивший голову некрепкой рассудком Глэдис. Он ухитрился насолить дочери своей "младшей" жены даже своей смертью. Потому что этот факт случайно навел газетчиков на вдову, в очередной раз выписанную из клиники и работавшую сиделкой в Игл-Рок. Кроме того, достоянием прессы стало письмо, отправленное Глэдис дочери:

"*Дорогая Мэрилин!*

Любимая моя деточка, напиши мне, пожалуйста. Меня здесь всё нервирует, и я хотела бы побыстрее выбраться отсюда. Я хотела бы, чтобы мое дитя любило меня, а не ненавидело.

Целую тебя.

Мама."

"Голливудская сиротка", непорочная даже в своей неотразимой соблазнительности, лгала, она "похоронила" собственную мать, которую, оказывается, много лет прятала по психушкам и даже не навещала!

Это американским домохозяйкам было проглотить труднее, чем пару фотографий в календаре.

Заявление для прессы, которое Мэрилин пришлось сделать на этот раз, составил для нее Сидней Сколски. В общих чертах оно было правдивым. В нем говорилось, что Глэдис Бейкер поместили

в больницу, когда ее дочь была еще маленькой, что девочка росла лишенной материнской ласки, но с тех пор, как стала взрослой, всегда помогала Глэдис материально и заботилась о том, чтоб ей как можно лучше жилось.

Нация простила свою любимицу вновь.

Действительное отношение Мэрилин к матери было, конечно же, очень сложным.

"Я знала, что на самом деле нас ничто не связывало, и знала, что в состоянии сделать для нее очень немногое. Мы были чужды друг другу. Наше совместное проживание в Лос-Анджелесе складывалось очень трудно, и даже она отдавала себе отчет в том, что ни одна из нас по сути не знает другую… Мне хочется просто позабыть обо всех тех несчастьях и страданиях, с которыми ей довелось столкнуться в ее жизни, а мне — в моей. Я пока не могу забыть об этом, но хочу попробовать. Когда я становлюсь Мэрилин Монро и не думаю про Норму Джин, мне это иногда удается".

Придет время — и бывшей Норме Джин отчаянно захочется сорвать с себя опротивевшую маску Мэрилин Монро. Но пока она, в душе все еще одинокий перепуганный ребенок, прячется от своих страхов — и от той, кто произвела ее вместе со всеми ее страхами на свет, — за кропотливо созданной сияющей личиной.

Доверенные люди Монро до конца ее жизни и даже после смерти пересылали для Глэдис Бейкер деньги и переписывались с ее лечащими врачами. Но видеть мать Мэрилин было тяжело.

Однако именно в 1952 году, въехав в очередную съемную квартиру, Мэрилин поставила в ней белый рояль — такой же, как тот, о котором мечтала Глэдис, гуляя с крошечной дочкой по Лос-Анджелесу, такой же, как тот, что недолго простоял в их недолго просуществовавшем общем доме… Мучительное, но все же отчего-то сладкое напоминание о несбывшемся счастливом детстве…

После инцидента с "воскрешением" матери Мэрилин Монро актрису начали осаждать самозванцы. Само по себе явление грустное, но в описании Сильвена Ренера оно выглядит даже забавным:

"В ту весну 1952 года все слои общества кишели мнимыми родителями Мэрилин Монро.

Психиатрические больницы Лос-Анджелеса были переполнены душевнобольными, выдававшими себя не за Наполеона, Линкольна или Аль Капоне, а за матерей, отцов, братьев и сестер популярных кинозвезд. Этой весной у сироты Нормы Джин Бейкер, известной под именем Мэрилин Монро, были на этих крошечных территориях за глухими заборами сотни

"матерей" и "отцов", "братьев" и "сестер", которые настойчиво звали ее, громко крича и испуская страшные стоны.

Она стала предметом мечты. Один напрашивается к ней в садовники, выращивать в ее саду сорт роз, еще никому не известный. Другой хочет подарить прирученную голубку с ее именем. Третий в обмен на встречу предлагает кинотеатр, который будет называться "Мэрилин Монро". В общем, она стала плюшевым мишкой, игрушкой для всех этих мужчин".

Зная о Мэрилин хотя бы то, что знаем о ней мы, — а знаем мы о ней на самом деле, скажем в который раз, не так уж много, — можно предположить, что нахлынувшая популярность и возбуждала, и пугала ее.

Тем не менее весной, летом и осенью 1952-го она делала все, чтобы упрочить эту популярность, напоминая о себе всеми возможными и невозможными способами.

Неожиданно для всех блестяще озвучила небольшую роль в радиоспектакле "Театра звезд Голливуда". Участвовала в радиопрограмме комика-чревовещателя Эдгара Бергена, развлекая слушателей вместе с двумя постоянными бергеновскими персонажами, Чарли Маккарти и Мортимером Снердом.

В учебном лагере морских пехотинцев военной базы Кэмп-Пендлтон спела на стадионе под открытым небом песенку "Сделай-ка это еще раз", чем привела публику в неистовство. Мэрилин интонировала и двигалась так чувственно, что было совершенно очевидно, к чему именно она призывает почти десять тысяч разгоряченных молодых людей. А она еще и подзадоривала их: "Не понимаю, ребята, почему вы сходите с ума по девушкам в кофточках в облипку? Зачем свистите нам вслед? Отними у нас эти кофточки — и что останется?!"

Она весело сознавалась журналистам, что не носит под платьем "ничего, ну совсем ничего", никаких там сковывающих движения трусиков-лифчиков-корсетов, — она хочет чувствовать себя свободной!

В начале 50-х, еще до того как хиппи устроили в США и Западной Европе грандиозную сексуальную революцию, такое признание было шокирующим. А короткие обтягивающие юбочки, джемперы и платья, в которых повсюду щеголяла Мэрилин, наглядно подтверждали, что под одеждой у актрисы действительно нет ничего, кроме нее самой.

В августе проходил парад в честь выборов "Мисс Америки". Мэрилин возглавляла его в наряде из черной развевающейся ткани, декольтированном до пояса. "Как люди на меня глазели! — восклицала она чуть позже с деланой наивностью. — Надо же, как

всем понравился мой значок церемониймейстера!" Фотографы искали точки повыше, чтобы заглянуть посредством объектива к актрисе в декольте. Когда снимки появились в печати, моралисты переполошились. Мэрилин отвечала им спокойно: платье, дескать, было скроено в расчете на уровень высоты человеческого глаза, а то, что какие-то охальники полезут со своими камерами на балконы, она предусмотреть не могла.

Дональд Спото резюмирует: "Итак, в 1952 году Мэрилин впервые возбудила интерес мировой общественности. Началось это со снимков в календаре, продолжилось известием о ее матери и завершалось связью с Джо; существенную роль сыграло и то, что на экранах почти тогда же появился не один, а целых пять ее кинофильмов ("Ночная схватка" в июне, "Мы не женаты" и "Входите без стука" — в июле, "Обезьяньи проделки" и "О.Генри: полный комплект" соответственно в сентябре и октябре)".

Расскажем вкратце о картинах, о которых идет речь.

Уже упоминавшаяся "Ночная схватка" известного режиссера Фрица Ланга и "Входите без стука" Роя Уорда Бейкера — драмы в жанре нуар. В первой Монро сыграла роль второго плана — девушку-простушку, подружку брата героини. А вот во второй сама стала героиней. Ее Нелл Форбс — душевнобольная молодая женщина, и эта роль для Мэрилин, с ее неустойчивой психикой, вечными страхами и тревогами, периодическими нервными срывами, вероятно, имела особое, личное значение.

"Мы не женаты!" и "Обезьяньи проделки" — "проходные" комедии из числа тех, которые так часто выпадали на долю Монро; два из множества фильмов, примечательных лишь ее участием.

"О. Генри: полный комплект" (в российском переводе — "Вождь краснокожих и другие") — киноальманах по рассказам американского классика, пять экранизаций, поставленных различными режиссерами. В этой интересной ленте, где закадровый текст читал писатель Джон Стейнбек, Мэрилин досталась крошечная роль проститутки в эпизоде "Фараон и хорал".

В 1952 году Мэрилин Монро снялась еще в одном фильме, вышедшем на экраны в 1953-м. "Ниагара" — "жестокая" мелодрама, в которой Монро предстает коварной изменницей, затевающей вместе со своим любовником убийство мужа, полубезумного ветерана корейской войны.

"Это не слишком хороший фильм, но он неотразимо безвкусен и противен… это единственное кино, в котором излучается вульгарный, сомнительный потенциал соблазнительной, инфантильной порочности Мэрилин Монро", —

писал еженедельник "The New Yorker". "Водопад и мисс Монро были показаны со всех возможных ракурсов. Больше нечего желать", — ехидничал, отдавая должное красоте актрисы, критик из газеты "The New York Times".

Джо Ди Маджио беспокоили не только "непристойные" выходки Мэрилин, но и стремительный взлет ее карьеры. Однажды он уже был женат на актрисе — и ничем хорошим это не кончилось. К тому же Джо был ревнив как истинный сицилиец. Ему не нравилось даже то, что перед матчами "Янки", которые он теперь комментировал в телетрансляциях, Мэрилин болтала с игроками, и эти привлекательные стройные юноши чересчур уж засматривались на нее. Как же он должен был реагировать, когда женщина, которую он уже считал своей невестой, вдруг стала объектом вожделения всех американцев мужского пола?

"Этот мужчина послан тебе за грехи", — язвительно говорила младшей подруге Наташа Лайтес. Джо вырос в католической семье со строгим патриархальным укладом, у его родителей было девять детей. Его мать, бабушки, сестры, жены братьев, тетки, племянницы сидели дома, стряпали, убирали, шили, обхаживали мужей и отпрысков. Такой порядок, по мнению Ди Маджио, был естественным, и ему полагалось оставаться нерушимым.

В июле 1952 года Джо познакомил Мэрилин со своими многочисленными родственниками. На семейном обеде он вел себя так, что всем стало ясно: его намерения насчет этой красивой блондинки как нельзя более серьезны.

Вскоре он сказал Мэрилин, что хотел бы, чтобы она ушла из кино. "Выйдет так, словно мы оба бросили играть".

Мэрилин вспоминала: "Мне не хотелось отказаться от карьеры, а Джо больше всего желал именно этого. Он хотел, чтобы я была красивой экс-актрисой, как он был великим экс-игроком. Нам предстояло вместе двигаться в направлении заходящего солнца. Но я еще не была готова к такому путешествию. Ради Бога, ведь мне еще не исполнилось тогда и тридцати!"

Тем не менее Мэрилин двигалась к браку с Ди Маджио. По сути, над ней нависла та же угроза, что и в юности, в навязанном ей браке с Джимом Догерти. Но Джо она, в отличие от Джима, любила. И, можно предположить, его собственнические замашки, вопреки своим устремлениям, любила тоже. Жажда независимости боролась в ней с желанием всецело принадлежать своему мужчине. Не считая отношения к ее работе, Ди Маджио был практически идеальным "эрзац-отцом".

Однако иные почитатели Монро верят, что осенью 1952-го она едва не свернула с пути.

Автор книги "Жизнь и загадочная смерть Мэрилин Монро" Роберт Слэтцер уверял, что в течение долгих лет был близким другом актрисы и в течение двух суток — ее вторым мужем. Познакомились Боб и Мэрилин, но данной версии, еще в 1946 году.

"Хорошенькая девушка с прекрасной, надо добавить, фигурой, вошла через вращающуюся дверь, и эта дверь толкнула ее в спину так, что она уронила свою большую папку. Не такую, какие сейчас носят фотомодели или актрисы — с застежкой или молнией, а древнюю — обвязанную бечевкой. Когда папка упала, фотографии рассыпались, а сама девушка чуть не сломала каблук, вырываясь из двери. Я сидел там и пришел на выручку, помог ей собрать снимки. Пока она ждала, когда ее примут, мы успели обменяться телефонами. Мы договорились пообедать вместе в старом голливудском отеле "Plaza". Вот так начались отношения, длившиеся целых 16 лет".

Юный репортер и юная фотомодель быстро стали любовниками и делили некоторое время кров и постель. Все последующие годы Мэрилин часто звонила Роберту, чтобы поведать ему о своих переживаниях. Летом и осенью 1952-го она, по словам Слэтцера, постоянно жаловалась ему на придирки и ревность Джо Ди Маджио. И однажды Боб, чтобы как-то утешить подружку, увез ее на увеселительную прогулку в Мексику. По дороге Мэрилин, то хохочущей, то рыдающей, взбрело в голову, что, выйдя замуж за верного и надежного приятеля, она положит конец своим страданиям.

Парочка поженилась 4 октября, в субботу, в мексиканском городке Тихуана, и уик-энд молодожены добросовестно праздновали событие, заказав в номер уйму бутылок шампанского — любимого напитка Мэрилин.

Утром в понедельник Монро и Слэтцер вернулись в Голливуд, а вечером актрису и ее новоиспеченного супруга вызвал "на ковер" Дэррил Занук. Босс был предельно циничен: "В эту девушку мы вложили миллион долларов. Когда люди, особенно мужчины, видят ее в газетах или в кино, они представляют себе женитьбу или, по крайней мере, свидание с ней. Поэтому мы не хотим, чтобы она выходила замуж. Я считаю, вы должны серьезно подумать о том, что сделали. Мы как раз собирались снова заключить с ней контракт, а теперь это становится проблематичным"

К этому времени Боб и Мэрилин успели протрезветь. Они и сами уже подумывали, что совершили ошибку. Поэтому спустя два дня вернулись в Тихуану и уговорили судью, еще не зарегистрировавшего свидетельство о браке, сжечь документ.

Учитывая, насколько неоднозначно Занук относился к Мэрилин, уже его присутствие в качестве персонажа этой истории делает ее весьма сомнительной. Тем более что те же резоны никак не помешали браку Мэрилин с Ди Маджио.

Спото, один из авторитетнейших биографов Монро, считает Роберта Слэтцера самозванцем, который был близок с Мэрилин только в собственном пылком воображении и вообще встречался с ней лишь однажды, когда, пробившись к актрисе сквозь толпу прочих поклонников, упросил ту сфотографироваться вместе с ним на фоне Ниагарского водопада.

Но после выхода книги Слэтцера нашлись очевидцы — истинные или мнимые, — подтвердившие, что Мэрилин и Боб действительно были мужем и женой целый уик-энд. Так, Энтони Саммерс общался с актером Кидом Чисселом, якобы наткнувшимся по случайности на Слэтцера и Монро в Тихуане. Когда Кид опомнился от удивления, его попросили быть свидетелем на бракосочетании.

"Я ответил: "Да"… А Мэрилин добавила, что будет чувствовать себя лучше, если перед бракосочетанием сходит в церковь. Мы отправились в католический храм. Других церквей там не было. Боб и я остались стоять у дверей, а Мэрилин, прикрыв голову свитером, зажгла у алтаря свечи. Когда она освободилась, мы пошли к юристу. Его жена протянула Мэрилин цветок, они заполнили бумаги, а юрист оформил их брак. Тогда мы пошли покупать Мэрилин мексиканские сандалии, потому что кто-то забрал ее туфли, которые она сняла перед юридической конторой".

"Если эту историю Чиссел придумал, то он хорошо заучил ее, — заключает Саммерс. — Его воспоминания в малейших деталях совпадают с тем, что говорит Слэтцер".

Саммерс писал также, что у Ди Маджио были и другие соперники. Один из них — голливудский актер и будущий продюсер Нико Минардос. В интервью Саммерсу Минардос сказал, что его роман с Мэрилин — она первая заметила пригожего юношу на съемочной площадке "20th Century Fox" и попросила приятеля познакомить их — начался весной 1952-го и длился около семи месяцев.

"В то время я был совсем молодым щенком, — говорил Нико, — а она была такой прелестной девушкой. Одной из самых красивых девушек, каких я когда-либо видел. Когда по утрам она просыпалась без грима, то была просто ослепительна. Она была умна — вернее, обладала больше природной сметливостью, чем глубоким интеллектом, — такое чувственное дитя, и в то же время грязная подстилка. Но все же я любил ее. Я был очень

молод". Ему едва сравнялось 20, и он недавно приехал из Афин. Мэрилин вскоре должно было исполниться 26.

По словам Минардоса, намерения Мэрилин были серьезны — пожалуй, куда серьезнее, чем его собственные. Она приводила его в гости к друзьям на семейные праздники и обращалась с Нико так, будто он был ее женихом. Она заговаривала о браке. Она заставила молодого человека позвонить его родителям в Афины и дать ей трубку. И ошарашила почтенную греческую чету признанием: "Я хочу родить от вашего сына ребенка".

Однако для Минардоса Мэрилин была уже слишком знаменитой, слишком много значила сама по себе, хотя и не была никогда ни самодостаточной, ни самоуверенной. Нико не хотел стать "мистером Монро". Это его жена должна была удовольствоваться ролью "миссис Минардос".

Несмотря ни на что, Рождество 1952 года Мэрилин отпраздновала вдвоем с Джо Ди Маджио — и затем говорила, что это было лучшее Рождество в ее жизни. Незадолго до этого актриса начала сниматься в картине "Джентльмены предпочитают блондинок". Том самом фильме, из которого все мы узнали, что бриллианты — лучшие друзья девушки.

Глава 8
"Я НЕ ХОЧУ ДО КОНЦА ДНЕЙ СВОИХ БЫТЬ ТОЛЬКО КОМЕДИЙНОЙ АКТРИСОЙ"

Фильм "Джентльмены предпочитают блондинок" стал переломной вехой в кинокарьере Мэрилин Монро. После него она уже бесспорно и бесповоротно стала главным сексуальным символом Америки.

"В последующие годы она будет выглядеть утонченнее, эффектнее, без сомнения, очаровательнее, чувствительнее, нежнее, в ней будет больше сложившейся женщины, меньше девчонки с улицы, — пишет Норман Мейлер, — но ни разу не доведется ей так напоминать спелый плод, что, падая с ветки, обрушивается на вас, грозя перенести в рай, опьянив медовой сладостью".

В "Джентльменах…" — музыкальной комедии, экранизации одноименного мюзикла, который, в свою очередь, был поставлен по одноименной книге Аниты Лус, — Мэрилин играла певицу Лорелею Ли, прагматичную красотку, мечтающую о браке по расчету. Ее подруга и коллега, пикантная брюнетка Дороти Шоу, наоборот, хочет выйти замуж по любви. На борту лайнера девушки плывут в Париж, где должна выступить их труппа. По дороге Лорелея соблазняет женатого миллионера "Пигги" Бикмана, не подозревая, что за ней следит, фотографируя каждый шаг, нанятый отцом ее жениха Гаса Эсмонда частный сыщик Эрни Мелоун. У Мелоуна с Дороти завязывается роман, но это не мешает ему передать снимки заказчику, который с удовольствием предъявляет сыну доказательства неверности невесты.

Бикман дарит Лорелее бриллиантовую тиару… принадлежащую его жене. А та, обнаружив пропажу, обвиняет Лорелею в краже. Певица готова вернуть подарок — но его кто-то похитил, уже на самом деле. Дороти решает выручить подругу и, надев светлый парик, отправляется вместо нее в суд. Ее не узнает никто, кроме влюбленного Эрни. Он не только отказывается от своих показаний, но и находит похищенную драгоценность.

Лорелея убеждает Эсмонда-старшего, что будет не так уж плохо, если она станет его невесткой. "Мне казалось, ты глуповата!" — говорит он. "Я умею пошевелить мозгами, когда нужно, но большинство мужчин этого не любят!" — парирует она.

Мэрилин Монро в фильме "Джентльмены предпочитают блондинок"

Фильм кончается хэппи-эндом: двойной свадьбой на палубе все того же лайнера.

Слабенькую в целом комедию Говарда Хоукса спас дуэт блондинки и брюнетки — Мэрилин Монро и Джейн Рассел. Коронной сценой и "визитной карточкой" картины стал вокально-танцевальный номер — та самая песенка о крепкой дружбе девушек и бриллиантов. Блондинка исполняла ее в компании нескольких десятков джентльменов в черных фраках, изящно перелетая с рук на руки. По словам звукооператора Лайонела Ньюмена, изначально планировалось записать вокал и музыкальное сопровождение по отдельности, но Мэрилин (ведь все же она была "стальной мимозой"!) настояла на том, чтобы петь вместе с оркестром. И результат удовлетворил ее только с одиннадцатого дубля. "Она четко знала, чего хотела, и была чертовски уверена в этом, — вспоминал Ньюмен, — но оркестранты ее обожали. Она всегда была милой, вежливой, не поддавалась сиюминутным настроениям и никогда не забывала поблагодарить всех, кто с ней работал".

Потом "Бриллианты — лучшие друзья девушки" тысячи раз транслировались в различных телепередачах и фильмах-концертах.

Однако "сиюминутным настроениям", приступам тоски и страха Мэрилин все-таки поддавалась. Бывало, даже Наташе

Лайтес не удавалось уговорить ее выйти из фургончика на съемочную площадку, и только Джейн Рассел могла успокоить напарницу и привести ее в рабочее состояние.

Блондинка и брюнетка подружились, как и их героини, и Джейн, бывшая пятью годами старше, трогательно опекала и поддерживала Мэрилин. И это несмотря на то, что поводов для взаимной зависти и неприязни у актрис было достаточно.

Рассел получила за участие в фильме 150 000 долларов, а Монро — около 15 000, в соответствии со своей тогдашней недельной ставкой 1250 долларов. (Другие источники указывают другие цифры, делающие неравенство еще более вопиющим, — 400 000 и 11 250 долларов.)

Джейн вовсе не была плохой актрисой, но Мэрилин однозначно затмевала ее в их дуэте. (Это лишний раз подтвердило вышедшее спустя два года продолжение "Джентльменов…" — также снятый по книге Аниты Лус фильм "Джентльмены женятся на брюнетках" с Расселл и Джинн Крейн в главных ролях. Оно не получило у зрителей и десятой доли успеха первой ленты.)

Впрочем, затмевала она всех актрис того времени, даже самых красивых, искусных и признанных.

"Хотя сама Мэрилин своим постоянным стремлением к достижению совершенства превзошла извечные американские мечты, одновременно она воплощала собой эти мечты, — анализирует Дональд Спото феномен триумфа Монро в то время. — Она была послевоенным идеалом послевоенной девушки — нежная и слабая, не скрывающая, что попала в беду, обожающая мужчин, наивная и жаждущая секса без предъявления каких-либо требований. Но в том, как она подавала себя подлинно чувственным созданием, присутствовала какая-то скрытая агрессия; из-за указанного специфического несоответствия ее сексуальное воздействие тем самым одновременно и отвечало культурным ожиданиям, свойственным 1953 году, и противилось им. Хотя она была женщиной впечатлительной и испуганной (и часто казалась таковой и на экране), ей были также присущи какая-то неуступчивость и независимость. И, пожалуй, наиболее тревожным и угрожающим для культуры оказывалось то, что замешательством, которое Мэрилин производила вокруг секса, она пробуждала к себе уважение. Дамы вроде Одри Хепбёрн и Грейс Келли получали премии Американской киноакадемии, а толпы поклонников бросались везде на Мэрилин, и тысячи зрителей не уставали бить в ладоши и выкрикивать здравицы в ее честь".

Воздушное розовое платье, в котором Мэрилин пела о

бриллиантах, — яркое пятно на фоне черных смокингов — было, как и все другие костюмы артистов из этой картины, произведением легендарного голливудского модельера Уильяма Травиллы. С Монро он познакомился еще в 1950-м. Первая же встреча произвела на него сильное впечатление.

"Впервые я ее увидел в черном купальном костюме. Она открыла раздвижные двери моей примерочной, с ее плеча свалилась бретелька, и я увидел обнаженную грудь. У нее была такая особенность — зная о своей красоте, она хотела себя показать. Некоторых людей это шокировало. Конечно же, она делала это умышленно. Она походила на ребенка и могла сделать что угодно, а вам ничего другого не оставалось, как простить ее, как бы вы простили маленькую девочку Она соединяла в себе женщину и дитя, ее обожали и мужчины, и женщины. Мужчина не знал, что делать с ней: то ли усадить на колени и приласкать, то ли заключить в объятия и завалить на спину… В своей жизни мне приходилось одевать многих женщин, но никогда мне не попадалась такая, как эта дама. Она была для меня двойственной личностью. Она не могла похвастать хорошим образованием, но имела яркий ум и чудачества ребенка. Она обладала чудесной способностью располагать к себе людей. Она приходила в офис, как другие люди, чтобы пожаловаться на что-то; но у Мэрилин глаза всегда были на мокром месте, в одном глазу блестела настоящая слезинка, а губы дрожали. Ах, эти губы! Сопротивляться этому мужчине не дано. Вам не хочется, чтобы этот ребенок плакат".

Мэрилин высоко ценила искусство Травиллы. Даря ему экземпляр скандального календаря с фотографиями Тома Келли, она сделала надпись: "Билли, дорогой, прошу тебя — одень меня навеки. Я люблю тебя. Мэрилин". Об этом календаре (правда, уже другом экземпляре) и Мэрилин Монро Травилла рассказывал забавную историю. Однажды в клубе "Тиффани", где он был в компании Мэрилин, Уильяму понадобилось в туалет. Дорога туда лежала мимо какой-то комнаты с приоткрытой дверью, через которую Травилла заметил висящее на стене творение Келли. Вернувшись в зал, сообщил об этом Мэрилин. Она заволновалась и захотела непременно посмотреть на календарь. Комната оказалась гримеркой певицы Билли Холидей. Та обрадовалась, решив, что Мэрилин зашла поздороваться с ней, но, узнав об истинной цели визита, страшно разозлилась.

"Перед нашими глазами промелькнул белый рукав со свешивавшимися с него бусами и темная кисть руки. Холидей сорвала со стены календарь, смяла его и швырнула в лицо Мэрилин, обозвав ее неприличным словом. Ошарашенные, мы

вернулись за столик. Менеджер хотел, чтобы мы остались и посмотрели шоу, но мы ушли".

По воспоминаниям Травиллы, на съемках "Джентльменов…" они с Монро вступили в интимную связь, длившуюся всего неделю — пока и жена художника, и Ди Маджио находились в отъезде.

"Я думаю, она хотела любить, но никого, кроме себя, не могла любить, — так потом отзывался Уильям о Мэрилин. — Она являла собой пример полного нарциссизма. Она обожала собственное лицо, ей все время хотелось улучшать его, вносить изменения в свой облик. Все, что она делала в этом направлении, она делала вовремя. Однажды она сказала мне: "Со своим лицом я могу творить все, что угодно. Так же, как ты можешь взять белую доску и, сделав что-то, создать картину". Существовал единственный способ завести ее. Сексуальный заряд она получала, когда смотрелась в зеркало и видела красивый рот, который она нарисовала с помощью пяти тонов губной помады, необходимых для нанесения правильных линий и точных теней, подчеркивающих губы, потому что ее настоящие были совершенно плоскими".

И все же, и все же…

"В этой девушке было такое, что нельзя не любить. Опаздывая на утреннее свидание, она могла позвонить в три и сказать, что уже в пути, и ты прождешь ее до семи. Она была единственной женщиной на всех моих знакомых, рядом с которой мужчина чувствовал себя высоким, красивым, обаятельным, благодаря немигающему взгляду ее глаз, заглядывающих вам прямо в душу. Вы, если она так решила, были королем вечера. С ней у вас возникало чувство, что вы у нее единственный, даже если это было не так".

Официальная премьера фильма "Джентльмены предпочитают блондинок" прошла 15 июля в Китайском театре Граумана. Том самом, возле которого расположена "Аллея славы", где маленькая Норма Джин некогда сравнивала свои руки и ноги с отпечатками, оставленными в цементе кинозвездами. Теперь там красовались и отпечатки Мэрилин Монро и Джейн Рассел. Блондинка и брюнетка, такие разные и такие красивые, увековечили свои следы незадолго до премьеры их общей работы. Надев по такому случаю похожие белые платья в горошек, они изогнулись перед фоторепортерами в не слишком удобных, но все же соблазнительных позах.

Джейн Рассел по праву гордилась прекрасной грудью, для которой режиссер, продюсер и инженер Говард Хьюз изобрел специальный бюстгальтер. И Мэрилин, хихикнув, посоветовала

подруге запечатлеть в цементе и свой бюст. Сама она предложила… сесть в цемент.

Частично была осуществлена только третья идея Монро. Она хотела, чтобы над буквой "i" в ее имени на "Аллее славы" сделали точку из бриллианта — в честь знаменитой отныне песенки. Из справедливых опасений, что долго драгоценному камню не продержаться, точку сделали из горного хрусталя. Правда, и его скоро стащили.

Сейчас снимок Монро вместе с Рассел на "Аллее славы" — одно из самых известных изображений кинозвезды.

18 июля начался показ фильма в кинотеатрах. Зрительский ажиотаж был неслыханным, колоссальным и выражался в столь же неслыханных суммах сборов.

Еще когда завершались съемки, зимой 1953 года журнал "Photoplay" присудил Монро премию "Самая быстро восходящая звезда". На вручение приза в ресторане отеля "Беверли-Хиллс" 9 февраля Мэрилин должна была прийти вместе с Джо Ди Маджио. Но стоило ему увидеть наряд, который актриса приготовила для церемонии…

Это было платье из золотой парчи, одно из тех, которые героиня Монро Лорелея Ли носила в "Джентльменах…". И оно даже нагляднее, чем обычная одежда Мэрилин, позволяло понять, что под ним нет никакого белья, и увидеть, как притягательно то, что под ним все-таки находится. Красота в этом случае потребовала жертв в буквальном смысле: с начала съемок Монро успела располнеть и, чтобы влезть в платье, прибегла, по словам Травиллы, к "орошению толстой кишки с помощью клизм, которые вытягивают воду из организма и настолько обезвоживают его, что в талии немедленно теряется несколько сантиметров". Она выполнила эту малоприятную процедуру дважды и в дальнейшем всегда вспоминала о ней, когда хотела срочно похудеть.

Джо не оценил ее усилий. Он рассвирепел. Влюбленные поссорились — не в первый, впрочем, и не в последний раз, и Ди Маджио уехал к родным в Сан-Франциско. В итоге на церемонию Мэрилин пришла под руку с Сиднеем Сколски.

Не одного Ди Маджио возмутил откровенный наряд Мэрилин. Присутствовавшая в ресторане киноактриса Джоан Кроуфорд резко высказалась по этому поводу в прессе. В юности Кроуфорд, известная тогда как Бетти Кэссин, отплясывала голышом чарльстон на столе в подпольном кабаке, снималась в порнофильмах и говорила, что "здоровая американская девушка просто создана для того, чтобы носить на себе как можно меньше тряпья".

Все это не помешало ей заявить журналистам: "Секс играет чрезвычайно важную роль в жизни каждого, люди интересуются им, он их будоражит. Но им не нравится, когда секс афишируют. Мисс Монро следовало бы знать, что публике импонирует соблазнительность женских форм, но ей также приятно сознавать, что под платьями актрис скрываются леди". Не забыла Джоан и о детях — чистых душах, которые якобы не любят Мэрилин, и о домохозяйках — почти настолько же чистых душах, которые, конечно же, не выберут фильм с Монро для семейного просмотра.

(Забавно, но есть сведения, что впоследствии у Мэрилин была лесбийская связь с обидчицей — стареющей уже Джоан. В 1982 году всплыла магнитофонная пленка, где Монро или женщина с очень похожим голосом рассказывает, среди прочего, и об этом.)

"В 1953 году, пожалуй, только в Америке проблема обтягивающего платья, которое носит молодая и красивая женщина, — иронизирует Спото, — могла попасть на первые полосы газет, породив неожиданную бурю в Южной Калифорнии, славящейся в целом умеренным климатом".

Мэрилин ответила на этот выпад демонстративно сдержанно и кротко. "Профессиональной сплетнице", хроникерше Луэлле Парсонс она пожаловалась, что упрек задел ее больше всего потому, что исходил от "бесконечно уважаемой" мисс Кроуфорд. "Я всегда восхищалась ею как замечательной матерью, ведь она взяла на воспитание четырех детей и подарила им чудесный дом. Кому, как не мне, знать, как много это значит для бедных сироток?"

(Джоан Кроуфорд умерла в 1977 году. Спустя всего полтора года одна из четырех "бедных сироток", Кристина Кроуфорд, выпустила бестселлер "Дорогая мамочка", где описала, как измывалась над ней "замечательная" приемная мать. В 1981-м вышла экранизация "Дорогой мамочки" с Фэй Данауэй в роли Джоан.)

Джо вернулся, они с Мэрилин помирились и заключили соглашение: она не будет огорчать его, появляясь на публике в слишком облегающих или открытых платьях, а он постарается быть к ней снисходительнее — а еще не грубить Наташе Лайтес. Взаимная неприязнь Ди Маджио и Лайтес стала к этому моменту такой сильной, что Мэрилин постоянно чувствовала себя между двух огней. Ни тот ни другая не упускали возможности выразить свои чувства, но Джо делал это более непосредственно. Например, мог снять трубку, когда Наташа звонила Мэрилин, и рявкнуть: "Если вам нужна мисс Монро — обращайтесь к ее агенту!"

В марте, всего через две-три недели после окончания съемок

"Джентльменов…", студия "20th Century Fox" приступила к работе над картиной "Как выйти замуж за миллионера". Мэрилин и здесь предстояло сыграть девушку, гонящуюся за богатым женихом. Но Лорелея Ли была жесткой хищницей, а Пола Де-бевуа — очаровательной близорукой растяпой, с милой улыбкой спотыкающейся о дверные косяки и неуверенной в себе. В этом фильме напарницами Монро стали Бетти Грейбл (еще недавно — "главная штатная блондинка" студии) и Лорен Бэколл.

Героини, три подружки, в складчину снимают роскошную квартиру в престижном районе и начинают охоту за миллионерами. Но те почему-то все время ускользают из силков, а кошельки охотниц все тают и тают. И в белокурую голову Полы закрадывается странная мысль: если не везет с деньгами, то, может быть, повезет с любовью?

Еще с кастинга сотрудники студии и пресса со злорадным нетерпением ждали стычки между Бетти Грейбл и Мэрилин Монро — потенциальным конкурентками. Но Бетти, которая была на десять лет старше, не стала оспаривать у Мэрилин звание блондинки номер один. Напротив, она проявила благородство и дружеское расположение (отчасти, возможно, и внушенные рекламным отделом "20th Century Fox"). Публично она выступила с заявлением для прессы: "Мэрилин — самое крупное явление в Голливуде за последние годы. Кинофильмы — дело нехитрое, их просто снимают и потом демонстрируют, и вдруг нате — просто откровение! Это Мэрилин. Да она же настоящее оружие в руках Голливуда!" В присутствии нескольких коллег — подмигнула "сопернице": "Я уже добилась всего, чего хотела, детка. Очередь за тобой!"

Успех ленты "Как выйти за миллионера" подтвердил статус Мэрилин Монро и как кинозвезды, и как секс-символа. Казалось бы, Мэрилин как никогда была близка к воплощению своих детских грез. Но к радости примешивалось разочарование.

Она годами, с ранней юности, почти с детства, скрупулезно лепила свой образ. Постоянно контролировала себя, постоянно училась тем вещам, о которых большинство людей даже не задумываются, — ходить, улыбаться, говорить. Она беспрестанно переделывала, совершенствовала свое лицо, прибавляя все новые и новые штрихи к тому, чему была обязана природе, наставлениям Глэдис и Грейс, искусству пластического хирурга. Гример Алан Снайдер, верный Уайти, вспоминал: "В области макияжа Мэрилин ведомы такие уловки, к которым никто никогда не прибегал и не скоро прибегнет. О некоторых на них она даже мне не рассказывает. Она сама их открыла. Скажем, глаза она подводит и тени накладывает так, как никто другой в

кино. Губы красит особой помадой, смешивая три разных опенка. Когда я вижу, как она, собираясь сыграть в любовной сцене, сначала красит губы помадой, а потом наводит на них блеск, сам схожу с ума от возбуждения. Кстати, у этого блеска тоже засекреченный состав: вазелин, воск…"

И вот теперь этот образ, стоивший ей стольких усилий, работал против нее. После нескольких лет тщетных стараний она взлетела вверх с головокружительной скоростью. Но маска Мэрилин Монро, когда-то надетая Нормой Джин Бейкер, начинала тяготить ее.

"Меня засовывали в фильм, не спрашивая согласия, и зачастую — против моей воли. У меня не было выбора. Разве это нормально? Я тяжело работаю, горжусь своей работой, и я такой же человек, как каждый из них. Если я буду держаться ролей того типа, какие мне предлагает Fox, то быстро надоем своим зрителям".

Кто такая Мэрилин Монро той поры? Исполнительница ролей прагматичных и ограниченных девиц. Такова воля администрации "20th Century Fox", которой Монро, к слову, приносила сказочные барыши. Такой Монро представляется и зрителям, любующимся ею, но, не задумываясь, отождествляющими с ее экранными героинями. (Впрочем, и в этом амплуа она не надоедала зрителям — тут Мэрилин либо ошибалась, либо кокетничала.)

Слава пришла, но Мэрилин не чувствует, что ее творческий потенциал раскрыт.

"Я действительно сгораю от желания делать нечто иное, — жаловалась она интервьюеру. — Отдавать роли себя всю, заманивать сексуальным очарованием, которое источает каждый миллиметр твоего тела, — все это дьявольски тяжело. Мне хотелось бы играть такие роли, как Джулия в "Хороните своих мертвецов", Гретхен в гетевском "Фаусте" или Тереза в "Колыбельной песне". Я не хочу до конца дней своих быть только комедийной актрисой".

Даже ранние роли — Анджелы Финлей в "Асфальтовых джунглях", Нелли Форбс в "Входите без стука" — дают основания предполагать, что Мэрилин Монро действительно обладала драматическим талантом.

Однако, к сожалению, еще одну грань ее одаренности недооценивала не только студийная администрация, но и сама Мэрилин. "Я не хочу до конца дней своих быть только комедийной актрисой", — между тем она, вероятно, могла бы стать одной из величайших комедийных актрис всех времен и народов.

Быть смешной и сексуальной одновременно — редкий дар, и у Мэрилин он, несомненно, имелся. Кстати, этим даром обладала и Джин Харлоу, кумир и несостоявшаяся "крестная" Монро. Сходство двух актрис, покойной и находящейся в расцвете сил, в ту пору особенно бросалось в глаза, отмечали его и журналисты.

Но даже в том ограниченном поле, в котором ей дозволялось действовать, Мэрилин была великолепна и неподражаема.

"Она живет в кадре даже тогда, когда ее в нем нет, — писал Мейлер. — Как в свое время она вторглась в зону фотоискусства, перехватив инициативу у профессиональных фотографов, так теперь она вторгается на территорию кинорежиссуры. Когда смотришь фильмы "Джентльмены предпочитают блондинок" и "Некоторые любят погорячее", а в несколько меньшей степени — "Зуд седьмого года", "Автобусную остановку" или "Неприкаянных", складывается впечатление, что именно она — не названный в титрах режиссер. Ее индивидуальность задает любой из картин тон и ритм не менее отчетливо, нежели, скажем, присутствие Ингмара Бергмана в каждом эпизоде снятых им лент. Но интонация Бергмана по крайней мере адекватна тональности материала, он живет химерами ночи и часом волка, все накопившиеся невысказанные горести Скандинавии всплывают на поверхность, чтобы напитать вампиров его души, он словно дух, материализующийся из зловещей атмосферы кино как такового. Она же всего-навсего веселенькая секс-бомба… молодая актриса, получающая от участия в картине несказанную радость (во всяком случае, так кажется)".

Роман Мэрилин с Джо Ди Маджио развивался весной — осенью 1953 года все так же неровно, как будто толчками.

Они надолго разлучались, потому что Джо часто находился в разъездах, а большую часть своей "оседлой" жизни проводил у себя в доме в Сан-Франциско, — и в разлуке скучали друг по другу. Мэрилин однажды во время съемок "Как выйти замуж за миллионера" призналась своей напарнице Лорен Бэколл, что хотела бы перенестись сейчас из Голливуда в какую-нибудь сан-францисскую итальянскую таверну, сидеть там за столиком напротив Джо и есть с ним спагетти.

Когда Джо и Мэрилин встречались, все повторялось по кругу: он ревновал и требовал, чтобы она покончила с карьерой, она плакала и выходила из себя, они ссорились.

Ли Маджио

Летом 1953-го "20th Century Fox" приступила к производству картины "Река, не текущая вспять". Мэрилин отправилась в Канаду — большая часть фильма, смеси классического вестерна с мелодрамой, снималась на фоне Скалистых гор. Действие разворачивается в конце XIX века. Монро играет Кей Уэстон, певицу из салуна в горняцком лагере. Кей и ее мужа, непутевого игрока Гарри (его сыграл Рори Колхаун) спасает, когда они тонут в реке, "хороший парень" — недавно освободившийся из тюрьмы Мэтт Колдер (Роберт Митчем). Но Гарри вместо благодарности крадет лошадь своего спасителя и удирает восвояси, бросая жену с Мэттом и его маленьким сыном Марком (Томми Реттиг). Вскоре на ранчо, принадлежащее Колдеру, нападают индейцы. Чудом уцелевшая троица сооружает плот и переправляется на нем по все той же реке. За время испытаний Кей убеждается, насколько "хороший парень"

Мэтт лучше и душевно чище ее жуликоватого и безответственного муженька.

Несколько позже Мэтт, Кей и Марк приезжают в город, где сталкиваются с Гарри. Мужчины выясняют отношения. Защищая отца, малыш Марк стреляет в Гарри из револьвера. Овдовевшая Кей снова нанимается в салун. В один прекрасный день ее увозит оттуда Мэтт Колдер.

Интересно, что Роберт Митчем, партнер Мэрилин по сюжету, был ее давним знакомым. До того как стать актером, он работал на заводе вместе с Джеймсом Догерти.

Фильм ставил австрийский режиссер Отто Преминджер, властностью не уступавший самому Дэррилу Зануку. Он заставлял актеров сниматься в опасных сценах, не прибегая к помощи каскадеров, к тому же делал множество дублей. И тут Мэрилин повела себя очень мужественно, чего никто от нее не ожидал. Нет, она, конечно, не перестала опаздывать на съемочную площадку, зато не ныла и не уклонялась от работы ни тогда, когда ей приказывали встать на плот, стремительно несущийся по бурлящей горной реке, ни тогда, когда плот наскочил на порог и актрису едва успели выручить сотрудники, подоспевшие на спасательной лодке, ни тогда, когда на нее вылили несколько ведер ледяной воды, ни даже тогда, когда вывихнула лодыжку. На ноги ее, в буквальном смысле слова, поставил врач, приехавший вместе с кинувшимся на выручку Ди Маджио. Злые языки, правда, поговаривали, что все было наоборот: капризная актриса симулировала травму, чтобы привлечь к себе внимание и досадить деспотичному Преминджеру (который в лицо называл ее бездарью), а заодно и голливудским боссам.

Сам фильм, как и большинство картин с Монро, отнюдь не был шедевром, и Мэрилин спасла чересчур самодовольного режиссера от провала так же, как отважный ковбой спас ее героиню Кей. Хоть как-то примириться с участием в очередной однодневке актрисе помогли четыре песни, которые она там спела. Они понравились Мэрилин еще до съемок: продюсер Стенли Рубин прислал ей пленку с записями.

Осенью Мэрилин ждала встреча с прошлым. В Лос-Анджелес приехал ее старый знакомец, фотограф Милтон Грин. Он недавно женился, и бывшие любовники стали друзьями.

Для журнала "Look", который издавал их общий с Мэрилин приятель Руперт Аллан, Грин сделал прекрасную фотосессию Монро в разных образах, позах и нарядах (или почти без оных). Когда снимки были опубликованы, Мэрилин так расчувствовалась, что прислала Грину букет из двенадцати роз. В дальнейшем она еще не раз позировала Милтону, но этим их сотрудничество не ограничилось.

Монро посетовала Грину на сложное, безвыходное, как ей казалось, положение, в котором очутилась. Ее связали по рукам и ногам кабальным контрактом, ее вынуждают играть неинтересные роли ("все одинаковые — это тупоголовые сексуальные блондинки") в пустых фильмах. Это утомляет ее, делает ее

больной. Вдобавок ей платят сущие гроши!

Мэрилин, всегда повторявшая, что работает ради искусства, а не ради денег, не кривила душой. Она действительно была на редкость непрактична, даже безрассудна во всем, что касалось материальной стороны жизни. Но несправедливость студийных боссов была настолько вопиющей, что начала задевать и ее. Хотя на ворчания Ди Маджио по этому поводу она прежде обращала мало внимания.

Выслушав Мэрилин, Милтон выдвинул идею, на первый взгляд поражавшую смелостью. Почему бы им вдвоем не создать собственную продюсерскую кинокомпанию? Они могли бы снимать фильмы, какие захотят, сами выбирать режиссеров, сценаристов и актеров — и сами получать основную долю прибыли от проката. В конце концов, подобные компании уже есть у некоторых кинозвезд, например Кирка Дугласа и Берта Ланкастера…

Мэрилин недолго обдумывала предложение. Они с Милтоном немедля начали переговоры с адвокатами и прочими деловыми людьми. И хотя план был еще в зародыше, он вдохновил Монро на открытый конфликт с "20th Century Fox".

В это время ей как раз хотели навязать роль очередной "тупой блондинки" в фильме, одно название которого — "Розовые колготки" — вызвало у нее отторжение. Мэрилин потребовала, чтобы ей дали ознакомиться со сценарием. В этом ей было отказано. В партнеры ей назначили Фрэнка Синатру (не пройдет и двух лет, как Мэрилин и Фрэнк крепко подружатся, но тогда между ними существовало только шапочное знакомство). Известие, что Синатра получит за фильм в несколько раз больше, чем она, усилило раздражение Мэрилин. Она наотрез отказалась сниматься. Ее попытались припугнуть, напомнив условия контракта. В ответ Мэрилин устроила демарш. 15 декабря, в день, на который был намечен старт съемок "Розовых колготок", она просто-напросто не пришла в студию. Режиссер, операторы, актеры, гримеры несколько часов слонялись без дела, зная обыкновение Монро опаздывать…

На гневные звонки Мэрилин не отвечала. А вечером 23 декабря она улетела в Сан-Франциско, чтобы провести Рождество и Новый год с Джо и его родными.

Четыре дня из "каникул" она работала над первой своей биографией. Неоднократно упоминавшийся здесь голливудский сценарист Бен Хехт интервьюировал Монро и делал записи. На основе этих материалов и была создана нашумевшая после выхода и вызывающая споры до сих пор книга "Моя история". Как мы уже говорили, до сих пор непонятно, что в этой книге

подлинные высказывания Мэрилин, а что принадлежит бойкому перу Хехта. К тому же соавторы никак не могли договориться, что стоит включать в окончательный вариант, а что нет, поэтому "Моя история" вышла только после смерти и Монро, и Хехта, в 1971 году, подвергшись по дороге еще нескольким редактурам уже третьими лицами. Отзывы о "Моей истории" критиков, биографов Монро, ее близких очень разноречивы. Сестра Мэрилин Бернис Миракл в сердцах назвала книгу "недоношенной".

Почти все остальное время, помимо работы с Хехтом, Мэрилин посвятила общению с Джо, его родственниками и друзьями. На эти праздничные недели она как будто превратилась в ту, кем и хотел ее видеть Ди Маджио, — образцовую женушку, украшение патриархальной семьи. Мэрилин сдружилась с сестрой Джо Мэри, и молодые женщины, весело щебеча, хлопотали по хозяйству. Кинозвезда мыла посуду, подметала пол, помогала печь пироги и однажды порадовала членов клана Ди Маджио вкусным завтраком собственного приготовления. Джо был на седьмом небе от счастья. Они с Мэрилин подолгу гуляли, ходили на рыбалку. Ему казалось, что так будет всегда, что его ветреная подруга наконец образумилась и поняла, в чем ее истинное предназначение. О чем думала она? Неизвестно. Семья Ди Маджио тогда носила траур по недавно погибшему брату Джо. Суровый бейсболист так переживал из-за смерти близкого человека, что Мэрилин, чисто по-женски, прониклась к нему состраданием и нежностью.

Не исключено и то, что на какое-то время она тоже поверила в возможность новой, идиллически-спокойной жизни. Показателен, однако, разговор, который состоялся у нее на несколько месяцев раньше с Робертом Митчемом. Актер вспоминал, что по дороге на съемки "Реки, не текущей вспять" привлек внимание партнерши к пейзажу за окном поезда: "Мэрилин, вот перед тобой главный хребет канадских Скалистых гор. Если ты на самом деле любишь Джо, бросай кино. Вы можете вместе перебраться сюда, построить себе красивый дом, обустроиться, завести детей". Мэрилин с ласковой и грустной улыбкой ответила: "Видишь ли, я это все прекрасно понимаю, но не могу этого сделать, просто не могу…"

Но, так или иначе, после почти двух лет бурных ссор и примирений Мэрилин Монро и Джо Ди Маджио решили пожениться.

Брак Джо и Мэрилин отнюдь не был всего лишь союзом в рекламных целях, как это пытались представить тогда некоторые журналисты, а позже — иные биографы. Однако идиллия — идиллией, а о публике тоже следовало подумать. Свадьба двух

знаменитостей не могла остаться их частным делом. Тем более что молва и газетчики успели уже десятки раз "поженить" бывшего бейсболиста и кинозвезду, и каждый раз им приходилось отбиваться от расспросов шаблонным "Мы просто друзья!".

Мэрилин позвонила сотрудникам "20th Century Fox", сообщила им, что выходит замуж, и назвала время и место предстоящего бракосочетания. Она попросила сохранить новость в тайне, но, разумеется, отлично понимала, что просьбу и не подумают выполнить.

Отношения актрисы с "родной" студией стали к тому моменту еще более напряженными. Яблоко раздора, злополучный сценарий "Розовых колготок", все-таки прислали Монро в Сан-Франциско, но это только утвердило ее в нежелании сниматься в картине.

"Я прочла сценарий, и он мне не понравился. Эта роль для меня не подходит. Вот и всё. Разумеется, я хотела бы зарабатывать больше, но еще выше моя заинтересованность в обретении хорошего сценария, чтобы я могла сделать хороший фильм".

"Не могу поверить, что она до такой степени сошла с ума, — с деланым холодным недоумением среагировал на это Дэррил Занук. — У нас запланировано производство кинокартины за два миллиона двести тысяч долларов; нам понравился сценарий, и мы вообще не обязаны были отсылать его актрисе. Этот фильм задуман и предназначен специально для нее".

"Розовые колготки" были запущены в производство, несмотря на все протесты и выходки Мэрилин, но она снова проигнорировала приказы и не прилетела из Сан-Франциско, чтобы явиться на съемочную площадку. Студии пришлось срочно проводить новый кастинг. Занук распорядился приостановить контракт с бунтаркой и, соответственно, прекратить выплату ей жалованья. Но упускать такой прекрасный информационный повод, как свадьба Мэрилин с Ди Маджио, глава "Fox" и сотрудники рекламного отдела, конечно, не собирались.

Поэтому 14 января 1954 года возле здания муниципалитета, где должна была состояться гражданская церемония, жениха с невестой поджидала толпа репортеров. Но в зал пустили только одного или двух.

Невеста не отказала себе в невинном, в общем-то, кокетстве и при заполнении бумаг убавила себе на пару лет возраст.

Все прошло очень быстро. Мэрилин в элегантном неброском костюме в воротником из меха горностая пообещала любить, уважать и утешать Джо, но не обещала слушаться его. Когда они уже стали мужем и женой, она спросила, будет ли Джо, когда она

умрет, класть цветы на ее могилу каждую неделю, как это делает актер Уильям Пауэлл для своей покойной возлюбленной Джин Харлоу. Джо вздрогнул… но заверил, что, если переживет Мэрилин, непременно выполнит ее желание.

Репортеры жадно накинулись на Монро и Ди Маджио на выходе. На их вопросы Мэрилин отвечала, что хотела бы родить шестерых детей, Джо сказал, что с него хватит и одного. Неожиданно Мэрилин заявила, что намерена продолжать сниматься в кино. Джо посмотрел на нее с изумлением, обидой, гневом. И жена поспешила добавить: "Но, конечно, я хочу быть еще и хозяйкой дома".

Молодые отправились в Пасо-Роблес, приморский городок, расположенный примерно на середине пути между Сан-Франциско и Лос-Анджелесом. Джо беспокоило, достанется ли им в отеле номер с телевизором. Хозяин отеля расслышал обращенную к Мэрилин фразу Ди Маджио: ""Пам надо забыть о том, что мы оставили позади".

Для Мэрилин Монро в который раз началась "новая жизнь".

Глава 9
"ДРУЖБА С СЕКСУАЛЬНЫМИ ПРИВИЛЕГИЯМИ"

Студии "20th Century Fox", конечно, не хотелось так легко отказываться от Мэрилин Монро — возможно, самой прибыльной актрисе за всю историю Голливуда. Строптивице дали шанс одуматься. Ей предложили все-таки прибыть на съемки "Розовых колготок" 20 января. Мэрилин пренебрегла и этим предложением. Телефонные переговоры велись между Лос-Анджелесом и мотелем в окрестностях Палм-Спрингса, куда новоиспеченная чета Ди Маджио — Монро двинулась после Пасо-Роблеса.

Молодожен был по-прежнему крайне озабочен тем, сумеет ли с должным комфортом просматривать телепередачи, и в мотеле потребовал другой номер, когда увидел мутное изображение на экране телевизора в номере, предоставленном им с Мэрилин изначально.

В дальнейшем любовь Джо к телевидению станет, как ни странно, серьезной помехой для супружеской любви. И даже будет упомянута в показаниях Мэрилин на бракоразводном процессе: "Вместо того, чтобы разговаривать со мной, он все время сидел, уткнувшись в телевизор".

Были, впрочем, вещи и пострашнее. Когда в конце января Монро и Ди Маджио улетали в Японию, молодая женщина прятала правую руку под норковой накидкой. Стоявшие вблизи разглядели, что большой палец на этой руке перевязан, и на него наложена шина. Кто-то из журналистов задал участливый вопрос.

Мэрилин явственно смутилась.

"Я ушиблась, — отвечала она. — Джо свидетель. Он даже слышал, как в пальце что-то хрустнуло".

Тревожный симптом. В версию о досадной случайности можно было бы и поверить, если бы друзья Мэрилин позднее не рассказывали, что вспыльчивый супруг часто потчевал ее тумаками и затрещинами. Это, в свою очередь, можно было бы списать на привычку Монро под настроение обзванивать всех своих знакомых подряд и жаловаться на горести подлинные и мнимые. Но синяки на руках и чересчур толстый слой грима под темными очками не объяснить желанием вызвать к себе сочувствие. Мэрилин, якобы ласково, называла мужа "мой забивала", и близкие знали, что это прозвище имеет отношение не только к бейсболу.

Путешествие в Японию было не столько продолжением медового месяца, сколько деловой поездкой. О'Доул по прозвищу Лефти ("Левша"), друг и бывший тренер Ди Маджио, уговорил его участвовать в показательных бейсбольных состязаниях в Токио. Лефти тоже только что женился, и в дорогу они отправились вчетвером.

С первой же остановки на Гавайях, в аэропорту Гонолулу, стало очевидно, насколько мировая популярность Мэрилин Монро превышает популярность ее мужа. Его попросту никто не замечал. Ни репортеры, ни публика, которая выражала восторг небезопасным для жизни актрисы образом. Сметая кордоны, на летное поле устремились сотни, тысячи гавайцев. Мэрилин едва не оттерли от спутников, хватали за руки, дергали за волосы, вырвав несколько прядей. Полиция еле отбила ее от почитателей. Перепуганной кинозвезде пообещали, что жители Токио будут вести себя прилично. Но и в столице Японии толпа поклонников окружила Монро прямо у трапа. Мэрилин и Джо метнулись обратно в салон самолета и сумели ускользнуть незамеченными через багажный люк. Однако возле отеля "Империал", где обе четы забронировали себе номера, их тоже поджидала толпа — воющая и бьющая стекла. Разогнать ее не смог полицейский отряд из двухсот человек. Токийцы требовали, чтобы Мэрилин помахала им рукой с балкона. В конце концов она все-таки вышла на балкон и полураздраженно, полушутливо сказала, что любит своих поклонников, но просит их угомониться, это уже перебор. Ведь, в конце концов, она не "какой-нибудь заезжий диктатор или что-то в этом роде".

На следующий после приезда день Мэрилин сидела рядом с мужем на устроенной в его честь пресс-конференции и с тревогой наблюдала, как каменело его лицо: все взгляды и все вопросы присутствующих были обращены исключительно к ней.

Поклонники же продолжали осаждать Монро, стоило ей показаться на улице, и Джо, отчасти из-за страха за жену, отчасти ревнуя к ее славе, строго-настрого запретил Мэрилин выходить без него из отеля.

Мэрилин была раздосадована. Она скучала, слоняясь по номеру или делая вид, что следит за ходом спортивного матча (к бейсболу Монро так и осталась равнодушной). Неудивительно, что приглашение командующего штаба американских войск на Дальнем Востоке генерала Халла выступить перед солдатами в Корее заставило ее оживиться. Джо не хотел ее отпускать, но не мог и удержать насильно. Сопровождать ее он тоже не пожелал. Компанию актрисе согласилась составить Джин О'Доул, жена Лефти.

Первое свое выступление Мэрилин начала прямо в небе. Пилота вертолета, который должен был доставить ее на базу дивизии морской пехоты, она попросила опуститься как можно более низко. А затем, высунувшись так, что двум летчикам пришлось держать ее за ноги, порхала над головами восхищенных пехотинцев, рассыпая воздушные поцелуи.

Через несколько лет она скажет: "Пожалуй, я не понимала, как действую на людей, пока не побывала в Корее".

Она вызвала у военнослужащих такой же ажиотаж, как почти двумя годами раньше — у их собратьев на базе Кэмп-Пендлтон. Только на этот раз восторженных зрителей было куда больше, и крики и свист звучали куда громче.

"Передо мною было семнадцать тысяч солдат, и все они орали и визжали, сколько было сил в легких. Я стояла, улыбаясь им. Начал падать снег. Но мне было так тепло, словно светило летнее солнце… Я всегда боялась публики — всякой публики. У меня сводило живот, кружилась голова и наверняка отказывал голос. Но, стоя под этим сыпавшимся на меня снежком прямо напротив вопящих солдат, я впервые в жизни ничего не боялась. Меня пронизывало только одно чувство — счастья".

А вот как описывает первый корейский концерт Мэрилин Норман Мейлер:

"Из темно-оливковых рубашки и узких брюк Мэрилин переоделась в столь же узкое фиолетовое платье с блестками и таким глубоким вырезом, что ее почти обнажен ная грудь оказалась прямо под леденящими порывами ветра. Ее фигура, под стать первой песне Мэрилин "Бриллианты — лучшие друзья девушки", переливалась кристалликами горного хрусталя и искусственных алмазов. Ее не слишком сильному голосу всегда помогали динамики… а сейчас в ее руках был самый обыкновенный микрофон. Не допев песни, она подошла к стоящему возле кулис солдату, выжидавшему момента ее сфотографировать… И мягко сняла крышку с объектива его камеры со словами: "Дорогой, ты забыл открыть его". Ряды собравшихся сотрясает овация. Сохранились кадры хроники, запечатлевшие ее дрожащей на морозном воздухе в пасмурный зимний день, с открытой грудью, распростертыми руками и разметавшимися во все стороны волосами. Она кокетничает, поводит плечами, как танцовщица в ночном клубе, заставляя слушателей стонать от возбуждения, она поет и дрожит, ей отчаянно не хватает голоса, однако ее не сравнишь ни с одной эстрадной певицей. "Готова поклясться, — скажет она, вспоминая это выступление, — я ничего не чувствовала, я только знала, что мне хорошо". Адепт хемингуэевского кредо, она убеждена: от чего

бы ни было хорошо, это хорошо".

Это состояние острого счастья, это "хорошо, от чего бы ни было хорошо" длилось четыре дня. Мэрилин перевозили от одной базы американских военнослужащих в Корее к другой, и в общей сложности ее увидели и услышали примерно сто тысяч человек. Чересчур уж откровенная, провокационная песенка "Сделай-ка это еще раз" на первом выступлении вызвала такую реакцию, что армейское начальство учтиво попросило Монро больше не повторять этот номер.

Только суровый устав не позволял офицерам, сержантам и рядовым носить гостью на руках в буквальном смысле слова. Они соревновались в галантности. Они, как мальчишки (а многие на них и вправду были еще почти мальчишками) соперничали за право принять Монро в столовой своего подразделения и прислуживать ей за трапезой. А она была мила, чутка, внимательна. И, насколько хватало времени, не жалела его, чтобы расспросить каждого своего собеседника о родителях, оставленной дома девушке, планах на будущее.

Прощаясь с американскими воинами в Корее, Мэрилин расплакалась. И сказала: "Это было лучшее, что когда-либо случалось со мной. Единственное, о чем я жалею, — это о том, что мне не довелось повидать других ребят, повидать вас всех. Приезжайте к нам в гости в Сан-Франциско! А сейчас я лечу обратно к самому важному в моей жизни — Джо. Я хочу наконец начать жить своей семьей. Семья превыше карьеры".

По возвращении в Японию она, то ли из-за корейской непогоды, то ли от перевозбуждения, немедля слегла с высокой температурой. И ухаживавшему за женой Джо (этого не отнять — он всегда, даже после развода, трогательно заботился о Мэрилин, стоило ей заболеть) приходилось выслушивать радостные монологи, прерываемые кашлем.

"Ах, Джо! Ручаюсь, ты никогда в жизни не слышал таких аплодисментов!" — "Ты в этом уверена?" — бурчал он и отворачивался. Как-никак, он считал звездой, пусть и бывшей, и себя тоже.

Мэрилин могла бы ничего и не рассказывать: ее выступления в Корее транслировались по телевидению, которому Джо, как это было везде и всегда, посвящал почти все свободное время. И то, что он увидел, ему не понравилось. Как не понравилось и то, что токийские газеты величали Монро "Достопочтенной Актрисой, Виляющей Ягодицами".

Вернувшись в Калифорнию, супруги жили то в Сан-Франциско (у Джо там был ресторан), то в Лос-Анджелесе.

Как и когда-то с Джимом Догерти, Мэрилин старательно, но

урывками пыталась исполнять, по всей видимости, абсолютно не подходящую ей роль домашней хозяйки. Стоило ей чуть-чуть ослабить контроль, стать самой собой — и раковина заполнялась грязной посудой, по полу раскидывалась сброшенная на ходу одежда, а крышки от тюбиков с зубной пастой оказывались под пастой. Мэрилин обожала есть в постели, а вместо салфеток использовала простыни.

Мэрилин Монро на военной базе. 1954 г.

Режиссер Билли Уайлдер, создатель, среди прочего, картин "Зуд седьмого года" и "некоторые любят погорячее", о которых речь пойдет чуть позже, не без умиления описывал заднее сиденье "кадиллака" Монро: "В кучу свалены блузки, брюки, платья, пояса, старые туфли, использованные авиабилеты, бывшие любовники, не знаю, что ещё. Словом, такого беспорядка и представить себе нельзя.

А сверху — целая пачка штрафных квитанций за нарушение правил уличного движения… Думаете, это ее волнует? Разве меня волнует, встанет ли завтра солнце?"

Собственно, так бывало и в детстве Нормы Джин — как только девочка освобождалась от строгого надзора Иды Болендер или приютских воспитательниц, она во мгновение ока превращалась в неряху.

Психическое и физическое состояние Мэрилин в этот период пугающе ухудшалось. Она полнела, сильно раздалась в бедрах и плечах. Незваные, но привычные гости — мучившие ее с ранних лет невротические страхи — приходили постоянно. Она уже не могла уснуть без таблеток и порошков — а ими ее охотно снабжал Сидней Сколски, друживший со Швебом, владельцем знаменитой аптеки, где любил посидеть и посплетничать голливудский люд. Джо Ди Маджио мрачно язвил в адрес Мэрилин и Сиднея (к которому, пусть и без оснований, ревновал жену, как и ко всем ее приятелям мужского пола), называя их "друзьями по таблеткам, а не по перу".

Джо вообще часто был мрачен. И просто потому, что тревожился за здоровье жены. И потому, что ему никак не удавалось отвлечь Мэрилин от карьеры (которую он полагал источником всех бед) и сделать из нее "примерную женушку".

"Подумайте, мне самому приходится чистить себе туфли!" — жаловался он завсегдатаям своего ресторана. И те сочувственно кивали головами, хотя и с трудом могли представить себе "Девушку Ммм" с сапожной щеткой в руках.

В Джо вскипала кровь его прадедов, сицилийских рыбаков, для которых "поучить" нерадивую жену кулаками было делом едва ли не обязательным.

Вдобавок он по-прежнему ревновал ее ко всем и каждому — и к людям, которые имели возможность общаться с ней, и к миллионам жадно заглядывавшихся на нее зрителей.

Джо пытался бороться с собой. Он писал в своем дневнике: "Никакой ревности, не забывай, насколько ты одинок и несчастен — особенно без нее". Не настолько уж, видимо, самоуверенным и примитивным был этот экс-спортсмен.

Она же — по крайней мере время от времени — пыталась быть кроткой, терпеливой, "домашней".

Но и самим супругам, и окружающим становилось все очевиднее: "звездный брак" обречен на скорый конец.

В перерывах между ссорами Мэрилин и Джо, так же как и некогда Норме Джин и Джиму, все чаще просто нечего было сказать друг другу.

Вскоре после возвращения из Японии она написала ему: "Я буду любить тебя до тех пор, пока бьется мое сердце. Я хочу, чтобы ты гордился мной как человеком, как своей женой и как матерью твоих детей (двух по крайней мере! Я так решила)".

Но примерно в это же время Мэрилин доверительно шепнула Сиднею Сколски, что собирается выйти замуж за Артура Миллера. Интеллигентный обходительный Миллер, видимо, вспоминался ей (и сильно выигрывал в ее глазах) по контрасту с грубоватым и простоватым Ди Маджио.

Мэрилин продолжала, где могла и откуда могла, набираться знаний — пусть и несколько наивно и хаотично. Она много читала, штудировала книги по психологии и искусству, посещала выставки.

Джо не разделял ее интересов. Однажды она подарила ему золотой медальон, на котором была выгравирована цитата из "Маленького принца" Сент-Экзюпери: ""По-настоящему можно видеть только сердцем. Суть вещей незрима для глаз". Муж принял подарок с раздраженным недоумением: "Что, черт побери, это значит?!"

Признание Мэрилин поразило Сколски. Ведь она едва успела разобрать чемоданы после свадебного путешествия! И прожужжала ему, Сиднею, уши, рассказывая, какой прекрасный парень Джо и как она счастлива с ним!

Мэрилин стояла на своем. Всё так, и все-таки она непременно выйдет замуж за Миллера. Это вопрос времени. Пусть Сидней подождет — и он сам увидит. Все увидят.

Не исключено, впрочем, что диалог был сочинен талантливым хроникером Сколски задним числом…

Это было, по словам Сиднея, в тот вечер, когда они возвращались из ресторана отеля "Беверли-Хиллс", где представители журнала "Photoplay" вручили Монро премию "Лучшая актриса 1953 года" — за фильмы "Джентльмены предпочитают блондинок" и "Как выйти замуж за миллионера".

Сколски снова сопровождал Мэрилин, потому что Джо не удосужился приехать из Сан-Франциско, отговорившись нелюбовью к "толпам и показной роскоши". На самом деле его бесила шумиха, которая поднималась вокруг его жены, где бы та ни появилась.

К концу марта 1954 года Мэрилин Монро и "20th Century Fox" пришли к компромиссу. Студия "простила" Мэрилин отказ сниматься в "Розовых колготках". За это Мэрилин должна была сыграть очередную "тупую блондинку" в мюзикле "Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес". Покладистость вознаграждалась обещанием главной роли в фильме "Зуд седьмого года".

Мэрилин выдвинула свои требования. По условиям семилетнего контракта Монро "Fox" оплачивала ее уроки у Наташи Лайтес. Теперь же студии пришлось раскошелиться еще и на оплату услуг хореографа Джона Коула (постановщика

танцевальных номеров в ленте "Джентльмены предпочитают блондинок") и преподавателя вокала Хола Шефера. В дальнейшем актриса выговорила право выбирать себе учителей и репетиторов для всех своих последующих картин.

Шефер оставил нам любопытное наблюдение о Мэрилин Монро: "Ее ощущение собственной ценности было слабо выраженным, но одновременно она была женщиной очень сложной, которая при всем том отлично знала, чего хочет добиться. Хотя ее и переполняли опасения, она начала по-настоящему свободно интерпретировать песни, которые исполняла. Я постоянно сопутствовал ей в студии звукозаписи. В процессе монтажа записанный материал менялся совсем немного, приходилось только вносить паузы и перебивки, а необходимость в повторной постсинхронизации возникала совсем редко. Она питала ко мне доверие, и мы стали довольно близки друг к другу. Меня предостерегали, чтобы я держался от нее подальше и не встречался с ней в частном порядке по неслужебным делам. Я был с ней мягок и деликатен, а это, пожалуй, многое для нее значило и приходилось ей по душе".

Мягкость и деликатность Хола действительно пришлись очень кстати — во время съемок, которые начались в конце мая, Мэрилин чувствовала себя очень плохо. Помимо неврозов ее мучил затяжной бронхит; она приходила на съемочную площадку не просто с огромным опозданием, как обычно, но еще и измотанной бессонными ночами (не спасали даже различные снадобья, к которым молодая женщина прибегала все чаще и чаще), очень быстро уставала. Молодой, красивый, галантный учитель пения проявлял к ней искреннее сочувствие, хотя и не давал ей поблажек: "Одно время она начала опаздывать на занятия, но я сказал, что со мной эти штучки не пройдут… Так я укрепил в ее глазах свою репутацию".

Хол не послушался предостережений: они с Мэрилин, и без того проводя вместе много времени по работе, общались и вечерами, "в частном порядке по неслужебным делам". Были ли эти "дела" плотской связью или лишь нежной дружбой, мы не можем сказать точно. Разумеется, о Мэрилин и Холе сплетничали; Джо, разумеется, бешено ревновал, но, столь же разумеется, ни то ни другое еще ни о чем не говорило.

"Смешно, что мистер Ди Маджио ревнует ко мне больше, чем к остальным людям, с которыми работает Мэрилин, — высказался однажды Шефер. — Это потрясающая девушка, прекрасно относящаяся ко всем нам. Меня очень смущают все эти пересуды".

Чуть позднее, в июле, этот сдержанный и спокойный молодой человек едва не покончил с собой, выпив "коктейль" из

стимуляторов, снотворных и жидкости для чистки пишущих машинок. Попытку самоубийства объясняли и тем, что Мэрилин якобы дала любовнику отставку, и тем, что Ди Маджио якобы запугал Шефера угрозами, но все это лишь догадки, доказать или опровергнуть которые, опять же, невозможно.

Музыкальная комедия "Нет лучше бизнеса, чем шоу-бизнес" рассказывала о судьбе большой семьи артистов, потомков ирландских эмигрантов Донахью (напомним, Монро и сама была потомком ирландских эмигрантов). Роль Виктории Хоффман, костюмерши, которая доказывает, что тоже способна выступать на сцене, вписали в сценарий в последний момент специально для Мэрилин Монро. А одну из главных ролей — Молли Донахью — играла Этель Мерман, бывшая напарница Монро по "Хористкам". Этель пела несравнимо лучше Мэрилин, что требовало от Шефера дополнительных усилий и дополнительного терпения, ведь Мэрилин страшно нервничала еще и по этому поводу.

У костюмерши-актрисы Виктории складывались с семейством Донахью — мамой, папой и троицей высокоталантливых отпрысков, мал-мала меньше, — непростые драматичные и местами комичные отношения, от конфронтации до симпатии.

В оценках фильма критики, историки кино и биографы Монро расходились и расходятся по сей день. Так, Тараборелли восхищался: "Сказать об этом кино можно, используя строчку из песни, под которую появляется название фильма, — "Здесь все прекрасно". Длина картины 117 минут, и в его составе 16 музыкальных номеров, по крайней мере половина из которых настолько потрясающе поставлена, что трудно вообразить что-нибудь сопоставимое даже сегодня, несмотря на достижения компьютерной графики".

Спото скептически хмурился: "…весь фильм окончательно затмили чрезмерные зрелищные эффекты, сверхизысканные наряды, а также малоуместные сцены, полные сентиментальной набожности, начиная от кратких проповедей на тему о пользе воздержания и кончая излияниями об артистах, которые становятся принцами".

Так или иначе, мюзикл имел в прокате успех — конечно, не в последнюю очередь благодаря участию в нем Монро.

После съемок очень откровенного, очень сексуального номера "Горячая волна", вызывавшего ярость Джо и нападки прессы ("На то, как мисс Монро крутится и извивается, нельзя смотреть без смущения"), Сидней Сколски познакомил Мэрилин с Полой и Сьюзен Страсберг — женой и дочерью нью-йоркского режиссера Ли Страсберга, ведущей фигуры знаменитой "Актерской студии". Монро сказала, что наслышана о Страсбергах и была бы

счастлива с ними сотрудничать. Пола ответила, что в Нью-Йорке Мэрилин всегда ждет теплый прием. В дальнейшем этим людям суждено будет стать очередной "эрзац-семьей" Мэрилин Монро, а Пола сделается ее наставницей и доверенным лицом, отстранив от актрисы Наташу Лайтес.

В Нью-Йорк Монро отправилась очень скоро, в августе, когда Билли Уайлдер приступил к работе над комедией "Зуд седьмого года" — киноадаптации одноименной пьесы Джорджа Аксельрода, с аншлагами шедшей на Бродвее.

По сюжету, женатый уже семь лет книгоиздатель Ричард Шерман (актер Том Юэлл, исполнявший эту роль и в бродвейском спектакле) отправляет супругу и сына на каникулы, а сам душными летними ночами грезит о прелестной белокурой соседке из квартиры сверху.

Соседку — охотно болтающую о том о сем с очарованным робким "женатиком" в его мечтах и мило недоумевающую, что же такого он в ней нашел, — конечно, играла Мэрилин.

Коронным номером этой картины стала сцена с развевающимся платьем. Кстати, не совсем белым, как мы привыкли думать из-за черно-белой фотографии, а цвета экрю — оттенка сливок или небеленого льна. Это платье с американской проймой и гофрированной юбкой, в которую были вшиты клинья из более светлой материи, как и остальные костюмы Монро для фильма, придумал и сшил Уильям Травилла.

Не так давно на русский язык была переведена книга Лиз Грегори "Sew Iconik. 10 легендарных платьев". Она, помимо экскурса в историю, содержит выкройки и подробные инструкций по шитью. Так что теперь каждая дама, дружащая с рукоделием, может при желании примерить на себя копию того самого платья Мэрилин Монро — или зеленого платья Киры Найтли из "Искупления", или вечернего наряда Кейт Уинслет из "Титаника"…

Вот яркое, почти гротескное описание съемок знаменитой сцены Норманом Мейлером: "В городе такая жара, что ей, судя по всему, приятно ощущать на бедрах дуновение свежего воздуха. Она отыгрывает этот эпизод с выражением невинной радости — рослая блондинка в белой юбке, похожей на раздутый вокруг талии парус… В эпоху Эйзенхауэра комический эффект всецело определяется тем, сколь откровенен намек на пылающую жаровню секса при сохранении респектабельного холодка невинности. "Ох, — с интонацией Бетти Буп откровенничает героиня фильма. — Я всегда держу трусики в морозильнике". А теперь попробуйте представить себе Джо Ди Маджио в тысячной толпе зевак, слетевшихся сюда со всех уголков Нью-Йорка

поглазеть на белые трусики и сногсшибательные бедра Мэрилин, обдуваемые мощной воздушной струей, вырывающейся из тоннеля подземки. Более непристойной сцены он и вообразить не мог. До него доносятся голоса нью-йоркских кобелей. Они изъясняются на жаргоне, замешанном на фекалиях, нечленораздельном гиканье и гастрономии: "Только посмотри на этот кусок мяса!" Не в силах дольше терпеть пытку, он хочет ретироваться…"

Назвать миниатюрную даже по меркам 50-х Мэрилин рослой, конечно, было со стороны Мейлера явным преувеличением, в самом что ни на есть буквальном смысле слова…

В действительности публичные съемки, устроенные в ночь на 15 сентября 1954 года на Легсингтон-авеню, носили исключительно рекламный характер. С самого начала создатели фильма условились, что эффектную сцену позже переснимут в павильоне. А толпа нью-йоркцев, ради которых и было устроено зрелище, ничего особенного под взлетевшим платьем (его поднимал не воздух, шедший из-под решетки метро, а мощный вентилятор) актрисы не разглядела и разглядеть не могла. Мэрилин мало того что изменила своей привычке обходиться без нижнего белья, но еще и натянула поверх обычных трусов скромные панталончики.

Однако собравшиеся легко домыслили все, чего не увидели. А Ди Маджио, который вообще не хотел сопровождать Мэрилин в Нью-Йорк, два часа (было сделано не меньше 15 дублей!) слушал, каменея от гнева, одобрительные возгласы и смотрел на вырисовывающийся в свете мощных софитов силуэт…

Позже, в гостинице, он избил Мэрилин — все еще дрожавшую от возбуждения и ночного холода. Встревоженной Наташе, которая услышала из соседнего номера шум и пришла узнать, что происходит, он проорал в лицо: "Убирайся! Не вмешивайся хоть раз не в свое дело!"

Тем же утром Джо улетел в Лос-Анджелес.

Через две недели, наняв лучшего голливудского адвоката Джерри Гизлера, Мэрилин подала на развод.

Еще спустя несколько месяцев, на великолепном приеме, устроенном в ее честь по случаю завершения съемок в ресторане "Романофф", она удостоилась комплиментов за свою игру и от автора пьесы Джорджа Аксельрода, и от — вот неожиданность! — самого Дэррила Занука. "Это благодаря Билли. Он потрясающий режиссер. Мне бы очень хотелось снова выступить в его картине, но он снимает сейчас историю про Чарльза Линдберга и почему-то ни за что не согласился, чтобы именно я сыграла Линдберга", — ответила Монро. Несомненно, из Мэрилин

получился бы очаровательный летчик Линдберг…

Уайлдер — Lucky Billy, Счастливчик Билли, как называли его в Голливуде, — тогда тоже считал возможность работать с Мэрилин редкостной удачей. Позднее он говорил: "Мэрилин выглядела на экране так, что казалось: достаточно протянуть руку, чтобы потрогать ее, словно перед вами было настоящее живое существо. Но это еще не всё. Монро инстинктивно знала, как истолковывать юмористический текст и как преподносить его специфическим для нее образом. Она никогда не бывала вульгарной в ролях, которые без нее вполне могли бы оказаться вульгарными, и когда человек видел ее перед собой в зале кинотеатра, ему становилось как-то приятно на душе. Короче говоря, она обладала такими достоинствами, которыми на экране не могла похвастать ни одна актриса, за исключением Греты Гарбо. Ни одна".

1 июня 1955-го зрителей, идущих на премьеру "Зуда седьмого года", встречало 52-футовое изображение Мэрилин Монро — в светлом платье, пустившемся в полет.

Судя по всему, браку Монро и Ди Маджио в любом случае оставалось жить недолго, и нью-йоркские события послужили лишь катализатором.

Мэрилин с грустью размышляла о неизбежности разрыва в предшествовавшие ему месяцы. И вспоминала о своем "мистическом двойнике" Джин Харлоу. Та тоже настрадалась, опрометчиво выйдя замуж за кинооператора Гарольда Россона, с которым не прожила и года.

"Я постоянно думала про Харлоу, раз за разом размышляя по поводу событий в ее жизни. Получалось так, словно меня навещали духи, и порой мне думалось, уж не я ли сама их провоцирую? Мне кажется, наши с ней души были похожими или что-то в этом роде, даже сама не знаю. И еще: я все время задумывалась, неужто и мне суждено умереть такой же молодой?"

Правда, тогда Мэрилин уже была старше, чем Джин на момент своей смерти.

Джо Ди Маджио после расставания с Мэрилин, которое вызвало не меньший фурор, чем их свадьба, говорил журналистам, что произошла ошибка, что Мэрилин, конечно же, "прозреет", что она "хорошая девушка — молодая и наивная", введенная в заблуждение "своими мнимыми друзьями".

А она решилась на откровенное признание: "Ему не нравились женщины, которых я играла, — он их считал потаскухами. Не знаю, какие мои картины он при этом имел в виду! Ему не нравились актеры, которые меня целовали, и не нравились мои костюмы. Словом, ему не нравилось все, что было

связано с моими фильмами, и еще он ненавидел всю мою одежду. Когда же я объясняла ему, что обязана так одеваться и что это часть моей работы, он посоветовал бросить такое занятие. Но неужели он не понимал, на ком женится, когда мы регистрировали брак? Честно говоря, наше супружество был своего рода сумасшедшей и трудной дружбой с сексуальными привилегиями. Позже я сообразила, что браки часто бывают именно такими".

Однако характеристика "дружба с сексуальными привилегиями" больше подходит к отношениям Мэрилин с Фрэнком Синатрой, начавшимся вскоре после ее развода.

Как и в случае почти со всеми остальными "неофициальными" романами Монро, реальность ее романа с Синатрой вызывает сомнения. Мы знаем о нем в основном из рассказов горничной и секретарши Мэрилин Лены Пепитоне, которая в соавторстве с Уильямом Стэдьемом и Морисом Хакимом выпустила в начале 70-х книгу "Секрет Мэрилин Монро". Лена, которая, в свою очередь, могла узнать об этом только из рассказов Монро, потому что начала работать на нее позднее, в 1957-м, писала, что несколько недель 1954 года Мэрилин и Фрэнк провели вдвоем в его доме. Но слова Пепитоне подтверждают и некоторые друзья Синатры.

Это была не любовь, а взаимное зализывание ран. Она, несмотря ни на что, все еще любила Джо. Он в очередной — и не в последний — раз разошелся с любимой женой, кинозвездой Авой Гарднер. Фрэнк и Мэрилин жались друг к другу, как напуганные дети, — и бесконечно тосковали по тем, с кем жить не могли "ни вместе, ни врозь".

Они не сразу стали любовниками, и то, что Синатра ухитрялся сохранять целомудрие бок о бок с главным секс-символом Америки, удивляло и даже забавляло его приятелей. Но однажды ранним утром Фрэнк застал обнаженную Мэрилин на кухне. Посасывая палец, она с серьезнейшим видом пыталась сделать трудный выбор между грейпфрутовым и апельсиновым соком — и выглядела при этом так невинно и в то же время соблазнительно, что Фрэнк не выдержал.

"Это было концом платонических отношений между ними, — говорил друг Синатры Джимми Уайтинг. — Он сказал мне, что взял ее тут же, в кухне, около закрытого холодильника. "Парень, — сказал он мне, — у меня никогда в жизни не было такого секса. Она — совершенно фантастическая женщина"".

Мэрилин, как мы помним, вообще обожала расхаживать голой по дому — эта деталь придает словам Пепитоне и Уайтинга правдоподобность. Фрэнка не всегда это трогало — иногда и

бесило. Особенно когда она сомнамбулой проплывала через комнату, полную его друзей. Как-то раз Мэрилин таким манером смешала мысли и спутала карты игрокам в покер, и Синатра при всех заорал на нее: "А ну убери отсюда свой жирный зад!"

Потом он пришел к заплаканной Мэрилин в спальню, попросил прощения, и они помирились.

Знакомые Синатры говорили, что он обращается с Мэрилин куда мягче, чем с любой другой из своих пассий. Синатра предпочитал сильных женщин и не терпел капризов. Мэрилин тоже не была слабой — но была нервной, ранимой, хрупкой. Фрэнк чувствовал это — и воспринимал звезду, желанную для миллионов блондинку как "милого ребенка", который нуждается в снисходительности.

Все это делает тем более удивительной скандальную выходку Фрэнка Синатры и Джо Ди Маджио в начале ноября. Еще в октябре, пока тянулось бракоразводное дело (если верить Пепитоне — как раз тогда, когда Мэрилин и Фрэнк жили вместе), Синатра с согласия Ди Маджио нанял частных детективов, которые должны были следить за Монро и Холом Шефером, по-прежнему продолжавшими общаться, и застукать их, если им придет в голову заняться любовью. Шефу детективов, по забавному совпадению — однофамильца первого мужа Мэрилин, Фрэнк сказал, что это нужно для того, чтобы Ди Маджио выиграл дело о разводе.

"Мы делали то, за что нам заплатили, — вспоминал Джо Догерти. — Мы следовали за Мэрилин Монро по всему этому проклятому городу, ожидая, когда она встретится с этим парнем. Она тоже знала, что мы у нее на хвосте, и это сильно нервировало ее, потому что она чуть не вмазала свой автомобиль в дерево, пытаясь оторваться от нас. В другой раз она рванула на красный свет и чуть не сбила какую-то старуху с полной сумкой, переходившую улицу. Когда она вышла из машины и начала извиняться, мы начали фотографировать издали, надеясь, по крайней мере, сделать хорошие снимки Мэрилин Монро, которые мы сможем продать позднее. Оглядываясь назад, я понимаю, что это был грязный бизнес. Мы запугали ее. Мы запугивали ее дома и на дороге. Не знаю, чем все это кончилось, но могу сказать, что мы не добыли ничего, что можно было бы использовать против нее".

Ф. Синатра

Трудно понять, чем руководствовался в своих действиях Синатра. Возможно, он, близкий друг Джо, запутался в своих чувствах и не мог решить, на чьей же он стороне. Возможно — если он действительно был любовником Мэрилин — хотел отвести подозрения Ди Маджио от собственной персоны. А возможно, поведение Синатры объяснялось тем, что он, хотя и не был страстно влюблен в Мэрилин, все-таки тоже слегка ревновал ее к Шеферу и другим гипотетическим соперникам.

27 октября суд вынес постановление о разводе Мэрилин Монро и Джозефа Пола Ди Маджио, но окончательно оно должно было вступить в силу только спустя год. Развод двух звезд, разумеется, стал таким же замечательным поводом для газетных публикаций и сплетен, как их свадьба. Многие иронизировали, не веря ни Мэрилин, назвавшей причиной крушения своего брака холодность и равнодушие Джо, ни Ди Маджио, обвинявшего жену в чрезмерной демонстрации своей сексуальности. Так, Рой Крафт, сотрудник "20th Century Fox", выразился весьма хлестко: "Когда они поженились, Мэрилин уже обладала соответствующей репутацией. Если строишь дом рядом с бойней, не стоит жаловаться на визг забиваемых свиней".

Вечером 5 ноября Фрэнк Синатра вместе с Джо и еще одним своим приятелем ужинали в итальянском ресторане. Этот приятель, Хэнк Соникола, впоследствии и сообщил, что в ресторан Синатре позвонил детектив: доложить, что Мэрилин Монро и Хол Шефер находятся вместе, в квартире ученицы Хода

Шейлы Стюарт.

Вчетвером, прихватив с собой и метрдотеля, компания ринулась по указанному адресу. Уже вшестером — с поджидавшими их детективами — они, выбив в дверь, ворвались в помещение с воплями: "Руки прочь от Мэрилин Монро!"

И осеклись, услышав женский крик и увидев сидящую на постели женщину, ничем не напоминавшую ни Мэрилин, ни Шейлу.

Они ошиблись дверью… Много лет спустя Хол Шефер признался, что действительно был тем вечером в том доме вместе с Мэрилин — только в другой квартире. Парочка успела под шумок уйти незамеченной через черный ход.

А Флоренс Котц, нечаянная жертва налета, четыре года судилась с Ди Маджио и Синатрой, но сумела взыскать с них всего 7500 долларов вместо запрошенных поначалу 200 тысяч.

За день до этого происшествия, 4 ноября, прошел тот самый прием в ресторане "Романофф". На него были приглашены 80 гостей, и среди них — Кларк Гейбл. Мэрилин наконец познакомилась с человеком, которого в детских грезах представляла себе своим отцом. Она танцевала с ним и чувствовала себя на седьмом небе от счастья.

Через два дня после нападения на Флоренс Котц Мэрилин попала в больницу из-за обострения мучивших ее постоянно "женских недомоганий". Об этом событии стоит упомянуть хотя бы потому, что доставил ее в приемное отделение… Джо Ди Маджио. Она простила ему (как и Синатре) безумную выходку со слежкой и взломом чужой квартиры. Она все еще не могла обойтись без Джо в трудную минуту. Они решили остаться друзьями, как и множество других разведенных супружеских пар. Но, в отличие от множества других пар, эта формулировка в их случае не была пустой фразой. Другом Джо действительно оказался гораздо лучшим, чем мужем…

Когда Мэрилин выписалась из больницы, они с Джо поужинали в том ресторане, где состоялось не так уж давно — не прошло и трех лет — их первое свидание. Их осаждали репортеры: неужели знаменитости собираются вновь воссоединиться? Мэрилин с подыгрывавшим ей Джо мило отшучивались и отнекивались. На предстоящее сорокалетие Монро подарила экс-супругу золотые часы, которые он долго и с удовольствием носил.

Конец осени — начало зимы были для Мэрилин Монро сложным во всех отношениях временем. Чтобы хоть как-то развеяться, она, неизменно сопровождаемая Сиднеем Сколски, бродила по ночным клубам Голливуда. Однажды она

разговорилась в таком заведении со знаменитой джазовой певицей Эллой Фицжеральд, и та пожаловалась, что ее агентов грубо отшили, когда они пытались договориться насчет ее выступлений. Мэрилин прежде никогда не задумывалась о том, что темнокожих артистов, среди которых было так много замечательных музыкантов и артистов, считают недостойными клубной сцены. Это возмутило ее до глубины души. И Монро сделала шаг, который, безусловно, делает ей честь.

Элла Фицджеральд рассказывала: "Я по-настоящему обязана Мэрилин Монро… это из-за нее я стала играть в "Mocambo", очень популярном ночном клубе 50-х годов. Она лично позвонила владельцу клуба и сказала ему, что хочет, чтобы я была немедленно принята, и если он сделает это, она брала бы передний столик (в этом клубе) каждую ночь. Она сказала ему, — и это была правда, из-за ее статуса суперзвезды, — что пресса будет сходить с ума. Хозяин ответил "да", и Мэрилин была там, за столиком, каждый вечер. Пресса пошла за борт. После этого мне никогда уже не приходилось играть в небольшом джаз-клубе. Она была необычной женщиной, немного впереди своего времени. И она об этом не знала".

Весь 1954 год Милтон Грин не покладая рук готовил почву для создания совместной с Монро независимой кинокомпании.

Его адвокатам удалось найти в контракте актрисы с "20th Century Fox" лазейку, которая могла бы позволить ей без особого ущерба для себя освободиться от семилетнего рабства.

Мэрилин чувствовала себя на пороге перемен. Она страшилась их, но все же предвкушала будущее, полное истинного творчества и свободы.

"Мне никогда не представился случай научиться чему бы то ни было в Голливуде, — говорила она чуть позже. — Мне навязали слишком быстрый темп работы. Меня гнали из одной картины в следующую. А если ты беспрерывно делаешь одно и то же, оно перестает быть для тебя интересным или поучительным. Я хотела постоянно развиваться как женщина и актриса, а в Голливуде никогда не спрашивали моего мнения. Мне только говорили, в котором часу я должна явиться на работу. Чувствую, что благодаря отъезду из Голливуда и прибытию в Нью-Йорк я в большей степени стану сама собой. В конце концов, если я не могу быть собой, то зачем мне вообще быть?"

Перед Рождеством 1954 года Милтон Грин увез Мэрилин из Лос-Анджелеса.

Глава 10
"ВОКРУГ НЕЕ ПОДЫХАЛО ТАИНСТВЕННОЕ ЗАРЕВО..."

"В 1955 году актриса навязала себе целый ряд ролей: продюсера, играющей и обучающейся актрисы, пациентки, подвергаемой психоанализу, — ролей, выражавших ее желание стать совершенно другим человеком, нежели "Мэрилин Монро", от которой она тогда едва не отреклась, — писал Дональд Спото. — Если бы это был всего лишь каприз или серия поверхностных "испытаний", на которые она потратила время — вместо того, чтобы основательно заняться работой, — то можно было бы легко навесить на нее ярлык незрелой, поглощенной исключительно собой и к тому же ленивой дилетантки — и многие именно так и поступили".

Но те, кто составили об актрисе такое мнение, были несправедливы к ней. Она искренне и всерьез стремилась к самосовершенствованию. Она целеустремленно искала себя. "Она поняла, что должна будет повернуть и войти в новый образ, — верно подметил режиссер Чарльз Касилло, — образ, который позволит ей стареть и продолжать профессионально расти, тем не менее оставаясь "Мэрилин"".

"Норма Джин-Мэрилин была достаточно честной и порядочной для признания в том, что она и не знает, и не чувствует себя хорошо, когда самоидентифицируется с той личностью, которую сама слабо понимает и которой она, в принципе, так и не стала, — это вновь слова Спото. — И вот молодая женщина на протяжении года разбиралась со знаменитой Монро, отдаваясь этому занятию со все большей заинтересованностью".

В нью-йоркском аэропорту "Ла Гуардиа" Эми Грин увидела своего мужа рука об руку с загадочной незнакомкой — брюнеткой в темных очках в пол-лица. Милтон, хохоча, представил жене спутницу: "Познакомься, это Зельда Зонк!"

Личиной Зельды Зонк, придуманной для того, чтобы Монро могла ускользнуть из Лос-Анджелеса не узнанной, актриса долго еще пользовалась, когда хотела избежать излишнего внимания.

Супруги и их гостья отправились в соседний со штатом Нью-Йорк Коннектикут. Там, в городке Уэстон, Грины не так давно купили старинную, постройки начала XVIII века, фермерскую усадьбу и приспособили ее под уютное и элегантное по-своему

жилище, отвечающее их нуждам. Конюшню превратили в гигантский салон, который украшал гигантский же камин. В доме было много комнат, в том числе предназначенных для гостей, имелась профессионально оборудованная фотостудия.

В этом райском уголке Монро вместе с Милтоном, Эми и их маленьким сынишкой Джошем (для которого сразу стала "тетей Мэрилин") отпраздновала Рождество.

В последующие два года Мэрилин будет подолгу жить в Уэстоне — гуляя по лесу, вплотную подступающему к ферме, играя с Джошем и строя с Милтоном все новые и новые планы.

В одном из интервью она назовет Гринов "единственной настоящей семьей" из всех, что она знала. Впрочем, так или примерно так она отзывалась практически обо всех людях, которые на какое-то время становились ее "эрзац-родственниками".

Но основной резиденцией Монро стал снятый Милтоном в Нью-Йорке гостиничный номер, сперва в отеле сети "Gladstone", затем в куда более фешенебельном "The Towers of the Waldorf Astoria".

Ведь актриса уехала из Голливуда не для того, чтобы отдыхать, а для того, чтобы изменить свою судьбу.

Покинув Лос-Анджелес, она исчезла из поля зрения не только боссов "20th Century Fox", но и близких ей людей. Словом, убежала от всех, как и хотела. И, поскольку о ее дружбе с Милтоном Грином были осведомлены все, телефон в Уэстоне разрывался от звонков. Звонили студийные агенты. Звонила Наташа Лайтес, не подозревавшая, что вскоре ее ждет тяжелый удар. Звонил режиссер Билли Уайлдер. Звонил обеспокоенный Фрэнк Синатра, все еще находившийся в Лос-Анджелесе. Не знают ли случайно Грины, куда, черт побери, подевалась Мэрилин?

Хозяева и гостья от души развлекались, совершенно не мучаясь угрызениями совести. На звонки обычно отвечала Эми. "Ах, Мэрилин пропала? Как же так?!" — переспрашивала она безукоризненно вежливым голоском. А "пропажа" в это время валялась рядом с ней на ковре, зажимая себе рот рукой, чтобы ее хохот не услышали на другом конце провода.

Однако после Нового года Мэрилин "вышла на свет". И вышла в свет.

7 января 1955 года в доме адвоката Фрэнка Делани прошла пресс-конференция, на которую пригласили 80 человек, по большей части журналистов и бизнесменов. Мэрилин, как и всегда, тщательно продумала свой имидж. Она появилась перед собравшимися в белом атласном платье и накинутой сверху

курточке из меха горностая. Монро снова изменила цвет своих волос, выкрасив их в более приглушенный оттенок платины. Внешний вид актрисы должен был нагляднее, чем когда бы то ни было, подчеркнуть ее сходство с Джин Харлоу. И результат превзошел все ожидания. Возможно даже, кому-нибудь из особо впечатлительных особ на миг показалось, что они видят призрака.

"Мэрилин и на самом деле вознамерилась стать воплощением Харлоу, — вспоминала Эми Грин. — В этом состояла ее цель. Она всегда говорила, что, скорее всего, умрет молодой, как Харлоу; что мужчины приносили в ее жизнь несчастье, как это происходило и с Харлоу; что у нее были сложные и запутанные отношения с матерью, как у Харлоу. Все это выглядело так, словно она строила свою жизнь по образу и подобию Харлоу — внезапная вспышка, потом еще одна".

На пресс-конференции кинозвезда объявила о создании независимой продюсерской компании "Marilyn Monroe Productions". И о том, что она будет президентом "ММР" (Монро принадлежал контрольный пакет акций — 51 %), а Милтон Грин — вице-президентом (ему доставалось 49 % акций).

Мэрилин сказала, что теперь стала новым человеком, "новой женщиной". "Мы займемся всеми сторонами индустрии развлечений. Я устала от одинаковых, причем дрянных ролей секс-бомб. Мне не нравились большинство картин, в которых я снималась, и я хочу делать что-то лучшее, играть роли порядком выше. Я намерена расширить круг своих возможностей. У каждого человека есть свой предел, и мой предел еще не достигнут".

Кто-то из репортеров спросил, как к намерениям мисс Монро относится студия "20th Century Fox". За актрису ответил Фрэнк Делани: мисс Монро в настоящий момент не связана никакими обязательствами перед "Fox".

Об этой дерзкой реплике в Голливуде узнали очень быстро. Возмущенное руководство "Fox" собрало собственную пресс-конференцию, на которой авторитетно заявило: что бы ни говорили Монро и ее приближенные, контракт актрисы остается в силе, с юридической точки зрения она будет с потрохами принадлежать студии еще целых четыре года и вскоре должна сняться в новом фильме с названием, придуманным словно в насмешку: "Как быть очень-очень популярной". Для Мэрилин припасена роль стриптизерши.

Но Монро, похоже, лишь подзадорило это заявление.

В то время, размышляя о серьезных ролях, которые ей предстоят, она вспоминала о своей давней мечте сыграть Грушеньку в экранизации "Братьев Карамазовых". И часто делилась этой мечтой с бравшими у нее интервью журналистами.

Один из них ехидно поинтересовался, знает ли Мэрилин, как пишется имя героини Достоевского. Раздосадованная актриса посоветовала нахалу заглянуть в словарь.

По окончании пресс-конференции 7 января Мэрилин решила посетить концерт Фрэнка Синатры в ночном клубе "Копакабана" (возможно, ей просто захотелось увидеть Фрэнка и дать ему знать, что с ней все в порядке). О том, что произошло дальше, очень любят рассказывать биографы Монро. Не откажем себе в удовольствии и мы.

По словам Эми Грин, она резонно возразила Мэрилин, что билеты на все концерты Синатры распроданы на несколько месяцев вперед. "Ничего страшного!" — отмахнулась Монро. И весело повела компанию за собой. Актриса и Грины проникли в клуб через вход в кухню и попросили позвать метрдотеля. Глаза его при виде Мэрилин Монро округлились — и он велел внести в зал добавочные столики и стулья. Удивленный переполохом Синатра нахмурился и прекратил петь. Но тут перед ним, как по волшебству, как будто ниоткуда, возникла сияющая Мэрилин… Фрэнк радостно улыбнулся, подмигнул ей и продолжил концерт.

Эми Грин описывала этот вечер в еще более ярких тонах: "Само собой, мы не бронировали места, даже не позвонили в клуб перед уходом, просто Мэрилин улыбнулась вышибале у входа, он отступил в сторону, и мы пошли вперед, беспрепятственно проходя сквозь ряды мафиозных громил, пока не оказались в зале, где выступал Синатра; там, разумеется, не было ни одного свободного места, даже проходы были забиты людьми, а Мэрилин просто остановилась в конце зала; один за другим на нее стали оглядываться посетители, наконец действие на сцене замерло, Синатра увидел ее и сказал: "Официант, поставьте сюда столик", — и нас провели, нет, буквально пронесли мимо всех этих монстров, восседавших на заранее зарезервированных местах с женами и любовницами, и, конечно, усадили прямо перед Синатрой и его микрофоном, ближе нас никто к нему не был, и один Бог знает, что стало с людьми, на чьих местах мы оказались; а потом Синатра пел специально для нас, для Милтона, Мэрилин и меня, целое отделение пел для нас одних, а позже Мэрилин толкает меня ногой и говорит: "Ну, как тебе столик?" "Сука!" — прошептала я в ответ".

Жена Милтона Грина оставила о Мэрилин Монро любопытные воспоминания, вызывающие неоднозначное впечатление. Эми утверждала, что они с Мэрилин стали близкими подругами, и, скорее всего, так и было. Она рассказала о кинозвезде, с которой долгие месяцы была неразлучна и в Уэстоне, и в Нью-Йорке, много интересного.

Например, о том, какой неподдельной страстью, пусть и ненадолго, загоралась Мэрилин, когда ее что-то увлекало. В уэстонском доме Гринов была обширная библиотека, и однажды Монро попалась на глаза книга о Наполеоне. Впервые узнав из нее о Жозефине Богарне, Мэрилин принялась выискивать любые крупицы сведений о первой супруге Бонапарта. Мэрилин буквально бредила Жозефиной и готова была говорить о ней за завтраком, обедом и ужином. "Ее завораживали женщины, которые сумели чего-то добиться", — полагала Эми.

В другой раз, когда Мэрилин надела длинный шарф, собираясь покататься на мотоцикле с Милтоном, Эми в шутку напомнила ей о судьбе Айседоры Дункан. (Как известно, знаменитая танцовщица погибла, задушенная собственным шарфом, зацепившимся за колесо автомобиля.) Но Монро не знала, кто такая Дункан. А после того, как Мэрилин это объяснили, ее героиней стала уже Айседора.

Мэрилин завела дневник — изящную книжицу в кожаном переплете с миниатюрными замочком и ключиком. Она не расставалась с дневником, с трогательной скрупулезностью делая в нем записи обо всем, что читала или слышала, записывая даже обрывки бесед.

Но, несмотря на эти и многие другие занимательные и окрашенные искренней симпатией к Мэрилин эпизоды, в мемуарах Эми часто проскальзывает не то что просто критический, а откровенно покровительственный и даже неприязненный тон.

По словам очевидцев, Мэрилин и Эми часто беззаботно веселились вместе, как две школьницы. Но временами Эми явно пыталась уязвить подругу. Например, прилюдно намекая на ее необразованность или приказывая ей (а не прося) при других гостях пойти на кухню и сделать бутерброды.

Этой двойственности в отношении Эми к Мэрилин можно найти не одно объяснение. Вероятно, "аккуратистке" Эми иногда очень тяжело было жить бок о бок с неряхой Мэрилин, подбирать с пола разбросанные вещи и вообще ухаживать за ней в быту так, будто актриса была еще одним ее ребенком. Педантам бывает сложно выносить людей рассеянных — впрочем, как и наоборот.

И в 1955-м — 1956-м, и во все последующие годы Эми яростно отрицала, что, возобновив знакомство, ее муж и Мэрилин возобновили и роман. (В этом был уверен, например, Элиа Казан, да и многие другие знакомые Гринов и Монро.)

Но, хотя Эми, дитя кубинских аристократов, бывшая манекенщица, в любом обществе выделялась броской, яркой красотой, элегантностью, изысканностью, Мэрилин была

Мэрилин. И этим все сказано. Могла ли Эми не ревновать ко времени и вниманию, которые уделял кинозвезде ее муж, даже если точно знала, что физической близости между ними нет?

Помимо того, Милтон тратил на нужды "ММР" и на саму Монро, которую практически содержал, когда она не снималась, кучу денег. Сказать "в ущерб семейному бюджету" — значит не сказать ничего. Конечно, Грин надеялся, что когда-нибудь инвестиции окупятся с лихвой, но пока что он ничего не жалел для своей "звездной подруги". Мэрилин разъезжала по Нью-Йорку на подаренном Милтоном черном спортивном "тендерберде". Заработков фотографа Грину не хватало, и весной 1955-го ему пришлось заложить дом в Уэстоне. Что, конечно, не могло не тревожить Эми.

Невзирая на шпильки миссис Грин, время, проведенное в ее компании, было явно не худшим в жизни Мэрилин.

"Возле нас она познакомилась с совсем другой жизнью, а это была жизнь интенсивная и четко организованная. У Мэрилин имелась собственная небольшая комната, где она размещалась, когда приезжала к нам погостить. Однако основную часть времени все мы проводили в различных нью-йоркских компаниях и сферах. Нас везде приглашали, и мы занимались буквально всем. Мэрилин желала стать образованной дамой, но одновременно хотела быть и звездой. В этом заключался конфликт. Но поначалу она была весьма счастлива, борясь за правое дело, сражаясь с Зануком и вообще чувствуя себя важной персоной".

(Забегая вперед, скажем, что "сражения с Зануком" к концу 1955 года завершились мирным соглашением. Мэрилин, вернее, Милтон и нанятые им юристы добились удобных для актрисы условий сотрудничества с "20th Century Fox". По заключенному на следующие семь лет новому контракту Мэрилин обязана была сняться всего в четырех фильмах фильмах "Fox", причем с правом утверждать сценарии, режиссеров и операторов. Контракт предписывал также премию за "Зуд седьмого года", гонорар в 100 000 долларов за ближайший фильм плюс 500 долларов в каждую неделю съемок на прислугу и мелкие расходы, ежегодный оклад в 100 000 долларов для Мэрилин Монро и 75 000 долларов для Милтона Грина.)

Из мемуаров Эми Грин также следует, что актриса рассказывала о ребенке, рожденном ей еще в подростковом возрасте и отданном на усыновление. По словам Монро, она всю жизнь сожалела об этом поступке. Примерно то же самое Мэрилин говорила и Лене Пепитоне.

Марлон Брандо

Будь эта жалостная история о ребенке, которого родила юная девушка, сама еще ребенок, правдой, — она дала бы нам повод по-новому взглянуть на многое в характере и судьбе Мэрилин Монро. Но, судя по всему, это было лишь вымыслом для привлечения внимания. Косвенно на это указывают и свидетельства врача Монро Леона Крона: похоже, что Мэрилин, страдавшая запущенными еще в ранней юности проблемами с половыми органами, вообще не способна была выносить ребенка. И медицина, на ее тогдашнем уровне, вряд ли сумела бы помочь.

Недоверчиво отнеслась к сетованиям и самобичеванию приятельницы и Эми. "Мэрилин, — замечала она, — была большой мастерицей на выдумки, особенно когда хотела шокировать, вызвать интерес".

Мэрилин рассказывала Эми и о десятках абортов, якобы сделанных в юности. (Как мы помним, Леон Крон отрицал это.) И о том, что еще девочкой пристрастилась к наркотикам. (Мэрилин, как известно, страдала от увеличивающейся год от года зависимости от лекарственных препаратов, но началось это отнюдь не тогда, когда она была подростком. А веских

доказательств того, что она принимала наркотики, нет вовсе. Также не была Монро и алкоголичкой, хотя и могла иной раз переборщить с любимым ею шампанским или с бурбоном с содовой.)

К этим откровениям Эми тоже относилась скептически.

Милтон Грин помимо самоотверженности проявлял и немалую изобретательность для того, чтобы дать Мэрилин возможность лишний раз прорекламировать себя. Это могло быть и что-то относительно привычное, вроде организации очередного интервью или участия Монро в цикле радиопередач либо телепрограмме, и нечто экстравагантное. Так, в марте с легкой руки Милтона Мэрилин в соблазнительном наряде проехала по городу на розовом слоне — в благотворительном шоу в пользу фонда для больных артритом. Журналистам она сказала, что получила от этого колоссальное удовольствие, потому что в детстве ее никогда не водили в цирк.

Деньги для "ММР" вице-президенту новой кинокомпании иногда удавалось добывать и у богатых людей. Некоторые из них, хотя не сказать, чтоб многие, соглашались рискнуть своими капиталами для Мэрилин Монро. Среди них был и фабрикант одежды Генри Розенфедьд. Когда в начале зимы 1955-го Мэрилин и Милтон приехали в Бостон на переговоры с Розенфельдом (которого молва, разумеется, не преминула записать в любовники актрисы), их ждал сюрприз в отеле бывшую жену подстерегал Ди Маджио.

"Джо Ди Маджио нагонял на Мэрилин тошноту, — писал в своих мемуарах Сидней Сколски. — Его стиль жизни сводился к пиву, телевизору и старушке сиречь жене, которая была на третьем месте после какого-нибудь "Дымка из ствола" или "Шоу для полуночников", а также после банки с пивом, причем все это — вечер за вечером. Мэрилин не могла на это согласиться — даже если речь шла о национальном герое".

Но после расставания "старушка — сиречь жена" явно оказалась для Джо на первом месте. Еще долго Джо не терял надежды вернуть Мэрилин и пристально следил за ее жизнью.

Тогда, зимой, Милтону пришлось в одиночку общаться с Розенфельдом. Мэрилин сдалась на просьбы Ди Маджио и провела с ним пять дней в расположенном неподалеку от Бостона городе Уэлсли, в доме брата Джо Доминика.

Пресса оживилась: неужели разведенные супруги решили воссоединиться? "Это примирение?" — в лоб спросил одни назойливый репортер, застигнув Монро и Ди Маджио за ужином в бостонском ресторане. "Что нам сказать ему, дорогая?" — нарочито приторным голосом осведомился Джо. "Скажем ему, что

это просто посещение", — в тон ему ответила Мэрилин, играя словами.

Через несколько месяцев, 1 июня (в день, когда Мэрилин исполнилось 29 лет), Джо сопровождал бывшую жену на премьере "Зуда седьмого года" в Лос-Анджелесе. Правда, экс-супруги разругались еще до конца сеанса — совсем как в "старые добрые времена".

"Роль обучающейся актрисы" (процитированными выше словами Спото) Мэрилин весь 1955 год исполняла весьма старательно. Весной она несколько недель брала уроки драматического мастерства у Констанс Колльер, с которой ее познакомил Трумен Капоте, и, вполне возможно, была последней ученицей британской актрисы, скончавшейся 25 апреля 1955 года в возрасте 77 лет.

Колльер успела оставить очень интересный отзыв о Монро: "О да, в ней что-то есть. Она красивое дитя. Но я не могу назвать ее актрисой, во всяком случае в традиционном смысле слова. То, чем она владеет, — эта аура, это свечение, этот трепетный ум — может так и не проявиться на сцене. Все это так хрупко и трудноуловимо, что может быть ухвачено только камерой. Это — как колибри в полете: только камера в состоянии запечатлеть поэзию этого. Тот, кто полагает, что эта девушка просто вторая Харлоу или шлюха, или что там еще, — просто безумец. Я надеюсь и молю Бога, чтобы она прожила как можно дольше, чтобы раскрепостить странный чудный талант, который ищет выхода в ней, подобно заточенному в темницу духу…"

А затем учителями Монро стали Ли и Пола Страсберги.

Несмотря на любезное приглашение Полы, полученное еще в Лос-Анджелесе, Мэрилин стеснялась позвонить режиссеру или его жене или заявиться в "Актерскую студию" без приглашения. Аудиенцию у Страсберга актрисе устроили общие друзья — Элиа Казан и продюсер Черил Кроуфорд.

Ли Страсберг, в 1909 году, в возрасте восьми лет, приехавший из Польши в США под именем Израиля Шрупке, вошел в историю искусства США еще в молодости, став в начале 30-х у истоков уже упоминавшейся "Театральной группы", где и начал разрабатывать и применять на практике свой метод. Или "Метод" — многие ученики Ли писали это слово с прописной буквы и произносили с придыханием до конца жизни. Они называли Страсберга "равви", "отцом", "богом", "гуру", "гением". Хотя некоторые их товарищи по прошествии лет считали бывшего преподавателя манипулятором и шарлатаном.

В 1951-м он возглавил "Актерскую студию", за четыре года до этого созданную Элиа Казаном, Черилом Кроуфордом и Робертом

Льюисом.

Казан вспоминал: "Ли был окружен почитанием, словно святыня. Долгие годы он полагал, что актеры будут склоняться перед силой его риторики и интенсивностью чувств. Чем более наивными и менее уверенными в себе были актеры, тем больше власти обретал над ними Ли. Чем более знаменитыми они становились и чем значительнее делались их успехи, тем больше эта власть приходилась ему по вкусу. Идеальную жертву-почитательницу он нашел в лице Мэрилин Монро".

В основу метода Страсберга легла модифицированная система Станиславского. Ли призывал своих актеров и учеников обратиться к "памяти чувств", раскрыть свое подсознание, обратиться к собственным проблемам. Говоря проще — вывернуть себя наизнанку. От тех, кто работал с ним и учился у него, Страсберг требовал полной самоотдачи, заставляя их по много часов кряду выполнять упражнения. Выдерживали не все. Кто-то становился по-настоящему хорошим артистом и вспоминал наставника с благодарностью, а кто-то ломался, уходил и никогда уже полностью не мог оправиться от последствии нервного срыва.

В Мэрилин Страсберг, по его словам, сразу же разглядел огромный потенциал. "Я заметил, что она казалась не той, кем была на самом деле, и то, что происходило внутри, не соответствовало тому, что делалось снаружи, а такие вещи всегда означают, что есть над чем поработать. Создавалось впечатление, что она ждет, когда нажмут на кнопку. Когда же кнопка была отжата, дверь открывалась и вашему взору представала сокровищница, полная золота и драгоценностей… Вокруг нее полыхало таинственное зарево, как у Иисуса во время Тайной вечери, когда вокруг его головы сияет нимб. Такой же яркий белый свет окружал и Мэрилин".

Поначалу он предложил ей частные уроки у себя на квартире, посчитав, что для коллективных занятий в "Актерской студии" Монро еще не готова. И довольно быстро Мэрилин стала в доме Страсбергов своим человеком. Пола практически "удочерила" ее, а дочка Страсбергов Сьюзен, начинающая драматическая актриса, сделалась ей близкой подругой, хотя была на 12 лет младше и нередко ревновала к Мэрилин отца, который относился к ученице более внимательно и чутко, чем к членам своей собственной семьи.

"Мой отец хотел вытащить из нее все, с чем она не могла совладать, все то, связанное с ее прошлым, что она подавляла и заглушала в себе, — и высечь из нее всю имевшуюся энергию. По его словам, чтобы добиться этого, ей придется поработать в окружении настоящих специалистов… Мой отец влек к себе

Мэрилин, поскольку, хоть его формальное образование было небольшим, он понимал человеческую натуру, и потому она немедленно приняла его предложение. Она была заворожена человеческой натурой, особенно своей собственной. Этим двоим людям было предписано на небесах встретиться и работать вместе".

Сьюзен и Мэрилин восхищались друг другом. Младшая — сверхъестественной, эльфийской прелестью старшей, ее живостью, ее смехом, ее ночными танцами посреди спальни и смешными рисунками в блокноте.

Старшая — тем, что младшая, в ее 17 лет, уже "серьезная" актриса, готовящаяся сыграть роль Анны Франк.

И Сьюзен Страсберг, и Эми Грин вспоминали, что, отправляясь с той или другой из них прошвырнуться по Нью-Йорку, Мэрилин проделывала один и тот же трюк. В автомобиль садилась, заходила в магазин или кафе "Зельда Зонк" — иногда еще и "беременная", с подушкой под платьем, ради пущей неузнаваемости. А потом, в самый неожиданный момент, подушка, темный парик и очки летели прочь — и миру с озорной улыбкой являла себя "Мэрилин Монро".

Впрочем, обличье Мэрилин в тот год менялось и без маскарада. Она примеряла на себя образ молодой нью-йоркской интеллектуалки, девушки, плюющей на условности, почти "неформалки", как могли бы сказать мы. Обтягивающие короткие платья уступили место джинсам, свободным свитерам, тельняшкам и майкам без рукавов. Она, прежде по нескольку часов ежедневно просиживавшая перед зеркалом, возведшая искусство макияжа в культ и ритуал, теперь обходилась практически вовсе без косметики.

Дональд Спото делает из этого многозначительные выводы: "Перестав являть миру накрашенное лицо, этот плод замысловатых и хитроумных операций, Мэрилин хотела неясным пока способом стать, как говорится, подлинной личностью; и, чтобы достигнуть этого, она все начала с нуля — будто бы до сих пор и не было никакой Мэрилин Монро.

Выполняя эту задачу, Мэрилин очутилась в особо трудной ситуации, поскольку вместо прежней искусственности на свет явилась новая, более утонченная опасность. Артистка считала, что сейчас она уже независима, что наконец она занимается чем-то ради самой себя, а не для того, чтобы удовлетворить других. Это была самая горькая иллюзия в ее жизни".

В этих словах есть немалая доля истины. Но лишь потом Мэрилин почувствует себя запутавшейся в отношениях с приближенными. И почти всех этих людей, справедливо или нет,

и она, и другие станут обвинять в желании так или иначе использовать дружбу с кинозвездой в корыстных целях. В начале — середине 1955 года до этого было еще далеко.

"В тот год Мэрилин казалась мне очень свободной, оживленной, полной душевного подъема и ожидания серьезной работы. Ей нравилось то, что она находилась за пределами Голливуда. Это было время, полное обещаний и надежд, и у меня сложилось впечатление, что Мэрилин постепенно берет свою жизнь в собственные руки", — говорил один из нью-йоркских агентов Монро Джей Кантер.

У самой Мэрилин, по всей видимости, было точно такое же впечатление.

Пришло время, и ее допустили до занятий в "Актерской студии". На лекциях и семинарах она тихонько сидела в углу и поначалу казалась товарищам — так было и в "Актерской лаборатории" в Лос-Анджелесе — скованной, зажатой и, может быть, даже слегка туповатой. И тем сильнее было их удивление, когда Мэрилин вдруг показывала, на что способна.

Актер Кевин Маккарти вспоминал: "Это взъерошенное человеческое существо, сидевшее справа от меня, было невесть чем. Но пятнадцать минут спустя, после того как я прервал сцену каким-то справедливо грубым замечанием, я снова взглянул на него и увидел, как из этого ничтожества появляется живая, пульсирующая Мэрилин Монро… Помнится, я смотрел и думал: "Боже мой, это она — она только что ожила"".

На выходные Мэрилин теперь часто перебиралась в дом Страсбергов. Исподволь, постепенно они вытесняли из ее жизни Гринов. "Сирота по призванию" — по меткому выражению Саммерса — нашла себе новую "эрзац-семью". Но пока Монро все еще проводила много времени с Милтоном, Эми и своим любимцем Джошем.

Что же до Наташи Лайтес — вероятно, Мэрилин решила с ней покончить еще до того, как села в самолет, уносящий ее прочь из Лос-Анджелеса. Сперва Наташа ждала, что Мэрилин вот-вот пришлет за ней. Потом — тщетно звонила и писала. Мэрилин либо не отвечала вовсе, либо отделывалась короткими, ничего не значащими фразами.

"Меня отделяют от мисс Монро 3000 миль и кольцо стервятников. Я не знаю, как добраться до нее, и должна сказать, что ситуация страшная", — с горечью и отчаянием писала Наташа Лайтес другой своей ученице и подруге, Элен Альберт.

После семи лет очень непростых, но все же очень близких отношений Мэрилин порвала с Наташей резко и без каких-либо объяснений. Впрочем, уходить, не оборачиваясь, было в ее

характере, и Наташа — наверное, самый яркий, но отнюдь не единственный тому пример. В таких случаях Мэрилин казалась целиком выкованной из стали и никому уже не напоминала мимозу. Кто-то объяснял это ее расчетливостью, побуждающей отбрасывать людей, когда они больше не могли быть полезны, кто-то — бесчувственностью, кто-то — психической неустойчивостью и сложностью натуры…

В какой-то из весенних месяцев 1955 года Мэрилин вступила в недолгую любовную интрижку с другим учеником Страсберга — Марлоном Брандо. Так, во всяком случае, знаменитый актер утверждал в автобиографической книге "Песни, что пела мне мать". Роман начался неромантично. По воспоминаниям Брандо, в разгар шумной вечеринки Мэрилин пристроилась за стоявшим в углу роялем и тихонько наигрывала и напевала печальную песенку. Порядком набравшийся Брандо оказался рядом. Он с кем-то разговаривал, не замечая Мэрилин. И, сделав неловкое движение, нечаянно задел голову молодой женщины локтем. Мэрилин вскрикнула. "Ради бога, извините! — смутился здоровяк Марлон. — Я не нарочно!" "Это вы только так говорите", — процедила Монро, потирая ушибленное место.

Две недели спустя Марлон позвонил Мэрилин и с небрежностью — возможно, напускной — сказал: "Чертовски хочу приехать к тебе прямо сейчас". И он приехал.

Между ними было столько общего! Оба были воплощениями сексапильности и природного магнетизма. Но именно оттого, что женщина и мужчина с созвучными именами были так похожи, трудно представить себе их союз долгим и прочным. Против этого работало даже то, что они были коллегами. Ведь Мэрилин, пусть и по совсем другому поводу, говорила: "Актеры часто прекрасные и очаровательные люди, но для актрисы полюбить актера все равно что совершить кровосмешение. Ну, скажем, полюбить брата с таким же, как у тебя, лицом и манерами".

Есть ли и в этом случае "другая версия"? Конечно, есть! Она принадлежит режиссеру Джорджу Инглунду, лучшему другу Брандо и автору книги "Марлон Брандо. Голая правда". Он пишет, что Марлон повел себя как типичный "гадкий американец" (так называется совместный фильм Инглунда и Брандо): заключил пари, что сможет покорить Мэрилин Монро без особых хлопот. В этом пари не было, по сути, ни победителей, ни побежденных. Потому что, когда Мэрилин и Марлон оказались наедине в гостиничном номере, они вдруг поняли, что могут стать друг для друга куда лучшими собеседниками, чем любовниками. И все время свидания они "сидели и разговаривали о том, каково это — быть окруженным теми, кто мечтает похвастаться, что переспал

со звездой, а не теми, кто видит в тебе человека".

Однако же Эми говорила, что Мэрилин не раз с девчоночьим хихиканьем упоминала при них с Милтоном о некоем загадочном кавалере, которого называла Карло. И Грины были уверены, что "Карло" и есть не кто иной, как Брандо.

Какой бы ни была правда — голой или одетой, — но приятельские отношения между Марлоном Брандо и Мэрилин Монро сохранились на всю жизнь.

"Она была исключительной женщиной. Многие люди, включая меня, совершили непростительную ошибку, не понимая и не ценя ее в должной мере. Мэрилин было необходимо быть понятой и оцененной, и она заслуживала этого", — писал он спустя много лет.

В 2007 году была продана с аукциона переписка Мэрилин и Марлона. Не любовная — за восемь месяцев до своей кончины Монро просила у старого друга совета по поводу своих дел.

Примечательно, что письмо Мэрилин было написано на бланке Института психоанализа Лос-Анджелеса.

Отношения актрисы с психоаналитиками и психотерапевтами начались все тогда же, в 1955 году.

Радикальные перемены, новые впечатления, напряженный график — все это стало для Мэрилин палкой о двух концах. Днем она была оживлена и деятельна, ночью никак не могла заснуть, сколько ни увеличивала дозы барбитуратов. От веселья Мэрилин внезапно переходила к меланхолии, могла внезапно разрыдаться на людях, срывалась по пустякам. Все это пугало тех, кто любил ее.

К тому же психоанализ был тогда в большой моде. В частности, многое из него заимствовал Ли Страсберг, совершенствуя свой метод.

Милтон Грин свел Мэрилин с Маргарет Хохенберг, психотерапевтом, у которого лечился сам. Ли Страсберг горячо одобрил эту затею. (Не мог же он знать, что Маргарет окажется, пожалуй, первой, кто констатирует, что Ли оказывает на Мэрилин чересчур сильное влияние.)

Почтенная иммигрантка из Венгрии, изучавшая медицину в Вене, на родине психоанализа, а также в Будапеште и Праге, обладавшая огромным клиническим опытом, в том числе и с тяжелобольными, допустила с Мэрилин ту же ошибку, что и другие психотерапевты, которым доводилось работать с актрисой позже.

Все они, побуждая Мэрилин без конца обращаться к ее прошлому, не умели помочь ей справиться с тяжким грузом нахлынувших воспоминаний и тем самым осложняли ее

отношения не только с прошлым, но и с настоящим и будущим.

И Ли Страсберг, и Маргарет Хохенберг советовали Мэрилин записывать мысли, приходящие в голову. Ей было трудно делать по указке и систематически то, что она, как мы знаем из воспоминаний Эми Грин, с удовольствием делала по собственной воле и от случая к случаю. И все же она послушно записывала наблюдения за собой и жизнью вокруг — чаще не в специально заведенных для этой цели блокнотах, а на обрывках бумаги и салфетках. Она писала: "Проблема отчаяния в моей работе и моей жизни — мне безусловно, следует с этим бороться, приобретая прочные профессиональные навыки и ставя их выше отчаяния". "Чего я боюсь? Прячусь из страха перед наказанием? Либидо? Спросить у доктора Х.". "Научиться примирять и сочетать противоречивые импульсы". Иногда она облекала свои ощущения и написанные верлибром стихотворения. Вот одно из них.

Я просто порой за столом посижу
И жизнь спою в рифмы чуть-чуть уложу.
На этом никто не нажил капитал,
Но мне ис впервой, мой удел вот таков.
Да пойми же ты, черт бы тебя побрал,
Что люди просто не любят стихов.
Я ведь хочу лишь суметь прокричать
то, что в голову мне стучит:
вкусы тех блюд, что нельзя забывать,
и к самым тайным желаньям ключи.
Вертятся мысли и мозг мне сверлят
тихою и неустанной струей.
Пока не ушла я — пусть замутят
листа белизну строки чернотой.

Удивительно, как при таком насыщенном ритме, интенсивной учебе у Колльер и Страсберга, сеансах психотерапии, проходивших поначалу по три-пять раз в неделю, у Мэрилин еще оставалось время, чтобы общаться со старыми друзьями и знакомиться с новыми, ходить по выставкам, концертам и книжным магазинам (откуда она уносила кипы книг), да и просто гулять по Нью-Йорку.

На прогулки она иногда брала с собой своего 16-летнего поклонника — Джеймса Хаспила, которому мы тоже обязаны интересными воспоминаниями об актрисе.

Мальчишка, сбежавший из дома, Джимми познакомился с Мэрилин еще в 1954-м, на съемках "Зуда седьмого года". Куда бы Мэрилин ни шла в те дни, ее плотно окружало кольцо фанатов.

Ведь тогда она еще не придумала для себя верную палочку-выручалочку — Зельду Зонк.

Однажды Джимми продрался через толпу и вместо автографа осмелился попросить поцелуй. И Мэрилин, изумленно взглянув на дерзкого паренька, улыбнулась и чмокнула его в щеку.

В следующий приезд Монро Хаспил стал ее пажом. Он открывал для Мэрилин повседневную уличную жизнь Нью-Йорка, с которой не очень-то хорошо были знакомы ее богемные друзья. Выполнял ее мелкие поручения, подносил ее покупки, договаривался с таксистами.

И Мэрилин, похоже, ценила эту трогательную дружбу. После ее смерти нашли конверт, где она хранила детские фотографии: портреты детей своих бывших мужей Джо Ди Маджио и Артура Миллера — и снимок с Джимми Хаспилом.

С Артуром она встретилась вновь у своих новых друзей Нормана и Хедды Ростена, к которым ее, в свою очередь, впервые привел фотограф Сэм Шоу.

Общение с Ростенами и без того было ей приятно. Умные, деликатные и милые люди, они стали ей близки, не превращаясь в очередных "эрзац-родителей". С Норманом она посещала музеи и театры. И, не стесняясь того, что ее друг был поэтом, показывала ему собственные стихи. Например, вот это.

Жизнь —
Я оба твои направленья,
но все же больше существую в холоде мороза.
Сильная, как на ветру сеть паутины,
Оттягиваемая больше книзу.
Как-то сохранясь,
Те капельки света имеют краски,
что видела я на картинах, — ах жизнь,
они тебя надули…
Паутинной нити тоньше,
простого проще, —
она цеплялась,
удерживаясь крепко на сильном ветре
и опаленная скачущими жаркими огнями, —
жизнь, в которой я одновременно
сосуществую в обоих направленьях —
но как-то остаюсь висящей,
оттягиваемая книзу,
и оба направления меня терзают.

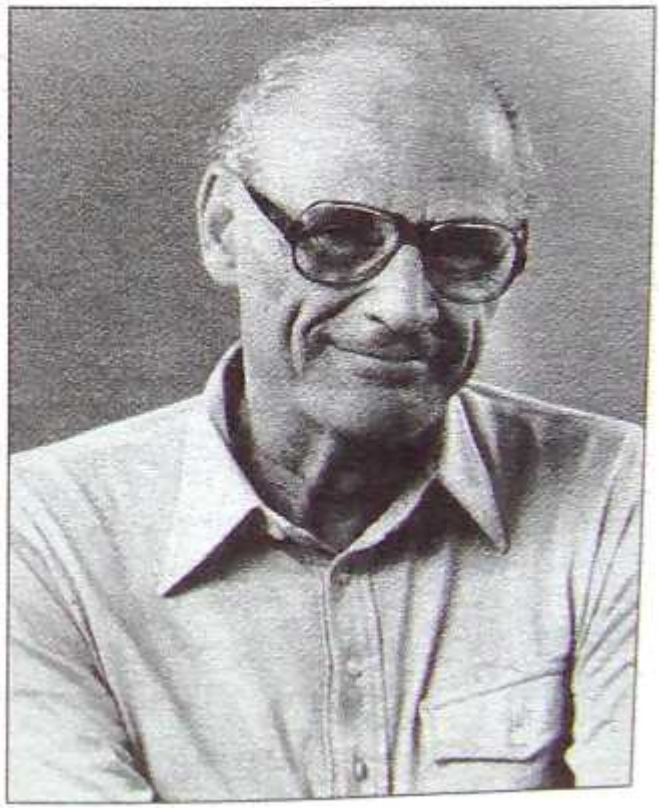
"Нас на самом деле совершенно не интересовало, кем она

была, — говорил потом Ростен, — в реальной жизни она очень отличалась от созданного стереотипа. С нами она была само очарование. Такое странное человеческое существо… Ей нравилась поэзия. Для нее это было кратчайшим путем. Она с интуицией поэта понимала, что это прямая дорога к сути переживаний".

А Артур Миллер оказался… университетским товарищем Нормана. И, столкнувшись у Ростенов в гостях, Мэрилин и Артур очень скоро поняли, что их тянет друг к другу еще сильнее, гораздо сильнее, чем несколько лет назад.

В ту пору Миллер считался, наряду с Теннесси Уильямсом, одним из лучших драматургов США. Пьесы Миллера "Все мои сыновья", "Смерть коммивояжера", "Суровое испытание" (в постановках — обычно "Салемские ведьмы" или "Салемские колдуньи") принесли ему Пулитцеровскую премию, две премии Объединения нью-йоркских театральных критиков и еще по две престижные премии — имени Дональдсона и имени Антуанетты Перри ("Тони").

"Суровое испытание", в основе которого был исторический сюжет — расправа над обвиненными в колдовстве женщинами в XVII веке, вышло в разгар "охоты на ведьм" в США 50-х годов XX века и было полно злободневных намеков на Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности, возглавляемую сенатором Маккарти.



А. Миллер

Из-за этого Артур попал в "черный список" Голливуда и под колпак Комиссии. А ФБР еще раньше взяло его на карандаш, потому что подозревала Миллера в сочувствии коммунистам, хотя членом коммунистической партии он никогда не был.

Дружба с Миллером привлекла внимание ФБР и к Мэрилин. К тому же, когда она была с Норманом Ростеном на концерте советского пианиста Эмиля Гилельса, маэстро поцеловал ей руку и пригласил в гости в СССР.

Сводки следивших за Мэрилин Монро агентов ФБР (полностью рассекреченные лишь спустя 50 лет после ее смерти) указывают на то, что она не прочь была принять приглашение и в апреле 1955 года подала в Посольство СССР в Вашингтоне запрос на получение советской визы.

С этого момента за актрисой следили уже постоянно. Впрочем, следили тогда едва ли не за всеми более-менее видными американцами. Содержание большинства доносов на кинозвезду было попросту смехотворным. И очень сомнительно, что ее сопровождали повсюду "поклонники в штатском", как Мэрилин казалось в последние годы; скорее всего, это давала

себя знать не отпускавшая ее с юности мания преследования.

Развитию романа Артура и Мэрилин едва не помешало нечто, обратившее помыслы актрисы в совсем другую сторону, — правда, всего на несколько дней. В Уэстон, где она гостила у Гринов, прибыл тогдашний владелец журнала "Look" Гарднер Коулз. У него было важное поручение от миллионера Аристарха Онассиса, главного олигарха княжества Монако и ближайшего советника князя Репье. Уже некоторое время миллионер и князь обсуждали возможность женитьбы последнего на какой-нибудь кинозвезде — чтобы вернуть Монако в глазах мирового сообщества былой блеск, несколько поутраченный после Второй мировой. Хитрый делец-царедворец колебался между кандидатурами Грейс Келли и Мэрилин Монро. Коулза попросили узнать у Монро, как бы она отнеслась к перспективе стать княгиней Монако. Мэрилин не имела ничего против.

И, похоже, уже успела представить себя на троне до того, как Коулз довольно скептично спросил: "А вы уверены, что князь захочет на вас жениться?"

"Дайте нам с ним пару дней наедине и, уверяю вас, он захочет!" — ответствовала актриса. Но прошло чуть больше педели, и мир облетела новость о помолвке князя Репье с Грейс Келли…

И Мэрилин вернулась к велосипедным прогулкам с Миллером по Бруклину, к поцелуям украдкой — отношения с Артуром она в течение долгих месяцев тщательно оберегала от прессы — и к бесконечным угрызениям совести.

Артур был ее давнишним увлечением (даже если не брать на веру заявление Сиднея Сколски о том, что Мэрилин мечтала о браке с Миллером еще во время свадебного путешествия с Ди Маджио). Он был человеком, превосходящим ее, по ее мнению, интеллектуально, и она надеялась, что он поможет ей расти. Он не был (по крайней мере, на вид) ограниченным ревнивым обывателем, как Догерти и Ди Маджио. Наконец, он не был актером, ее "братом", как Марлон Брандо.

Но Артур был женат. И слывшая бесчувственной сердцеедкой Мэрилин, девочка-безотцовщина Норма Джин, не хотела отнимать его у семьи — жены Мэри Грейс и двоих детей-подростков.

Немногим позже Миллер признается журналистам, что его брак и так трещал по швам, что он неминуемо развелся бы, "без Мэрилин или с ней". А о Монро отзовется так: "Она самая женственная из женщин, какую можно себе представить. Находясь рядом с ней, хочется умереть. Эта девушка находит отклик в душе каждого мужчины. У большинства из них в ее обществе

выпячиваются те качества, которыми человек наделен от природы: пустозвон становится еще большим пустозвоном, стеснительный стесняется еще пуще, скромный делается скромнее. Она похожа на магнит, который вытягивает из самца присущие ему качества".

Однако большая часть 1955 года стала временем жестоких колебаний. Ведь Мэри Грейс много лет практически содержала его, работая, чтобы он мог сочинять пьесы, и бросить ее — значило отплатить черной неблагодарностью.

Тогдашние чувства и раздумья Миллера выразились в пьесе "Вид с моста", где шла речь о зрелом мужчине, влюбленном в молоденькую девушку. (Реальное возрастное соотношение между Артуром и Мэрилин было не столь уж разительным — ему в 1955 году исполнилось 40, а ей 29.)

Он и сам позднее говорил: ""Вид с моста"… отражал тревогу… не столь далекую от моих собственных душевных переживаний…"

На первом представлении этой пьесы в театре "Коронет" Мэрилин познакомилась с родителями Артура, Айседором и Августой Миллерами. Вскоре они пригласили ее в гости. "Я собираюсь жениться на этой девушке", — объявил Артур. Айседор и Августа удивленно смотрели то на скромную молодую женщину в серой юбке и наглухо застегнутой черной блузке, то на своего сына, ведь прежде он ни словом не обмолвился о намерении уйти от Мэри Грейс.

К концу года Мэрилин и Артур уже постоянно обсуждали его предстоящий развод и свой будущий брак между собой и с друзьями.

"Миллер был влюблен по уши и серьезно, — вспоминал Норман Ростен. — Видеть это было отрадно".

В профессиональном плане Мэрилин тоже многого ожидала от наступающего 1956 года: она собиралась сняться в фильме "Автобусная остановка" в Голливуде и в экранизации пьесы Теренса Реттигена "Спящий принц" в Лондоне.

Глава 11
"НАСТОЯЩАЯ ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА"

Возвращение Мэрилин в Голливуд освещалось прессой с помпой и размахом. В изложении журналистов все выглядело так, будто Монро, как древняя воительница или лихая девушка-ковбой, с легкостью поборола в одиночку своих супостатов и теперь готовится к въезду в мекку киноиндустрии на белом коне.

"Мэрилин Монро доказала, что она — настоящая деловая женщина", — написал 30 января 1956 года журнал "Time".

5 февраля для переговоров с "деловой женщиной" Мэрилин Монро и ее компаньоном Милтоном Грином приехали в Нью-Йорк выдающийся английский актер и режиссер Лоуренс Оливье, его агент Сессил Теннент и автор пьесы "Спящий принц" Теренс Реттиген. В 1953 году Оливье поставил эту пьесу в лондонском театре "Феникс" и сам же исполнил главную мужскую роль — принца-регента вымышленного восточноевропейского государства Карпатия. Главную женскую роль — танцовщицы Элси Марины, "девушки из народа", простоватой и смышленой одновременно, — играла жена Лоуренса кинозвезда Вивьен Ли, к чьему дню рождения, 5 ноября, была приурочена премьера спектакля.

Интересно, что Лоуренс Оливье был последовательным и яростным противником метода Ли Страсберга.

"Вся эта болтовня про метод, метод! — возмущался он. — Про какой метод?! Я думал, что у каждого из нас есть свой метод… То, что называют "методом", вообще говоря, вовсе не является полезным для актера. Вместо того чтобы раз за разом играть и играть одну и ту же сцену, что многим исполнителям не нравится, они предпочитают обсуждать, обсуждать и обсуждать. Лично я бы вместо того, чтобы тратить время на болтовню про всякие абстрактные вещи, остановил свой выбор на восьмикратном проигрывании и переделке какой-то сцены. Актер приходит к совершенству через многократное повторение. Спорить по поводу мотивов и тому подобного — чистая глупость. Американские режиссеры очень любят такой подход и слишком призывают к нему".

Ученицу Ли Мэрилин, которая как раз готовилась к своему дебютному представлению в "Актерской студии", отношение сэра Лоуренса к ее учителю не особенно смущало. О "Спящем принце" она была наслышана от друзей и давно уже мечтала включить экранизацию пьесы в число первых фильмов компании "ММР".

Причем в роли своего партнера видела лишь Лоуренса Оливье, и никого иного, считая, что как актеры они составят идеальный дуэт.

7 февраля Оливье, Реттиген и Теннент встретились с Мэрилин. Она вышла к гостям через полтора часа после назначенного времени. Но сэр Лоуренс, настоящий британский джентльмен, пунктуальный и щепетильный, с удивившей его самого охотой простил ей опоздание. И не только как джентльмен, но и как очарованный мужчина."…Когда она появилась, то через пару секунд уложила нас к своим ногам, — вспоминал он. — Она была настолько чудесна, так остроумна, так невероятно забавна, а в целом оказалась намного более привлекательной, нежели любая другая актриса, какую я только мог вообразить себе на экране".

Спустя два дня, 9 февраля, Монро и Оливье объявили журналистам о решении приступить к совместной работе.

Мэрилин тщательно подготовилась к пресс-конференции. По такому случаю она выбрала черное бархатное платье с большим декольте, державшееся на тоненьких бретельках. Улыбаясь репортерам, она сделала движение вперед… и одна из бретелек с треском лопнула. Папарацци радостно защелкали фотоаппаратами. Непорядок в одежде ликвидировали с помощью английской булавки.

Оливье снова проявил себе истинным джентльменом, уняв оживившуюся толпу и разрядив атмосферу шуткой: "Ребята, мне что, снять пиджак? Это кому-нибудь мешает?"

До конца пресс-конференции злосчастная бретелька рвалась еще дважды…

Создатель этого самого платья, модельер Джон Мур через много лет уверял: "Обрыв бретельки был заранее запланирован и тщательно подготовлен в процессе одевания". Ему вторила фотограф Ева Арнолд: "Пока мы спускались вниз, Мэрилин сказала: "Жди спокойно, увидишь, что будет"".

Вероятно, сэр Лоуренс в конце концов догадался, что эффектная мизансцена была спланированным трюком, "нечистой игрой". Потому что на обратном пути в отель он задумчиво сказал продюсеру Солу Колину: "Знаешь, Сол, я все гадаю: не совершил ли я ошибку?"

17 февраля Мэрилин впервые вышла перед товарищами по "Актерской студии" на сцену — в постановке отрывка из пьесы Юджина О'Нила "Анна Кристи".

"С ее стороны это был воистину смелый ход, — рассуждала впоследствии напарница Мэрилин по спектаклю, театральная актриса Морис Стэплтон. — Ей бы выбрать для себя какую-либо

малоизвестную роль, чтобы выступление можно было оценивать исключительно по существу. Но играть в "Анне Кристи" заглавную роль, в которой выступали самые блистательные актрисы — вплоть до Гарбо включительно! Ведь это означало, что каждый более или менее опытный театральный зритель приходил посмотреть спектакль, уже имея неплохое представление о том, как должна быть выстроена роль".

Опасалась — да что там, с ума сходила от страха! — и сама Мэрилин. Потом она говорила: "Пока я не вышла на сцену, ничего вокруг себя не видела. Ничего не чувствовала. Не помнила ни единого слова текста. Хотела только одного — лечь и умереть. Я была в страшной ситуации и вдруг подумала: "Боже милосердный, что я тут делаю?" А потом просто вышла и начала играть".

И сыграла она, по словам очевидцев, превосходно. Проявив себя, как сказала актриса Анна Стен, "очень вдумчивой и исключительно милой актрисой, которая одновременно берет и дает, а это умение встречается редко".

25 февраля 1956 года Мэрилин Монро торжественно вернулась в Лос-Анджелес в сопровождении Гринов.

В аэропорту один из сотен встречавших звезду репортеров обратил внимание на ее одежду — строгие и скромные черное платье и блузу с воротником — и отметил, что прежде она одевалась совершенно иначе. "Это что, новая Мэрилин?" — ""Нет, я-то та же самая, это просто платье новое".

Целью возвращения были съемки фильма "Автобусная остановка" на студии "20th Century Fox". Работа над картиной началась в середине марта.

А за несколько дней до этого, 12 марта, произошло еще одно важное — если не с практической, то с символической точки зрения — событие в жизни актрисы. Она стала Мэрилин Монро официально, по документам.

С одной стороны, такой поступок был логичным, и объяснения прозвучали вполне убедительно. "Уже много лет я пользуюсь именем и фамилией, которые сейчас хочу принять, — Мэрилин Монро, — и именно под этой фамилией я всем известна".

С другой стороны, это был шаг столь же противоречивый, как и сама Мэрилин. Ведь, сменив имя теперь еще и в казенных бумагах, она как будто соглашалась навсегда слиться воедино с "Мэрилин Монро", с той маской, которая временами царапала и жгла ей кожу, но была необходимой, потому что без нее молодая женщина по-прежнему не чувствовала себя персоной, хоть сколько-то значащей. А бедная маленькая Норма Джин — к

которой, как бы то ни было, Мэрилин вовсе не хотелось возвращаться — оказывалась отброшенной в прошлое уже бесповоротно и навеки.

Немногим раньше, 18 февраля, на следующий день после премьеры в "Актерской студии", Монро заключила другой договор с законом.

Она составила свое первое завещание. Потом она будет еще много раз менять распоряжения на случай смерти. И каждый подобный документ может служить своеобразной картой ее сердца, ее изменчивых пристрастий, ее отношений с людьми на тот или иной момент.

Так, в феврале 1956-го она отписала 100 000 долларов Артуру Миллеру, 25 000 Ли и Поле Страсбергам плюс 10 000 отдельно "Актерской студии", 10 000 на учебу маленькой дочери Нормана и Хедды Ростенов Патрисии, 20 000 — психотерапевту Маргарет Хохенберг.

На вопрос "штатного" юрисконсультанта "ММР" Ирвинга Стайна, какую надпись актриса хотела бы оставить на своей надгробной плите, та, расхохотавшись, ответила: "Мэрилин Монро, блондинка". И нарисовала пальцем в воздухе извилистый контур: "37–23—36".

Эти цифры означали объем бюста, талии и бедер Мэрилин в дюймах. (В сантиметрах соответственно 94–54,5—91,5).

Наташа Лайтес в завещании не упоминалась. Неудивительно — в сердце Мэрилин ей тоже не было места.

"Я в течение многих лет видела способность Мэрилин отсекать от себя людей. Я даже поощряла в ней это. Вообразите мою тревогу, когда я поняла, что сама стала одним из таких людей, — писала Наташа Элен Альберт. — Я понимаю, что это было неизбежно, но все же это причиняет мне боль, я не могу перенести этого".

Боль из-за отчуждения подруги делалась еще невыносимее оттого, что Наташа осознавала: помириться они могут и не успеть. У Лайтес обнаружили раковую опухоль. (Наташа пережила Мэрилин на два года, но тогда, в 1956-м, этого, конечно, никто не предполагал.)

Вдобавок бывшая преподавательница Монро фактически осталась без средств к существованию. Прежде Мэрилин вносила в свой контракт оплату услуг Лайтес как обязательное условие, к тому же доплачивала ей от себя (хотя только разве что самым злым сплетникам приходило в голову объяснять привязанность Наташи к ученице корыстью). Когда администрации "Fox" стало очевидно, что Мэрилин больше не заинтересована в Наташе, — стало очевидно и то, что Наташу последние годы держали на

студии только ради ее подопечной-кинозвезды. Лайтес начали задерживать зарплату, перестали доверять новых учеников. Приходя на студию, она слышала за спиной перешептывания. А потом ее попросту уволили.

Когда Мэрилин вернулась в Лос-Анджелес, Наташа тщетно добивалась с ней встречи. Она хитростью выманила у сотрудника номер нового телефона Монро, сказав, что потеряла его. Но если, находясь в Нью-Йорке, актриса изредка еще отвечала на Наташины звонки — правда, разговоры были краткими и сводились к тому, что ей, Мэрилин, необходимо "новое начало", которое она надеется обрести с помощью Страсберга, что Наташа душит ее своей навязчивой опекой, — то теперь она просто бросала трубку, заслышав Наташин голос. Или не подходила, когда ей сообщали, что на проводе Лайтес.

На этот раз Мэрилин даже не просила объясняться за нее пересмешницу Эми (Грины и Монро опять жили вместе, в доме, снятом в районе Вествуд неподалеку от Голливуда). Она поступила иначе — по любым меркам, бездушно и некрасиво. Она поручила Ирвингу Стайну поговорить с Наташей и припугнуть ее.

"Я представился как адвокат Мэрилин Монро и проинформировал мисс Лайтес, чтобы она ни под каким видом не звонила актрисе, не посещала ее и не пыталась с ней увидеться. Она должна подчиниться моим указаниям, если хочет избежать дополнительных сложностей. Наташа, которую я никогда в глаза не видел, назвала меня "дорогой мой" и попросила выслушать. Цитирую ее слова. "Единственный человек на свете, который может мне помочь, — это Мэрилин Монро. Я сотворила эту девушку — сражаясь за нее — и всегда считалась на съемочной площадке злодейкой, эдаким черным человеком. Когда я позвонила Мэрилин, а та не пожелала со мною разговаривать, я была в бешенстве. А ведь я целиком отдана ей, и она это знает. Ее вера и безопасность неотделимы от моей веры и безопасности. Я не располагаю финансовыми средствами, но у нее они есть. В пятницу мне сказали в "20th Century Fox": "Вы уже не можете больше рассчитывать ни на чью протекцию, и мы не нуждаемся в вас…" Но работа — это вся моя жизнь. Я больна. И мне бы очень хотелось встретиться с ней, даже при вас. Хотя бы всего на полчаса". Я отказался: Мэрилин не хочет и не будет просить за нее, и мы не хотим ни беседовать с нею, ни встречаться. Еще я сказал, что ей ни в коем случае нельзя звонить Мэрилин, а если она это сделает, то мне придется поставить ее на место по-другому".

Эта беседа состоялась 3 марта. А 5 марта обезумевшая от отчаяния женщина без предупреждения приехала в Вествуд. И по

случайности столкнулась с приехавшим к Милтону Лью Вассерману, владельцу кинокомпании "MCA Universal", имевшей деловые отношения с "ММР". Он не пустил незваную гостью в дом, сказав, что мисс Монро не касается и не интересует увольнение Лайтес со студии.

"Как вы не понимаете, я же нужна Мэрилин!" — прокричала Наташа.

"Мэрилин никто не нужен", — отрезал Вассерман. И захлопнул за собой дверь.

Наташа повернулась было к машине — и вдруг заметила в окне второго этажа Мэрилин. Та смотрела на женщину, с которой не разлучалась долгих семь лет, равнодушно и отрешенно. Через несколько секунд Мэрилин задернула шторы.

Перед смертью Наташа вспоминала эти мучительные мгновения: "Тогда я видела ее в последний раз. Договориться мы были не в состоянии, между нами всегда стояла стена. Много раз я задумывалась, почему и за что я все еще люблю ее".

Вскоре Монро прислала Лайтес тысячу долларов. Подарок весьма щедрый, но смахивавший на элегантную пощечину.

Отчасти причиной столь странного даже для Мэрилин поведения можно счесть то, что в эти дни нервы у нее были на пределе. ФБР развязало настоящую травлю Артура Миллера в прессе. А заодно досталось и Мэрилин, поскольку они с Артуром больше не скрывали своего романа.

Особенно усердствовал журналист Уолтер Уинчел. По стечению обстоятельств — приятель и тогдашнего директора ФБР Дж. Эдгара Гувера (который, между прочим, бережно хранил и с гордостью показывал приближенным "тот самый" календарь с обнаженной Мэрилин), и Джо Ди Маджио. Не исключено, что, пользуясь покровительством первого, Уинчел мстил Мэрилин за уход от второго. (К слову сказать, именно Уинчел, хотя и невольно, был повинен в скандале с побоями в семействе Монро — Ди Маджио. Именно он, чуть ли не силой, привел упиравшегося Джо на съемки знаменитого эпизода с "летающей" юбкой из "Зуда седьмого года".)

"Самая популярная американская кинозвезда стала теперь любимицей левых интеллектуалов, причем некоторые из них считаются красными подручными Москвы", — вещал Уинчел по национальному радио.

"Миллера ждут неприятности, — с удовольствием предрекал он. — Повестку из действующей при Конгрессе США Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности получит большая компания его близких знакомых, которые — так уж получается — являются также близкими знакомыми мисс Монро. Все они когда-

то симпатизировали коммунистам и их идеям!"

Перипетии бракоразводного дела, начатого Артуром, тоже порядком трепали нервы обоим влюбленным.

До окончания разбирательства Миллер уехал на ранчо в предместьях города Рино, штат Невада. Он жил в маленькой хижине под именем "мистера Лесли". Каждый день на ранчо раздавался телефонный звонок, и таинственная "миссис Лесли" просила позвать своего супруга. Имена для своего кода Артур и Мэрилин одолжили у писательницы Вины Дельмар, в чьем романе певица из злачного заведения и ее обожатель притворялись мужем и женой.

Намерение Монро и Миллера пожениться сразу после развода от широкой общественности пока скрываюсь. На расспросы дотошного репортера "Time" Артур довольно убедительно разводил руками: "Я долгое время не смогу позволить себе жениться. Где мне взять столько денег, чтобы содержать две семьи? Показ на Бродвее моей пьесы "Вид с моста" только что прекратился. Я получил тридцать пять тысяч долларов, их нужно распределить на два года, пока я не напишу другую вещь. К тому же она тоже не готова к замужеству. Она фанатично работает над претворением в жизнь своих проектов".

Мэрилин же не утерпела и "по секрету, не для печати" шепнула кое-кому из знакомых газетчиков, что свадьба, скорее всего, состоится в середине лета.

15 марта съемочная группа прибыла в штат Феникс, где должны были быть отсняты все натурные эпизоды "Автобусной остановки". Как было оговорено контрактом, Мэрилин (а вернее — "Marilyn Monroe Productions") имела право самостоятельно выбирать режиссера и сценариста. Режиссером фильма стал Джошуа Логан, учившийся когда-то в СССР у самого Станиславского. Поначалу он без большого энтузиазма отнесся к перспективе работы с Монро, которую обрисовал ему Лью Вассерман. "Мэрилин не умеет играть!" — "Спроси об этом у папы Сьюзен". (Незадолго до этого вышла картина Логана "Пикник", где одну из главных ролей исполнила Сьюзен Страсберг.) "Папа Сьюзен" не поскупился на похвалы своей ученице: "Я работал с сотнями актеров и актрис — как на занятиях, так и в студии, и только двое из них сразу бросались в глаза. Номер один — это Марлон Брандо, а два — Мэрилин Монро". Эти слова Ли Страсберга Джошуа Логан потом цитировал очень часто. Скоро он полностью изменил свое мнение о Монро.

"Я и не подозревал, что она обладала таким ослепительным талантом, — вспоминал Логан спустя десятилетия. — С ней режиссура оправдывала себя. Когда она произносила текст, с ее

лицом, кожей, волосами и телом творились такие потрясающие вещи, что она — не побоюсь показаться банальным — вдохновляла. Я загорался, и все мои мысли занимала только ее игра. О сексуальном плане я вообще не говорю. Она была ослепительна во всех отношениях, на нее было приятно смотреть, стоять рядом, чувствовать ее запах и ощущать, — все это вкупе с ее талантом. Я просто помешался на ней. Я и сейчас еще не отошел".

При этом Логан считал Мэрилин хрупким, надломленным, уязвимым существом — и это было верно по крайней мере наполовину. Милтон Грин предупреждал Джошуа: "Следите за тоном своего голоса, разговаривая с Мэрилин, потому что, если вы напугаете ее, считайте, что все пропало".

Но, возможно, предупреждения и не требовалось. Страдавший маниакально-депрессивным психозом невротик с внешностью жизнерадостного здоровяка, Логан хорошо улавливал настроения и понимал проблемы других людей. Узнав Мэрилин поближе, он говорил: "Она может стать величайшей звездой, каких у нас еще не было, если сможет управлять своими эмоциями и здоровьем". А через много лет после ее смерти: "Меня начинают душить рыдания, когда я по-настоящему думаю о ней. Мне кажется, ей в жизни не выпало и двух дней счастья или удовлетворения, если не считать времени, когда она работала".

Большую часть времени съемок "Автобусной остановки" Мэрилин решительно не в состоянии была "управлять своими эмоциями и здоровьем". Она была постоянно напряженной, напуганной, слишком нервной даже для себя из-за валившихся на нее со всех сторон жизненных трудностей. Она не только опаздывала на съемочную площадку (этим ей уже никого не удалось бы удивить), не только забивалась с рыданиями в фургон и отказывалась выходить (однажды многотерпеливый Логан, отбросив деликатность, вышел из себя и силой вытащил ее наружу).

Мэрилин еще и постоянно вступала в конфликты с другими членами съемочной группы, чего вообще-то за ней обычно не наблюдалось. Без видимых причин рассорилась со своим пресс-атташе Пат Ньюкомб, и девушке пришлось уехать. Закатила истерику из-за того, что, по ее мнению, волосы актрисы Хоуп Ландж были чересчур светлыми, и это-де могло отвлечь внимание от самой Монро, — и Хоуп поспешно выкрасили волосы.

Исполнитель главной мужской роли Дон Мюррей, еще совсем молодой тогда, вспоминал: "Она говорила и делала разные вещи не задумываясь, как ребенок, ведь для нее значение имела только собственная точка зрения. Когда ей показалось что я порчу для

нее сцену, то она во время репетиции, не прерывая игры, взяла какую-то деталь своего костюма и хлестнула меня ею по лицу. Один из нашитых там цехинов поцарапал мне глаз, и тогда Мэрилин убежала. Но свинства с умыслом она не делала".

По сюжету Мэрилин и вправду должна была ударить Дона, но явно перестаралась. Вероятно, действительно не желая того.

В придачу ко всему в разгар съемок Монро угодила на несколько дней в больницу с "вирусной инфекцией, истощением, переутомлением и острым бронхитом".

"Переутомление" было в этом диагнозе ключевым словом. Мэрилин страшно выматывалась, и едва спасали ее даже барбитураты, которыми услужливо снабжал ее Милтон, закупая их в огромных количествах в Лос-Анджелесе и Нью-Йорке.

Актрису тошнило, иногда даже прямо под прицелом камеры. К ней не допускали прессу. Из Нью-Йорка была спешно вызвана Маргарет Хохенберг, чтобы наблюдать за состоянием своей пациентки. Мэрилин звонила Артуру в Рино и, рыдая, умоляла к ней приехать. Он приезжал, но эти краткие визиты, казалось, лишь еще больше выбивают ее из колеи.

Когда-то повлиять Мэрилин, успокоить ее, привести в рабочую форму могла (хотя далеко не всегда) отстраненная теперь за ненадобностью Наташа Лайтес. Сейчас место Наташи при Мэрилин заняла Пола Страсберг, для которой ее муж Ли вытребовал небывало большой оклад — 1500 долларов в неделю. Пола была очень неплохим преподавателем, а со временем научилась и более-менее ладить со своей беспокойной подопечной, — но сама по себе стала не последней причиной раздоров в съемочной группе. Пола раздражала всех еще сильнее, чем ее предшественница Наташа. Милейший Логан вел бесконечные бои за то, чтобы удалить ее со съемочной площадки, и отзывался о миссис Страсберг весьма ехидно: "Добросердечная еврейская мамаша, из которой так и брызжут советы и предостережения на все случаи жизни — не отчего-либо, только из любви и корысти".

Несмотря на все это, в "Автобусной остановке" Мэрилин Монро одержала бесспорную творческую победу.

Сценарий фильма написал Джордж Аксельрод, переработав для кинематографа комедийную мелодраму Уильяма Инджа, получившую премию "Тони" за 1955 год.

(Заметим в скобках: история отношений Аксельрода и Монро тоже небезынтересна. Сценарист "Зуда седьмого года" высмеял кинозвезду в комедии "Не избалует ли успех охотницу за бриллиантами?" Героиня — Рита Мэрло, смазливая дурочка с непомерными амбициями, — была откровенной пародией на

Мэрилин. Легко узнаваемыми прототипами других персонажей стали Джо Ди Маджио, Артур Миллер, Милтон Грин. Мэрилин посетила премьеру спектакля в октябре 1955 года, и он вовсе не показался ей таким уж смешным. Однако актриса не возразила против сотрудничества с Аксельродом, хотя во время съемок "Автобусной остановки" комедия все еще шла на сцене. Спектакль выдержал более 400 представлений.)

Мэрилин предстояло сыграть Шери, неудачливую певичку из салуна, еще молодую, но уже изрядно потрепанную жизнью, не слишком талантливую, но по-детски наивно мечтающую о головокружительной карьере. В нее влюбляется с первого взгляда юный ковбой Бо (в его роли и снялся бедолага Мюррей) и так досаждает девушке своими неуклюжими ухаживаниями, что та пытается сбежать от него в Лос-Анджелес. Но Бо похищает ее и силой сажает в автобус, идущий к его ранчо. В конце концов Бо удается расположить к себе Шери и добиться взаимности.

Шери ничем не походила на всех певиц, танцовщиц и секретарш, сыгранных Монро до этого. Теперь, имея право голоса и обладая немалым опытом, Мэрилин подошла к роли во всех смыслах творчески.

Норман Мейлер писал: "Неоспоримо одно: это единственный фильм, где ей довелось воплотить образ, ни в чем не соприкасающийся с нею самой, вплоть до речевого акцента, — мы слышим с экрана не голос Мэрилин, а приглушенные интонации неискушенных южан; растягивая каждую гласную, она раскрывает перед нами необозримый мир тотального невежества (подчеркнутая гнусавость южан вновь оказывается на службе актерского замысла); а рассказывая о беспорядочных связях, каких немало в прошлом Шери, вращает и стреляет по углам глазами, беспокойными и в то же время безжизненными, словно мраморные глазницы".

Когда художница по костюмам предложила Мэрилин эскизы новеньких нарядных одежек ее героини, актриса отказалась наотрез. Она порылась в глубине шкафов костюмерной и нашла вещи, которые будто бы вопили о "былой роскоши": старые, продранные, поеденные молью. Она взяла чулки в сетку и прорезала в них дыры. И самостоятельно придумала костюм, отвечавший характеру и положению Шери: потрепанный, но все же дерзковызывающий, убогий, но не лишенный особого шика.

Мэрилин пожертвовала даже "самым святым": своим имиджем блондинки (неудивительно поэтому, что ее пугало, что другая блондинка перетянет одеяло на себя). Стилист перекрасил ей волосы в тусклый рыжевато-каштановый цвет, а Алан Снайдер придумал для Шери куда более грубый и невыразительный

макияж, чем тот, которым обычно пользовалась Мэрилин, — много мучнисто-белой пудры, светло-розовая помада, светло-коричневый карандаш для бровей.

Но и это было сущими пустяками по сравнению с тем, что Мэрилин, столько лет и сил потратившей для того, чтобы стать хорошей актрисой, теперь требовалось сыграть плохую актрису. И плохую певицу. При том что эпизод, где Шери-Мэрилин поет песню "Старинная черная магия", один из самых важных в картине — ведь именно тогда в героиню влюбляется неотесанный и пылкий ковбой.

"Автобусная остановка" заставляет поверить, что Мэрилин не напрасно читала романы Достоевского. Ее трактовка образа Шери очень близка к классической теме "униженных и оскорбленных", "маленьких людей", сохранивших гордость и надежду.

Фильм удивил критиков. Они писали: Мэрилин Монро "наконец доказала, что она настоящая актриса", "ее игра в этой картине показывает, что она настоящая играющая звезда, а не просто секс-символ и шикарная штучка, какой слыла до сих пор".

Удивил он и зрителей. Предсказать это заранее было сложно, и создатели фильма в известной мере рисковали, — но все же публика приняла новую Мэрилин и ее грустную, обаятельную, ершистую Шери.

Съемки "Автобусной остановки" завершились в конце мая.

День своего тридцатилетия Мэрилин отметила нетривиально — 1 июня она встретилась с президентом Индонезии Сукарно. Он находился в США с официальным визитом, а в Лос-Анджелес приехал специально для того, чтобы познакомиться с миром американской киноиндустрии. Сукарно гордился тем, что смотрит "три-четыре голливудских фильма в неделю", и очень хотел увидеться с Мэрилин Монро. Главное впечатление, которое вынесла кинозвезда из встречи с индонезийским правителем и национальным героем, было таким: "Он все время смотрел на мои ноги, хотя, казалось бы, при наличии пяти жен ему должно было уже изрядно поднадоесть это дело!"

Мэрилин Монро и президент Индонезии Сукарно

Есть версия, что между актрисой и прогрессивным и любвеобильным политическим деятелем возник взаимный интерес, и история имела продолжение. Есть и мнение, что ЦРУ пыталось подстроить роман Монро и Сукарно, чтобы скомпрометировать строптивого индонезийца в глазах СССР и стран соцлагеря. Как бы там ни было, скандала из этого раздуть никому не удалось.

2 июня Мэрилин вылетела в Нью-Йорк. 12-го к ней присоединился Артур Миллер, накануне получивший развод. Через неделю Мэрилин сообщила, что хочет изменить завещание и оставить все свое имущество Миллеру. В итоге она завещала Артуру $^{7}/_{8}$ своего состояния, остальное предназначалось на оплату ухода за ее матерью.

Мэрилин была готова отдать Артуру все, что имела, после смерти, но все еще не понимала, хочет ли связать с ним жизнь. И это несмотря на то, что ради нее он уже прошел через мучительную со всех точек зрения процедуру развода. Она по-прежнему считала Артура самым интересным, умным, глубоким из всех людей, которые ей когда-либо встречались. С ним

Мэрилин превращалась в хрестоматийно-идеальную "женщину, умеющую слушать". Один их друг говорил: "Она мастерски слушала и впитывала информацию, а он был мастером слова и передачи сведений. Он все время читал ей целые лекции, просто гипнотизировал ее. Она впитывала его слова как губка".

Однако Мэрилин колебалась и на вопрос о браке, хотя все вроде бы было давно решено, не отвечала ни "да", ни "нет". Не исключено, что именно теперь, когда возможность супружеского счастья с Артуром была наконец так близко, Мэрилин задумалась: а любит ли она его по-настоящему? Не исключено и то, что, считая Миллера — человека, чей портрет столько лет стоял на ее прикроватной тумбочке, — неизмеримо и недосягаемо превосходящим ее по интеллектуальному развитию, она спрашивала себя: а не разочаруется ли он в ней однажды?

Не только это омрачало летние дни, проведенные Мэрилин и Артуром вместе. 21 июня Миллер должен был предстать перед Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности при Конгрессе США в Вашингтоне.

Как уже говорилось, ФБР давно собирало компромат на Миллера. Но, по сути, ни федеральное бюро, ни Комиссия сенатора Маккарти так и не сумели докопаться до чего-либо действительно серьезного.

Однако расплывчатой формулировки "сочувствие красным" в США эпохи "охоты на ведьм" вполне хватало, чтобы разрушить человеку карьеру, лишить его работы и перспектив на будущее, сделать персоной нон грата. А Миллер никогда особенно и не скрывал, что в некоторых аспектах идеи "левых" ему близки.

Доказательств членства Миллера в коммунистической партии у Комиссии не было. Он же спокойно сознавался, что, хотя в партии никогда не состоял, никаких заданий не выполнял, не подчинялся никакой партийной дисциплине, не имеет сейчас никаких контактов с "красными" и счел бы катастрофой, если бы они захватили власть, — посещал еще до Второй мировой войны курсы по марксизму и в свое время участвовал в нескольких встречах литераторов, организованных коммунистами.

"Инквизиторы" немедленно уцепились за это. И потребовали от Миллера назвать имена тех, кого он видел на этих встречах.

Он наотрез отказался: "Я не могу упоминать имя человека и доставлять ему неприятности. Насколько мне известно, те люди были писателями и поэтами, а жизнь литературного работника, какой бы она ни казалась со стороны, и так довольно тяжела. И мне не хотелось бы для кого бы то ни было создавать дополнительные трудности. Я прошу вас этот вопрос мне больше не задавать".

(В сходном положении оказался четырьмя годами раньше Миллера его друг Элиа Казан, вызванный на Комиссию в 1952-м. Как упоминалось, он, в отличие от Миллера, был в 30-х членом коммунистической партии. И — опять же, в отличие от Миллера — выдал Комиссии своих бывших товарищей, чтобы не угодить в "черный список". Многих этот малодушный поступок оттолкнул от Казана. Говорили, что он "продал душу за плавательный бассейн".)

Отказ от сотрудничества послужил предлогом для того, чтобы возбудить против Артура Миллера дело о неуважении к закону и начать судебный процесс, который тянулся целых два года.

При этом "за кулисами" Миллера попытались подкупить довольно забавным, если смотреть со стороны, способом. Ему пообещали, что все проблемы будут решены, если он уговорит Мэрилин Монро сфотографироваться с конгрессменом Уолтером. Артур отказался и от этого, вдобавок предал тайное предложение огласке.

Заседание Комиссии транслировалось на все Соединенные Штаты по телевидению. Мэрилин, конечно же, с волнением слушала речь Артура. И вдруг услышала, как он говорит о своем намерении поехать в Лондон — потому что там будет ставиться его пьеса "Вид с моста" и потому что туда собирается на съемки актриса, которая вскоре выйдет за него замуж. "Я женюсь на мисс Мэрилин Монро перед ее отъездом в Англию, который запланирован на 13 июля. По приезде в Лондон она уже будет миссис Миллер".

Мэрилин страшно рассердилась. Или, по крайней мере, сделала вид, что рассердилась, перед Ростенами и Гринами, которых немедля обзвонила. Ведь она не давала Артуру окончательного ответа! Как он смел сделать такое заявление на всю страну, не посоветовавшись с ней?!

Пока она бушевала, репортеры осадили ее квартиру на Саттон-плэйс. Мэрилин ничего не оставалось, как подтвердить слова Артура. Ведь теперь колебания означали бы предательство.

Миллер и Монро сбежали от любопытствующей общественности в городок Роксбери в штате Коннектикут, где в то время находились родители Артура. Смирившаяся, похоже, с судьбой Мэрилин вознамерилась стать Артуру "хорошей еврейской женой" — как когда-то хотела стать "хорошей итальянской женой" Джо Ди Маджио. Она училась у Августы готовить гефилте-фиш и цимес и прошла ускоренный курс иудаизма у раввина-реформиста.

Укрыться от прессы не удалось и там. Беззастенчивые

журналисты ночевали в палатках во дворе дома.

Артур кое-как успокоил их, назначив на 29 июня (в день, вечером которого им с Мэрилин предстояло пожениться) пресс-конференцию. До мероприятия Мэрилин, Миллер и его родители хотели в тихом семейном кругу посидеть за ленчем у живших в Роксберри родственников. Дотошная журналистка Мара Щербатофф, русская аристократка и представитель французского журнала "Paris Match" в Нью-Йорке, решила подловить жениха и невесту, чтобы разжиться какими-нибудь эксклюзивными сведениями. Вместе со своим шофером она дождалась, пока Монро и Миллер сядут в машину, чтобы отправиться на ленч, и бросилась вдогонку. Шофер не знал дороги, крутой поворот не был обозначен на карте — и автомобиль Мары врезался в дерево. Мара вылетела через ветровое стекло, осколок которого перерезал ей артерию. Ее успели доставить живой в больницу, но несчастная женщина умерла на операционном столе.

Трагедия произошла в час дня. В четыре Мэрилин (которая не могла не счесть случившееся скверным предзнаменованием) и Артур провели пресс-конференцию. Еще через три часа они, в будничной одежде, захватив одолженные у родин обручальные кольца, втайне от журналистов обменялись обещаниями в окружном суде. Гражданская процедура тоже была будничной и очень быстрой — она заняла меньше пяти минут.

По-настоящему — также по секрету от прессы, — с нарядами, гостями и угощением, свадьбу отпраздновали 1 июля. На церемонии по еврейскому обряду (как того хотела Мэрилин) Артур надел молодой жене на палец золотое кольцо с гравировкой: "М. от А., июня 1956. Сейчас и всегда". А она написала на обороте свадебной фотографии: "Надежда. Надежда. Надежда". Поданный в саду обед был великолепен. Писатель и актриса целовались и обнимались, как влюбленные подростки. Норман Ростен вспоминал: "Это было похоже на сказку, ставшую явью. Появился принц — принцесса была им спасена".

Но до этого в запертой изнутри комнате Мэрилин плакала в объятиях Милтона и Эми. Оми, как могли, утешали ее: она не обязана быть женой Миллера, если не хочет; можно извиниться перед раввином и гостями, можно завтра же подать на развод. Мэрилин со слабой улыбкой сквозь слезы качала головой…

Меньше чем через две недели Монро и Миллер, как и было запланировано, вылетели в Лондон. 18 июля актеры под руководством Лоуренса Оливье начали репетиции. 7 августа начались съемки фильма по пьесе "Спящий принц", в киноверсии — "Принц и танцовщица". Костюмированной веселой комедии про вещи, в общем-то, не смешные — политику и любовь..

Явление Мэрилин Монро британцам было поистине триумфальным. Вместе с ней и Артуром на берега Альбиона прибыли Страсберги и Грины. В аэропорту их ждали Лоуренс Оливье, Вивьен Ли и толпа репортеров, одного из которых сбили с ног разгоряченные собратья по перу и фотокамере. От аэропорта отъехал кортеж из трех десятков автомобилей. Все эти машины везли не только людей, но и множество вещей. Лишь у Мэрилин и ее мужа было 27 чемоданов, баулов и сумок (пожитки Артура поместились всего в трех).

Англичане встретили Монро с предсказуемым ажиотажем.

"Газеты по всей стране состязались друг с другом в дурацких заголовках и охотно печатали о Мэрилин несусветную чушь, — пишет Энтони Саммерс. — Рассказы о ее прибытии были помещены на первых страницах, потеснив исполненную тревог речь премьер-министра Энтони Идена о том, что Англия стоит на грани экономической катастрофы. Одна газета, подарившая Мэрилин велосипед для катания по английским сельским дорогам, потом посетовала, что на нем катаются слуги актрисы. Пожилые леди вышивали портрет Мэрилин серебряными и золотыми нитями. Актрису приглашали на крикетные матчи, тетеревиную охоту в Шотландию, а также отведать рыбы с хрустящим жареным картофелем в компании стиляг. Под окнами Мэрилин группа студентов распевала непристойные песни и — 23-й псалом".

Лоуренсу Оливье работать с Мэрилин Монро было, мягко говоря, непросто. Он — столь же мягко говоря — не обладал терпением Логана. А терпение режиссера и других членов съемочной группы Мэрилин, как у нее было заведено, испытывала постоянно.

Одним из помощников Оливье был 23-летний Колин Кларк, "мальчик из хорошей семьи", сын друзей Лоуренса и Вивьен. Он вел дневники, опубликованные позже под заглавиями "Принц, танцовщица и я" (1995 год) и "Моя неделя с Мэрилин" (2000). (Последняя книга легла в основу художественного фильма "Семь дней и ночей с Мэрилин Монро".)

Вот как Кларк описывает в своих дневниках рядовую, штатную ситуацию в студии:

"Съемки в тот день шли по уже ставшей привычной модели. Мы все ждем появления Мэрилин на площадке, под лампами рабочего освещения. Каждые четверть часа Оливье просит Дэвида сходить в гримерную Мэрилин и узнать, когда она будет готова. Дэвид — профессионал старой закалки. Он твердо верит в субординацию.

— Колин! — кричит он.

— Да, Дэвид?

— Сходи в гримерную мисс Монро и спроси, когда она будет готова.

Это, разумеется, ее передвижная гримерная. Она находится прямо здесь, в павильоне киностудии. Снаружи эта штука выглядит как жилой автоприцеп на участке строительных работ. Внутри — приглушенный свет и бежевые тона, как в Парксайд-Хаусе.

Я стучу в тонкую металлическую дверь. На стук отзываются гример или костюмерша. "Еще нет", — шепчут они. Мы все будто бы ждем, пока кто-то родит.

В конце концов без всякого предупреждения двери распахиваются и появляется Мэрилин. Она выглядит сногсшибательно в изумительном белом наряде, который сшил для нее Бамбл Доусон специально для роли Элси Марины. Мэрилин высоко держит голову, на ее губах играет легкая улыбка, огромные глаза широко раскрыты, взгляд устремлен на площадку. Мэрилин готова. Мэрилин собирается сделать это прямо сейчас или умереть.

Дэвид дает сигнал к началу работы (у него очень громкий командный голос, что в его случае необходимо, так как на площадке присутствуют пятьдесят с лишним человек, сгорающих от нетерпения). Один за другим загораются прожектора, издавая жуткий металлический лязг.

И тут на лице Мэрилин появляется испуг. Пола, которая всегда держится ровно в дюйме от ее локтя, исступленно начинает шептать ей что-то на ухо. Мэрилин колеблется долю секунды… и совершенно теряется.

Вместо того чтобы занять свое место перед камерой, она резко сворачивает в сторону и идет к креслу для отдыха, которое стоит поблизости. Пола, гример, парикмахер и костюмерша следуют за ней. Теперь Мэрилин нужно начать все сначала: собраться с духом, настроиться; только на этот раз уже включены все осветительные приборы и команда готова к работе. Когда Мэрилин полностью теряет самообладание, по ее шее и щекам разливается ярко-красный румянец и она вынуждена вернуться в гримерную и лечь. А это значит, что платье и парик придется снять, и пройдет еще как минимум два часа, прежде чем мы сможем возобновить работу. Это и впрямь чудо, что нам вообще что-то удается сделать".

Юный Колин Кларк, которому на неделю довелось стать личным помощником актрисы, само собой разумеется, влюбился в нее.

Близок к этому чувству был и куда более зрелый Лоуренс

Оливье. И, вполне вероятно, подумывал о легком "производственном романе". Но только до тех пор, пока не начались съемки. Вскоре он готов был задушить Мэрилин собственными руками. А еще с большим удовольствием он придушил бы Полу (для которой Ли Страсберг вытребовал на этот раз уж вовсе непомерное жалованье). Как и Логан, Оливье отчаянно протестовал против присутствия наставницы Монро на съемочной площадке. Однажды он нечаянно услышал разговор двух женщин. Точнее, монолог Полы, обращенный к Мэрилин: "Моя дорогая, ты до сих пор никак не можешь понять важности твоего положения для мира. Ты величайшая женщина своего времени, величайшая личность эпохи, да и всех времен. Ты не назовешь ни одного человека, — я имею в виду, и самого Христа, — который по популярности превосходил бы тебя".

Это укрепило сэра Лоуренса в и без того уже сложившемся мнении: "Пола ничего не знала; она не была ни актрисой, ни режиссером, ни учителем, ни консультантам, никем. Всем она была, видимо, лишь в глазах Мэрилин, потому что обладала одним талантом: умела умасливать ее".

Оливье выводила из себя нерушимая преданность Мэрилин Поле и Ли Страсбергам — и Методу, который в глазах английского режиссера был всего-навсего бесполезным высоколобым умничаньем.

"Мэрилин, пожалуйста, просто будь сексуальной, и всё", — повторял Оливье актрисе. И подобными репликами, в свою очередь, выводил из себя ее. Монро считала, что сэр Лоуренс нисколько не уважает ее, и в этом-то и кроется корень всех проблем.

Однако к ссоре, произошедшей между Артуром Миллером и Мэрилин всего-то через две-три недели после свадьбы, в первые дни пребывания супругов в Лондоне, Оливье точно не имел никакого отношения.

Мэрилин нашла неосторожно оставленный мужем на столе дневник и не устояла перед искушением заглянуть в него. Дневник был раскрыт на странице, подтвердившей самые худшие опасения молодой женщины. Оказалось, что не только она долго колебалась, прежде чем решиться на брак. И что предчувствие, что когда-нибудь Артур разочаруется в ней, сбылось гораздо раньше, чем она думала. Он уже был разочарован. Он сетовал, что вместо взрослой женщины получил ребенка, избалованного, капризного, испорченного ребенка. Он вздыхал о том, что ум Мэрилин неразвит. Он спрашивал себе, не навредит ли союз с ней его карьере. И при этом не стеснялся в выражениях. "Он назвал меня сучкой!" — жаловалась своей сестре Бернис обескураженная

и глубоко оскорбленная Мэрилин.

Конечно, ее нисколько не успокоили суетливые объяснения Артура, что написанное — наброски для будущей пьесы, а вовсе не его размышления о собственном браке. А многие впоследствии полагали, что Миллер нарочно "забыл" дневник, чтобы жена нашла его, возмутилась и подала на развод. Она этого не сделала. До развода было еще далеко, но брак их дал первую трещину.

По некой парадоксальной, но очень распространенной логике человеческих взаимоотношений после этого инцидента Мэрилин еще больше начала цепляться за Артура, еще больше нуждалась в его поддержке. А он уезжал из Лондона — то в Париж, пообщаться со своим литагентом и навестить друзей, артистов Ива Монтана и Симону Синьоре, то в Нью-Йорк, к заболевшей дочке Джейн. Предлоги каждый раз выглядели благовидными, но Мэрилин считала, что Артур попросту сбегает от нее, бросает в трудную минуту.

Во время съемок "Принца и танцовщицы", напряженное со всех точек зрения, у Мэрилин случилось сильное маточное кровотечение. До сих пор неясно, была ли это беременность, окончившаяся выкидышем, или недомогание, вызванное стрессом.

"Это и впрямь чудо, что нам вообще что-то удается сделать", — словами Колина Кларка можно было бы охарактеризовать весь период работы над "Принцем и танцовщицей".

Но чудо заключалось еще и в том, что Мэрилин, несмотря на все невзгоды и конфликты, сыграла свою роль великолепно.

И в этом в очередной раз наглядно проявилась противоречивость ее натуры. Кинооператор Джек Кардифф — тот самый, который сказал, что, хотя Мэрилин Монро напоминала мимозу, она была словно выкована из стали, — тонко подметил: "Разумеется, психику Мэрилин характеризовала некоторая дихотомия, трудно постигаемая теми, кому доводилось с ней сотрудничать: с одной стороны, она глубоко жаждала стать настоящей актрисой, с которой все бы считались, с другой — не соблюдала дисциплину, постоянно опаздывала. Думаю, все это вытекало из страха быть отвергнутой, потерпеть поражение".

Даже суровый сэр Лоуренс Оливье признал, что Мэрилин была "замечательна в этом фильме", что она затмила своей игрой его самого, прославленного британского актера, и что все это "стоило потраченных нервов".

Пожалуй, интереснее всех маститых критиков о роли Монро высказался ее нью-йоркский приятель Джеймс Хаспил: "Здесь, в этом фильме, Мэрилин больше всего похожа на себя в реальной

жизни. Это ее истинный голос. Именно так она говорит о людях. Это ее настоящий цвет волос".

Л. Оливье и Мэрилин Монро в фильме "Принц и танцовщица"

Напомним, что речь шла о костюмированной картине, в которой Мэрилин представала перед зрителями затянутой в корсет, в длинных юбках и с высокими прическами по моде начала XX века.

В этом фильме о Золушке, которая нашла принца, но потеряла его — ведь в реальности принцы женятся на золушках так редко! — Мэрилин продемонстрировала всю мощь своего комедийного дарования и создала сложный характер, почти столь же противоречивый, сколь ее собственный. Ее Элси Марина не умеет пользоваться столовыми приборами, обжирается и отпускает сомнительные шуточки в присутствии знати, — но вмешивается в политическую интригу и предотвращает государственный переворот. Способна полюбить всем сердцем — но способна и отказаться от своей любви с грустным и мудрым вздохом.

К концу съемок отношения между сэром Лоуренсом и Мэрилин потеплели. Вдвоем они подстроили шутку, мало кому понятную, кроме них двоих. В эпизоде, идущем в фильме одним из первых, но снимавшимся одним из последних, Элси Марина кланяется принцу, и… бретелька ее открытого платья лопается.

Совсем как на памятной пресс-конференции 9 февраля!

По просьбе Оливье, но искренне и сердечно Мэрилин извинилась перед товарищами по съемочной группе за все хлопоты, которые им доставила.

Незадолго до отъезда в США Монро удостоилась чести быть представленной ее величеству Елизавете II. Две известные на весь мир женщины, две ровесницы, королева и актриса разглядывали друг друга с любопытством и симпатией. От фотографа, снимавшего это событие, не укрылось, с каким удивлением Елизавета смотрит на выдающий во всех отношениях бюст Мэрилин.

Этот бюст — разумеется, вместе со всем, что к нему прилагалось, — был воспроизведен английским скульптором в воске. Статуя Мэрилин Монро с бокалом шампанского в руке и по сей день стоит в лондонском Музее восковых фигур мадам Тюссо.

Глава 12
"КИНО — ЭТО МОЙ БИЗНЕС, А АРТУР — МОЯ ЖИЗНЬ"

22 ноября 1956 года Миллер и Монро вылетели из Лондона в Нью-Йорк. Весь остаток этого и весь следующий год Мэрилин посвятила попыткам наладить свою семейную жизнь, разлад в которой наметился с самого начала.

Они с Артуром устроили себе запоздалый медовый месяц — отправились на Ямайку, в деревушку с поэтичным названием Мутпойнт ("Место встреч"). А по возвращении сняли просторную квартиру на Восточной 57-й улице в Манхэттене. Мэрилин обставила ее так же, как и все жилища, которые имела возможность обставлять по собственному вкусу, — белые стены, мебель в белых чехлах, белые шторы. И маленький белый концертный рояль. Каким-то чудом Мэрилин умудрилась раздобыть и вернуть себе память о детстве — тот самый музыкальный инструмент, принадлежавший когда-то Фредрику Марчу и купленный Глэдис Бейкер для своей дочки.

Эту квартиру на 13-м этаже небоскреба супруги и их друзья прозвали "Апартаментами Мэрилин". Казалось, что между ее обитателями воцарилась совершеннейшая идиллия и все плохое позабыто. Приятель Миллера Джим Проктор вспоминал: "Я думаю, что не видел двух других людей, которые так, до умопомрачения, были бы влюблены друг в друга…"

Мэрилин очень сдружилась с родителями мужа, Айседором и Августой, причем эта дружба пережила ее брак с Миллером. Она привязалась и к детям Артура, Мэри, Грейс, Джейн и Роберту, и нередко забирала их после уроков из школы и везла на прогулку. Она сама ходила каждое утро за продуктами. "Как будто у меня в этом мире есть реальная цель. Я не возражаю против этого, — говорила она в данном в то время интервью. — В последнее время мне кажется, что мне очень нравится эта простая жизнь". Говорила она и так: "Кино — это мой бизнес, а Артур — моя жизнь. Где он, там и я. Когда мы в Нью-Йорке, Артур — хозяин".

Кинозвезда проводила долгие часы на кухне, стряпая под руководством своего повара, и заботливо приносила горячий кофе в кабинет Артура, когда он работал. В то время Миллер написал несколько рассказов. В том числе и новеллу "Неприкаянные", которую позднее по совету Сэма Шоу переделал в сценарий фильма, куда вписал роль для Мэрилин. В планах у

него также был сценарий римейка немецкой картины 1930 года "Голубой ангел". Мэрилин Монро в новом, американском "Голубом ангеле" должна была затмить саму Марлен Дитрих!

На самом деле, конечно, никто ничего не позабыл. Тревожащие воспоминания черным камнем лежали на дне души у каждого из беззаботно счастливых с виду супругов. Но оба искренне хотели, чтобы их союз удался. Похоже, несмотря ни на что, они все-таки действительно очень любили друг друга. Недаром же Мэрилин прожила в браке с Артуром четыре с половиной года — гораздо дольше, чем с кем-либо из двух других ее мужей.

Тем временем над компанией "Marilyn Monroe Production" сгущались тучи. Дело было в распрях между приближенными Мэрилин — Миллером, Страсбергами и Гринами. Искры летали еще на съемках "Принца и танцовщицы" в Лондоне, где присутствовала вся эта недружная компания. Артур, Ли и Пола, Милтон подозревали друг друга в корысти, в намерении погреть руки возле славы и состояния Монро, в желании заполучить контроль над управлением "ММР" — и над самой Мэрилин.

В итоге Миллеру удалось восстановить жену против Милтона Грина — верного Милтона, может быть, и вправду не совсем бескорыстного, но в свое время не жалевшего для Мэрилин ни сил, ни денег и не остановившегося перед тем, чтобы заложить ради нее свой дом.

Грина вышвырнули из компании, создание которой было его идеей, и Артур поставил на его место "своего человека".

12—24 мая 1957 года в Вашингтоне шел суд над Артуром Миллером. Если бы его адвокаты не сумели защитить клиента от обвинения в неуважении к закону, Миллера могли бы посадить на два года в тюрьму и взыскать с него штраф в размере двух тысяч долларов.

Мэрилин тоже защищала мужа — уже тем, что полностью и безоговорочно встала на его сторону, хотя это грозило ее карьере, тем, что отправилась с ним в Вашингтон и представала перед прессой живым олицетворением невинности в белоснежном одеянии.

Позже, в 1960 году, она скажет в интервью: "Некоторые ублюдки в Голливуде хотели, чтобы я бросила Артура, они говорили, что он погубит мою карьеру. Они родились трусами и хотели бы, чтобы и другие были подобны им. Одна из причин того, почему я хочу победы Кеннеди, состоит в том, что Никсон причастен к происшедшему".

(Самое абсурдное, пожалуй, донесение в досье, составленном ФБР на Мэрилин Монро, гласило, что брак актрисы с Миллером

был фиктивным и устроили его коммунисты для удобства финансирования американской компартии из-за границы.)

Миллер был признан виновным, но его адвокаты подали аппеляцию и спустя год добились полного оправдания.

Мэрилин по-прежнему прилежно посещала психотерапевтические сеансы. В Лондоне прилетевшая к пациентке, как было и на съемках "Автобусной остановки", Маргарет Хохенберг свела ее со своей подругой, дочерью и продолжательницей дела Зигмунда Фрейда Анной. А теперь другая нью-йоркская приятельница Анны Фрейд, Марианна Крис, вытеснила саму Хохенберг.

Польза, которую извлекла Монро из лечения у доктора Крис, довольно сомнительна. Впрочем, не до конца понятно, приносили ли актрисе сеансы психотерапии пользу вообще. И Хохенберг, и Анна Фрейд, и Крис, и другие их коллеги с головой окунали пациентку в ее печальное детство. Мэрилин позже жаловалась, что чувствует себя так, словно вращается по кругу. "Меня все время спрашивали, что я тогда ощущала и почему, по моему мнению, мать поступила именно так, — словом, выясняли не то, куда я движусь, а где нахожусь сейчас. Но я и так знаю, где нахожусь. А мне бы хотелось знать, могу ли я это использовать невзирая на то, куда движусь!"

Возможно, не так уж неправ был Билли Уайлдер, когда говорил: "В этом мире существуют замечательные плутишки, подобные Монро. В один прекрасный день они оказываются на кушетке психоаналитика и выходят от него мрачными, зажатыми существами. Для Монро лучше не пытаться исправиться. Ее очарование заключается в том, что у нее обе ноги левые".

(Верно и то, что с тех пор как существуют психотерапии и психоанализ, всегда находятся те, у кого они вызывают скепсис в принципе.)

Вернувшись из Вашингтона, Мэрилин и Артур сняли дом в Амангасетте, прелестной старинной деревушке на Лонг-Айленде. Здесь Мэрилин подолгу наслаждалась одиночеством, читая, гуляя по берегу или рисуя акварелью, а когда хотела — навещала живших неподалеку Ростенов. Артур каждый день ходил с ней на пляж. Тем летом Мэрилин выглядела то весело-взбудораженной, то грустной и растерянной. В июле она сказала мужу, что беременна.

Ей отчаянно хотелось родить этого ребенка, ребенка Артура. Неизвестно, стала бы ли она лучшей матерью, чем Глэдис Бейкер или Делла Монро, но детей Мэрилин очень любила, обожала возиться с маленькой Патти Ростен, с Джейн и Робертом Миллерами, с дочкой Уайти Снайдера. Она была убеждена, что

носит под сердцем девочку. Она придумывала ей имя. Она представляла себе, как ее дочь будет играть на маленьком белом рояле, переехавшем из Лос-Анджелеса в Нью-Йорк.

"Когда я была маленькой, никто из множества людей, с которыми я жила, не говорил, обращаясь ко мне: "Милая". Я хочу, чтобы моя маленькая девочка все время улыбалась. Всем маленьким девочкам нужно говорить, какие они милые, и я собираюсь все время говорить это своей дочке".

Но 1 августа у нее произошел выкидыш. Беременность была внематочной. Потеря подкосила Мэрилин. Вдобавок, выписавшись из больницы, она получила письмо от собственной матери. Бессердечие Глэдис можно объяснить разве что психическим расстройством. Она писала, что, по ее мнению, случившееся только к лучшему, поскольку Мэрилин не готова к материнству и к налагаемым им обязанностям. (И в самом деле, кто, как не Глэдис Бейкер, ведал толк в материнских обязанностях?) "Ты безответственный человек, дорогое мое дитя".

Слова Глэдис прозвучали приговором, и хуже всего, что Мэрилин действительно почувствовала себя приговоренной.

Если в первый месяц пребывания в Амангасетте она впервые за много лет обходилась почти без таблеток, то теперь ей, чтобы успокоиться и уснуть, снова требовались горсти барбитуратов. Иногда Мэрилин еще и забивала лекарство шампанским — и потом целыми днями бродила по дому сомнамбулой, шатаясь от слабости.

Неудачная беременность стала еще одной трещиной в браке Монро с Миллером, хотя тут уж он точно не был ни в чем виноват. Артур всячески поддерживал жену. А журналистам на их довольно бестактные в данной ситуации вопросы говорил: "Она хочет иметь столько детей, сколько получится, я хочу того же. В ней больше отваги, чем в ком бы то ни было".

Но в конце лета и осенью 1957 года никакой отваги у Мэрилин не наблюдалось.

Зимой Монро отвлеклась от своих горестей на обустройство "Фермы Артура" — большой крестьянской усадьбы, неплохо сохранившейся с XVIII века. Купленная Миллером (хотя в основном на средства жены) неподалеку от его старого жилища в Коннектикуте, близ Роксберри, "Ферма" должна была стать постоянным пристанищем семьи. Супруги мечтали, что здесь вырастут их дети.

Соседи приняли новичков радушно, хотя и не без некоторого удивления.

"Эти американские сквайры воспринимали Мэрилин как Марию-Антуанетту, разыгрывавшую из себя деревенскую

девчонку, — пишет Энтони Саммерс. — Здесь, как нигде, могла она проявить свою любовь ко всему живому. Своего пса Хьюго, вымокшего на дожде и грязного, она впускала в только что прибранную гостиную. Под свою опеку Мэрилин взяла умиравшую от голода Синди, полукровку, неизвестно какой породы, приковылявшую на задний двор. На сцене устроила она кормушки для птиц и постоянно сокрушалась о том, как трудно птицам питаться во время сезонных перелетов. Она приобрела двух длиннохвостых говорящих попугаев, которые с тех пор совершали многократные перелеты в Голливуд и обратно. Своего любимца Батча она пронесла тайком на борт самолета, летевшего в Нью-Йорк. В пути птица оживилась и пронзительно закричала: "Я птичка Мэрилин, я птичка Мэрилин!""

Покупка "Фермы Артура" была очередной попыткой Монро и Миллера обрести счастье в семейной жизни. Но одна из проблем состояла в том, что жизнь эта осуществлялась почти полностью на деньги Мэрилин. И, хотя Мэри Грейс много лет содержала Артура, повторение ситуации во втором браке сильно тяготило его. Миллер не хотел быть альфонсом при богатой и знаменитой жене. В конце концов, это шло вразрез с его отношением к Мэрилин как к маленькой девочке, нуждающейся в опеке и покровительстве.

Мэрилин, в свою очередь, тоже начинал тяготить затянувшийся "отпуск". Она соскучилась по работе. И все чаще задумывалась о новом возвращении в Голливуд.

Забавно, но и драматично, что во время отсутствия Мэрилин Монро голливудские магнаты занялись выращиванием ее клонов.

"Например, в "Fox" монополией на обесцвечивание волос перекисью располагала Джейн Мэнсфилд, носившая знаменитое платье из златотканой парчи, в котором Мэрилин блистала в ленте "Джентльмены предпочитают блондинок", — пишет Дональд Спото, — а Шерри Норт унаследовала от Мэрилин из гой же картины красное платье, украшенное жемчужинками. В студии "Universal International" ее слишком тесные бюстгальтеры из двух фильмов дали напрокат Мэми ван Дорен; облегающий корсаж из "Реки, не текущей вспять", был передан Корин Калве, игравшей в картине "Река Паудер"; в белом складчатом платье Мэрилин из "Зуда седьмого года" кружилась в картине "Холостяцкая квартира" Розанна Эрлен; костюмы Мэрилин из нескольких лент носила в своих фильмах Барбара Николе. На студии "Columbia" актрису Клио Мур учили походке Мэрилин, а на студиях "MGM" и "RKO" Барбаре Лэнг, Джой Лэнсинг, Диане Доре и Беверли Майкле приходилось часами просматривать фрагменты фильмов, в которых была занята Мэрилин, анализируя ее манеру игры…

Большинству из этих женщин так никогда и не представился случай узнать, умеют ли они делать что-либо еще, кроме как пытаться верно имитировать другую актрису".

Летом 1958 года Билли Уайлдер прислал Мэрилин сценарий фильма "Некоторые любят погорячее", написанный им в соавторстве с Изи Даймондом, — веселую историю с переодеваниями, типичную комедию положений.

За основу Уайлдер и Даймонд взяли сюжет французской картины 30-х годов "Фанфары любви" и ее одноименного римейка 1951 года, снятого в Германии, но переработали его самым радикальным образом. Действие, как и в фильмах-источниках, крутилось вокруг двух музыкантов, вынужденных притворяться женщинами, но было перенесено в США конца 20-х годов — в эпоху сухого закона и Великой депрессии. Билли и Изи вписали в сценарий аллюзию на реальное историческое событие: "бойню в День святого Валентина" — организованный по приказанию Аль Капоне расстрел членов конкурирующего мафиозного клана 14 февраля 1929 года в Чикаго. Случайными свидетелями очень похожей разборки гангстеров становятся в "Некоторые любят погорячее" Джо (чью роль сыграл Тони Кёртис) и Джерри (Джек Леммон). И, как все мы отлично помним, прячутся от длинных рук мафии там, где их точно никто искать не будет, — в женском эстрадном оркестре.

В те времена (в 1958-м, а не 1929-м) большинство голливудских картин уже делались в цвете. И даже контракт Мэрилин предусматривал, что она должна играть исключительно в цветных лентах. Однако Уайлдер решил, что фильм "Некоторые любят погорячее" станет черно-белым. Не только и не столько оттого, что это добавляло весьма уместный в данном случае оттенок ретро, но потому, что накрашенные мужские лица смотрелись бы гротескно, и никто бы не поверил, что эти ряженые парни — такие же девушки, как окружающие их оркестрантки. Мэрилин не хотелось сниматься в ч/б, но ведь обманутой должна была быть в первую очередь ее героиня. Читая сценарий, Монро раздраженно фыркала: "Эта Душечка Кейн так тупа, что не может отличить мужчину от женщины!" Поэтому аргумент, что в черно-белом варианте иллюзия получится более правдоподобной, примирил ее с замыслом режиссера.

Мэрилин, как всегда, была бесподобна в кадре и невыносима на съемочной площадке. На сей раз не оттого, что опаздывала. Хотя все с облегчением выдыхали "Слава богу!", если она вообще соизволяла прийти.

И не из-за того, что постоянно советовалась, тормозя процесс, с Полой Страсберг, которая снова мозолила всем глаза своим

нарядом колдуньи — черными платьем, шляпой и очками.

И даже не из-за частых перепадов настроения. Хотя маятник раскачивался все резче. Мэрилин осыпала сотрудников нецензурной бранью, чего никогда не случалось раньше. Однажды помощник режиссера попробовал вытащить ее из гримерки, где она читала "Права человека" Томаса Пейна. Мэрилин обматерила бедолагу, послав по весьма сложносочиненному адресу. Видимо, она реализовала таким образом свои права человека, — так, как понимала их в те минуты.

Когда работа началась, Билли Уайлдер констатировал, что за время их разлуки Мэрилин повзрослела и стала более зрелой артисткой. И эта зрелая артистка стала также гораздо самоуверенней и гораздо требовательней к себе и другим.

Это выражалось, например, в том, что ни одна сцена с участием Монро не могла быть отснята меньше, чем с 15-го или 20-го дубля. Мэрилин настаивала на бесконечных повторах, пока результат не удовлетворял ее ожидания. Количество дублей могло достигать 65. Естественно, всю группу она изматывала этим физически и доводила до нервных срывов и истерик. Ее партнеру Тони Кёртису, по сюжету — влюбленному в Душечку Кейн Джо, пришлось 42 раза, 42 дубля подряд вгрызаться в ножку цыпленка, пока Мэрилин оттачивала свою реплику из двух-трех слов. После этого он надолго проникся отвращением к курятине; И не только к курятине. В сердцах Тони бросил, что целоваться с Мэрилин Монро — все равно что с Гитлером. Сказать такое об общепризнанном секс-символе! Миллионы мужчин не поняли Кёртиса. Зато его коллеги-актеры, которым доводилось работать с Мэрилин, поняли очень хорошо.

"Бывали такие дни, когда мне хотелось задушить ее, — вспоминал Билли Уайлдер, — но случались и такие чудесные моменты, когда все мы видели, насколько же она великолепна. Но Артуру, мне кажется, не нравилось ничего, и я, помнится, как-то сказал, что в лице Миллера познакомился наконец с человеком, который злится на Мэрилин еще больше меня".

Артур Миллер действительно вел себя довольно странно. Он вмешивался в работу съемочной группы с непрошеными указаниями — будто мало было самой Мэрилин и Полы Страсберг, терзал Уайлдера многословными теоретическими разглагольствованиями, а свою жену изводил публичными придирками.

Съемки окончились 6 ноября. К тому моменту Билли и Мэрилин уже видеть друг друга не могли. Уайлдер на вопрос, хочет ли он снова снять Монро в каком-нибудь своем фильме, ответил: "Я консультировался по поводу этой идеи со своим

терапевтом и со своим психиатром, и оба они посчитали меня слишком старым и слишком богатым, чтобы проходить через такое еще раз". И это было шуткой лишь отчасти. На нервной почве Билли испытывал настолько сильные боли в позвоночнике, что не мог лечь и проводил ночи в бессонных бдениях, сидя на стуле. Слегка оправившись от потрясений, в другом интервью он сказал: "У меня появился аппетит. Впервые за много месяцев я наконец в состоянии спать. Я могу спокойно смотреть на жену и у меня не появляется желание ударить ее просто потому, что она женщина".

Прочитав это интервью, Монро и Миллер отправили Уайлдеру лаконичную телеграмму: "Мэрилин Монро — соль земли". "Соль земли послала помощника режиссера куда подальше", — немедленно парировал тот.

Через несколько недель Мэрилин позвонила режиссеру, чтобы помириться с ним, — но, пока она набирала номер и ждала, когда на другом конце провода возьмут трубку, ее настроение изменилось на 180 градусов. Уайлдера не было дома, к телефону подошла его жена Одри, и кинозвезда — размеренно, четко, нарочито акцентируя каждый слог — попросила передать Билли, что он может поцеловать ее, Мэрилин, в задницу. После небольшой эффектной паузы актриса присовокупила, что Одри она, напротив, желает всего наилучшего.

Но режиссер и актриса все-таки слишком ценили друг друга, чтобы разругаться навсегда. И вскоре помирились.

А миру явилась, держа свою трогательную крошечную гавайскую гитару укулеле, Душечка Кейн — веселая, шкодливая, сострадательная и находчивая. Ее полюбили даже в Советском Союзе, где, как мы знаем, фильм поменял название на "В джазе только девушки" и подвергся обработке цензорскими ножницами.

Спустя долгие, долгие годы Билли сказал: "Мы находились в полете, и с нами летел псих. Это был ад, но в нем стоило побывать. Мэрилин была просто невыносимой, но как комедийная актриса с ее острым чувством комического диалога она была просто гениальна. Это был дар от Бога".

Фильм "Некоторые любят погорячее" получил в апреле 1960 года "Оскара" в номинации "Лучшая работа художника по костюмам (черно-белые фильмы)". Самой же Мэрилин, как ни досадно, "Оскар" ни разу так и не достался.

Примерно в то же время, когда снималась картина Уайлдера, знаменитый фотограф Ричард Аведон запечатлел Мэрилин Монро в образах выдающихся актрис прошлого: Джин Харлоу, Марлен Дитрих, Теды Бара, Клары Боу, Лиллиан Рас сел. Эту фотосессию, опубликованную в журнале "Life", Миллер назвал "страницей

истории нашей массовой фантазии на тему обольстительницы". Читатели "Life", конечно, не знали, какова оборотная сторона глянцевой страницы.

В середине сентября Мэрилин, невольно прервав съемки, попала в больницу с диагнозом "нервное истощение". Пола застала ее без сознания. Мэрилин приняла множество таблеток и пилюль, обильно запив их шампанским. До этого в таком же состоянии жену раз или два находил Артур. Были ли все эти случаи попытками самоубийства или банальными передозировками, усугубленными алкогольным опьянением, — никто не знает. О самоубийстве Мэрилин говорила часто, но ведь это в принципе не редкость для творческих впечатлительных людей с пограничной психикой. Она и Норман Ростен даже пообещали друг другу, что тот из них, кто решится покончить с собой, позвонит перед этим другому.

Той же осенью — и тоже во время съемок — Мэрилин поняла, что опять беременна. Выносить ребенка ей снова не удалось. Возможно, в этом были повинны барбитураты, возможно, больной и изможденный организм актрисы. В июне 1959-го врачи вынесли окончательный вердикт — у Мэрилин Монро никогда не будет детей.

Конец 1958-го и 1959 год Мэрилин провела в борьбе с накатывавшими приступами депрессии, в общении с друзьями, в занятиях в "Актерской студии" Ли Страсберга — и в отчаянном стремлении вернуть гармонию в свои отношения с Миллером. Иногда им все еще выпадали счастливые дни, но очень скоро рай превращался в ад. Оба попросту были слишком измучены.

И все больше разуверялись в самой возможности найти общий язык.

Осенью 1959 года США с официальным визитом посетил генеральный секретарь Компартии СССР Никита Сергеевич Хрущев. Приехал он и в Лос-Анджелес.

19 сентября голливудские боссы устроили для советского генсека банкет в ресторане, принадлежавшем "20th Century Fox". На этот банкет были приглашены Мэрилин Монро, Элизабет Тейлор и другие видные американские актеры. Здороваясь с Мэрилин, Хрущев сжал ее изящную ладошку так, что рука потом еще несколько дней болела. При этом он не отрываясь смотрел на актрису — смотрел, по убеждению Мэрилин, "как мужчина смотрит на женщину". С помощью переводчика кинозвезда и генсек мило поболтали о романе Достоевского "Братья Карамазовы" — и о снятом в 1958 году фильме, где Грушеньку сыграла Мария Шелл. Хотя Монро сама, как мы прекрасно помним, мечтала сыграть Грушеньку, она признала, что Шелл

справилась с задачей достойно. Хрущев пригласил Мэрилин в СССР, и она сказала, что очень хотела бы побывать там.

Вскоре Мэрилин снова пригласили в Голливуд — на этот раз для работы. Продюсер Джерри Уолд предложил ей сняться в комедии "Займемся любовью".

В сущности — как и Душечка Кейн — героиня "Займемся любовью" Аманда Делл была еще одной вариацией на тему "сексапильной блондинки". Но то ли Мэрилин, с ее опытом, уже не боялась таких ролей, понимая, что способна вдохнуть подлинную жизнь даже в них; то ли временно махнула рукой на свою мечту о "серьезных" драматических ролях, сочтя, что ей не суждено осуществиться в ближайшем будущем; то ли причина была куда более приземленной — Монро требовались деньги. Кинозвезда никогда не была жадной, однако привыкла жить на широкую ногу, к тому же на ее иждивении по-прежнему находился талантливый, но безденежный муж.

Аманда, но сюжету, была артисткой и играла в сатирическом мюзикле, высмеивающем миллиардера Жана-Марка Клемана. Услышав о готовящемся спектакле, Жан-Марк приходит на репетицию, где сто принимают за актера на главную роль. Клеман с первого взгляда влюбляется в хорошенькую и бойкую Аманду, поэтому не спешит развеять заблуждение.

С актером на главную мужскую роль в фильме тоже возникли сложности. Как ни странно, никто из американских кинозвезд — ни Грегори Пек, ни Кэри Грант, ни Рок Хадсон, ни Юл Бриннер — не хотели принять предложение Уолда. Возможно, они наслышались о тяготах совместной работы с Монро, а возможно, опасались, что блистательная Мэрилин затмит их.

Но французский актер и шансонье Ив Монтан не испытывал подобных опасений. Он вообще не смотрел ни одного фильма с Мэрилин Монро. Она была для него в первую очередь женой его приятеля Артура Миллера. А роль Клемана была для него заманчивой возможностью прокатиться в Голливуд, повидаться с Артуром, подзаработать и дебютировать в американском кино.

Миллер горячо одобрил такой выбор. Об Иве он говорил: "Он чудным образом подходит для роли. Они с Мэрилин очень живые люди. В каждом из них есть внутренний мотор, который вырабатывает невиданную энергию. Ив станет одной из крупных звезд американского экрана".

Монтан и его жена, известная актриса Симона Синьоре, прилетели в Лос-Анджелес в канун Рождества 1959 года. Поначалу все шло на редкость мирно и спокойно (в случае с Мэрилин никак не скажешь "своим чередом"). Днем Мэрилин, Ив и их коллеги репетировали под руководством режиссера Джорджа

Кьюкора. Вечерами теплая компания из трех супружеских пар — Монтан и Синьоре, Норман и Хедда Ростены, Миллер и Монро — отправлялась в рейды по голливудским клубам. Или тихо веселилась в отеле "Беверли-Хиллс", где Артур с Мэрилин и Ив с Симоной поселились в соседних номерах-бунгало — 20-м и 21-м.

Однажды Мэрилин устроила для своего партнера по фильму прием в кафе, принадлежавшем студии "Fox". Подняв бокал, она сказала: "Думаю, если не считать моего мужа и Марлона Брандо, Ив Монтан — самый привлекательный мужчина, какой только встречался мне в жизни".

Это не было простой светской любезностью. Ив действительно понравился Мэрилин с первого взгляда. Отчасти тем, что внешне походил на Джо Ди Маджио.

Ив, едва знавший английский, заранее подготовил для Мэрилин комплимент, записал его текст на шпаргалку и в ответ на тост прочитал вслух: "Все, что она делать, это оригинально, даже когда этот женщина просто стать и ходить. Никогда не встречать того, кто умеет так концентрировать себя. Она тяжело работать, повторять много раз одну сцену, но никогда не быть счастливой, пока все не станет получиться идеально. Она помогать мне, а я попробовать помогать ей".

"Мэрилин выглядела улыбающейся, кипящей энергией, красивой хозяйкой дома, — вспоминал о том вечере Сидней Сколски. — В ней по-прежнему присутствовала давняя прелесть, эдакие магические чары".

Однако все-таки Монтана обескураживал "стиль работы" Монро, выражавшийся в постоянных опозданиях. Однажды, когда Мэрилин вовсе не явилась на съемки, он написал ей строгую записку: "Когда в другой раз будешь ночь напролет трепаться с моей женой и слушать ее байки вместо того чтобы пойти спать, и решишь не вставать утром и не идти в студию, пожалуйста, скажи мне. Я не враг. Я твой друг. А капризные маленькие девочки никогда не забавляли меня. Всего наилучшего, Ив".

Ив Монтан

Эту записку Ив с Симоной подсунули под дверь Монро и увидели, как бумажка медленно поползла внутрь. Вечером Мэрилин, плача, попросила у них прощения.

Нет никаких сомнений, Ив уже ощущал свою власть над своенравной американской звездой.

В одной из сцен фильма Аманда-Мэрилин и Клеман-Монтан должны были целоваться, лежа в обнимку. Ее предупредили, что цензура почти наверняка вырежет этот фрагмент, поскольку происходящее слишком уж похоже на половой акт. "Но ведь мы могли бы заняться этим и стоя!" — с озорной улыбкой отреагировала Мэрилин. Скорее всего, она с удовольствием представляла себе то, о чем говорила.

Что чувствовал Миллер, видя крепнущую с каждым днем симпатию между Мэрилин и Ивом? Вполне возможно — почти ничего. Только легкую печаль… и даже своего рода благодарность. "Я готов был молиться на любого, кто мог заставить ее улыбнуться", — признался он потом. Когда супруги оставались наедине, лицо Мэрилин уже не освещалось улыбкой.

Что чувствовала Симона? В ней ревность боролась с

материнской нежностью к Мэрилин, которая напоминала ей потерявшегося ребенка, с детским любопытством слушала ее рассказы о жизни европейских актеров и не раз самозабвенно рыдала в ее объятьях.

"Она даже не подозревала, что я не испытывала к ней ни малейшей неприязни и хорошо все понимала… — написала позже Синьоре в своей автобиографии. — Она умерла, так и не узнав, что я никогда не расставалась с шелковым шарфиком цвета шампанского, который она подарила мне. Сейчас он уже несколько поистрепался, но я аккуратно сворачиваю его, и ничего не видно".

Зимой — весной 1960 года Артур часто отлучатся — то в Ирландию, где в гостях у режиссера Джона Хьюстона дописывал сценарий "Неприкаянных" (и Миллер, и Монро все еще надеялись, что этот фильм неким волшебным образом вновь соединит их), то в Нью-Йорк, к заболевшей Джейн. В Рино, штат Невада, они с Мэрилин отправились вместе — искать натуру для съемок "Неприкаянных". Но Мэрилин вернулась в Лос-Анджелес куда раньше, чем ее муж.

Уехала и Симона — во Францию, на съемки, перед этим получив "Оскар" за роль в английском фильме "Путь наверх".

Еще перед отъездом в Неваду произошло событие, которое еще больше ухудшило отношения Мэрилин и Артура. В марте объявили забастовку Союз литераторов и Союз киноактеров. Сценарий "Займемся любовью" требовал доработок — и найти для этого писателя стало почти немыслимым. Однако Миллер согласился взяться за работу. Хотя речь шла о фильме, в котором снималась Монро, она пришла в недоумение от беспринципности мужа и сочла его штрейкбрехером. Когда-то Миллер был для нее эталоном человеческой порядочности. И, пусть их любовь умирала, ей хотелось сохранить к нему хотя бы уважение.

В конце апреля Мэрилин простудилась. Когда она вечером лежала, ежась под одеялом, в своем бунгало, Монтан зашел к ней, чтобы узнать, как она себя чувствует, и не принести ли ей чего-нибудь выпить. А потом…

"Я наклонился, чтобы поцеловать ее на прощание и пожелать спокойной ночи, но вдруг поцелуй стал бурным — он напоминал пожар, ураган, я не мог перестать ее целовать".

Обоим было понятно, что их связь не имеет будущего. Их роман длился до конца съемок — несколько апрельских дней, май и июнь.

"Показания" Монтана в интервью и мемуарах противоречивы; вероятно, столь же противоречивыми были его эмоции. То он говорил, что инициатива принадлежала Монро, а он не мог

оттолкнуть ее, поскольку "всецело зависел от ее доброй воли" и хотел продолжать с ней работать. То — что охотно женился бы на Мэрилин, если бы не их браки с Симоной и Артуром.

Скрыть роман любовникам не удалось. Репортеры следили за каждым их шагом, буквально засев в кустах напротив бунгало № 20 и 21. Был пущен слух, что Миллер застал жену и друга в постели, когда неожиданно вспомнил о забытой в спальне трубке. В любом случае, поднимать скандал он не стал. Это за него сделала пресса.

И по сей день одни биографы считают, что Монро восприняла разрыв с Ивом Монтаном относительно спокойно, другие — что это послужило для нее причиной очередного нервного срыва.

Так или иначе, но напоследок, когда Ив уже возвращался в Париж через Нью-Йорк, Мэрилин пустилась вдогонку, решив продлить праздник хотя бы на несколько часов. Она заказала в отеле номер и предстала перед Монтаном в аэропорту, примчавшись на лимузине, битком набитом шампанским. Конечно же, Ив не устоял перед искушением.

Впоследствии как минимум трем из участников этого любовного четырехугольника пришлось объясняться перед общественностью.

Публичные высказывания Ива Монтана и Симоны Синьоре были сделаны не без достоинства и сдержанного юмора, но в их словах, хотели они того или нет, сквозило легкое пренебрежение к Мэрилин.

"Мне кажется, Мэрилин почувствовала обаяние Ива. Его все ощущают. Но все, что могло бы быть естественным для нас, с самого начала было искажено рекламой и пересудами. Истинная проблема в том, что, когда женщина чувствует физическую привлекательность мужчины, который не является ее мужем, она должна также чувствовать влюбленность, чтобы оправдать это влечение. Мужчина, со своей стороны, не считает это событие новой вечной любовью и не считает себя обязанным разрушить собственный стабильный брак", — заявила Симона.

"Мэрилин — простая, бесхитростная девочка. Возможно, я был слишком настойчив и думал, что она столь же искушена, как и некоторые другие дамы, с которыми я был знаком. Если бы Мэрилин была достаточно искушенной, ничего из того, что произошло, не произошло бы… Она известна во всем мире, но она — все еще ребенок. Возможно, для школьницы это была катастрофа. Если так, мне очень жаль. Но ничто не разобьет мой брак", — вторил Ив.

Мэрилин тоже была вынуждена что-то сказать. И она с улыбкой рассуждала перед журналистами: Ив Монтан всегда был

любезен и мил с ней. Не в пример другим ее партнерам по съемкам, он никогда не отзывался дурно о работе с ней. Но это ведь еще не повод все бросить, развестись и выскочить за Монтана замуж, не так ли?

Фильм "Займемся любовью" вышел 8 сентября 1960 года. Как и едва ли не во всех фильмах с Монро, лучшим в нем была ее игра.

"Daily Variety" — ежедневник о новостях Голливуда и Бродвея — писал: "Приблизительно через 12 минут после начала фильма экран внезапно темнеет… прожектор выхватывает из темноты Мэрилин Монро в черных колготках и черном обтягивающем свитере. Под соответствующее музыкальное сопровождение она объявляет, что ее зовут Лолита и что ей не разрешают играть (пауза) с мальчиками (пауза), потому что ее сердце принадлежит папочке (слова Коула Портера). Это не только начало первого из серии поставленных Джеком Коулом изящно выстроенных номеров, это удивительно продуманное появление звезды на экране. Была взята неоригинальная история (тема Золушки), и из нее было сделано нечто совершенно оригинальное".

"Займемся любовью" выдвинули на "Оскар" в номинации "Лучший саундтрек к музыкальному фильму".

В первой половине 1960-го, проведенной Мэрилин в Голливуде, в ее жизни кроме съемок картины и романа с Ивом Монтаном произошли еще два достаточно важных события.

Во-первых, она, не желая прекращать психотерапевтических сеансов, обратилась по совету Марианны Крис к проживавшему в Лос-Анджелесе доктору Ральфу Гринсону.

Во-вторых, она познакомилась и подружилась с Патрисией Кеннеди Лоуфорд — женой актера Питера Лоуфорда и сестрой сенатора Джона Фицджеральда Кеннеди.

Глава 13
"У МЕНЯ ХОРОШИЕ ВИДЫ НА БУДУЩЕЕ"

Доктор Ральф Гринсон стал последним психиатром, работавшим с Мэрилин Монро. И, по мнению многих, сыграл в ее судьбе куда более значительную роль, чем та, которая обычно отводится врачу, пусть даже врачевателю души, а не тела.

Собственно, это с гордостью подтверждал и он сам: "Я был терапевтом Мэрилин, и она относилась ко мне как к отцу, который не разочарует ее, который даст ей возможность понять саму себя, а если это не удастся, то, по крайней мере, проявит к ней чистосердечие и теплоту чувств. Я стал самым важным человеком в ее жизни, хотя чувствовал себя виноватым в том, что бремя данной ситуации несет и моя семья. Но в этой молодой женщине было нечто такое симпатичное, такое восхитительное, что все мы заботились о ней".

Мэрилин стала сверкающим бриллиантом в короне Гринсона — модного преуспевающего практика, уважаемого теоретика, автора множество статей, популярного лектора.

Его публичные выступления пользовались большим успехом среди жаждущих приобщиться к тайнам психоанализа. А весьма смелые высказывания Гринсона изрядно смущали его коллег. Так, он покушался на один из незыблемых постулатов психиатрии: необходимость соблюдения дистанции между доктором и пациентом. На лекции, прочитанной в 1964 году в Калифорнийском университете, Ральф Гринсон сказал: "Психиатры и врачи должны быть готовы к прочной эмоциональной связи со своими пациентами, если они хотят, чтобы их лечение дало результат".

К тому времени Мэрилин Монро, в работе с которой Гринсон рьяно придерживался этого принципа, была уже два года мертва.

Желания занять в жизни актрисы особое место, а также покровительственно-снисходительного отношения к ней он не скрывал с самого начала. Марианне Крис Гринсон писал: "Я намереваюсь быть ее единственным психотерапевтом". О знаменитой подопечной он тогда отзывался так: "Настолько трогательная вечная сирота, что мне становится еще более неприятно, когда она так сильно старается, а у нее зачастую ничего не получается, из-за чего бедняга становится еще более трогательной".

Со временем Гринсон ввел Мэрилин в свой дом, познакомил со своей женой и детьми, — а она, в свою очередь, не устояла перед соблазном заиметь очередную "эрзац-семью".

Пат Лоуфорд, урожденная Кеннеди, тоже хотела, чтобы Мэрилин Монро стала частым гостем в ее доме — построенном некогда для директора студии "Metro-Goldwyn-Mayer" роскошном особняке на побережье. Эта обаятельная и общительная молодая женщина, работавшая до появления детей телепродюсеров и обожавшая компанию актеров (в семье ее называли "Голливудская Кеннеди") искренне привязалась к Мэрилин. А та говорила о Пат: "Она напоминает мне мою тетю Грейс настолько, что я просто не могу поверить в это. Она удивительно похожа на нее внутренне. Когда она смеется, я слышу смех Грейс".

Муж Патрисии Питер был когда-то ухажером Мэрилин (не особо удачливым). А еще у него была не слишком красивая репутация сводника. Во всяком случае, весь Голливуд считал, что Питер Лоуфорд охотно прикрывает супружеские измены своего шурина, многообещающего сенатора и кандидата в президенты, и предоставляет тому для развлечений с пассиями свой дом.

Поэтому Пат, подружившись с Мэрилин, невольно внесла огромный вклад в один из главных мифов о кинозвезде — миф о ее романе с Джоном Фицджеральдом Кеннеди, которого весь мир ласково называл Джеком.

Тут мы вплотную подходим к вопросу, который уже более полувека не прекращает тревожить умы.

В массовом сознании имя Мэрилин Монро до сих пор "рифмуется" с именем Джона Кеннеди. Между тем, даже если кинозвезда и президент были любовниками, ни для той ни для другого их роман не стал главным событием в жизни.

Но эта тема заслуживает отдельного разговора, который мы и начнем несколько погодя.

А сейчас скажем только, что, как ни странно, о последних годах Мэрилин вообще достоверно известно столь же мало, сколько о ее детстве и юности. И, опять же, вовсе не потому, что сказано и написано о них было недостаточно. Наоборот, сказано было слишком много — однако отличить истину от разноречивых домыслов сейчас практически невозможно.

Вернемся в лето 1960-го. В середине июля Мэрилин вместе со штатом своих помощников отправилась в Рино, штат Невада, где ждал ее Миллер.

Фильм "Неприкаянные", который призван был возродить отношения Мэрилин и Артура, оказался последним гвоздем, вбитым в крышку гроба их брака.

Бесконечно переписывая сценарий, Миллер делал роль Роз-

лин Тэйбер — печальной разведенной красавицы, обретающей новое счастье с немолодым ковбоем Гэем Лэнглендом, которого сыграл Кларк Гейбл, — все менее привлекательной.

По сюжету Гэй и его товарищи зарабатывают на жизнь отловом диких коней-мустангов, которых затем сдают на консервы для собак. Розлин протестует против этого жестокого промысла и хочет спасти лошадей. У Мэрилин тоже наверняка возникло бы такое желание. Но, как и во многих других случаях, Миллер, наделив героиню реальными чертами своей жены, довел их до карикатуры, до гротеска. Он высмеял любовь Мэрилин к животным, заставив Розлин в истерике кидаться на ловящих коней ковбоев. Хотя таким образом нервная дамочка подвергала опасности и жизни мужчин, и свою собственную.

"Видимо, они считали меня слишком глупой для того, чтобы уметь что-то растолковать, поэтому мне предусмотрели форменный припадок — я визжу, бешусь. Прямо с ума схожу, — сетовала Монро. — И подумать только, что такое сделал мне не кто-то — Артур! Он собирался написать этот сценарий для меня, но сейчас говорит, что это его фильм. Пожалуй, ему даже не хочется, чтобы я в нем играла. Думаю, отношениям между нами пришел конец. Пока нам просто приходится быть вместе, иначе, если бы мы разошлись сейчас, пострадает картина. Артур жаловался на меня Хьюстону, и поэтому Хьюстон относится ко мне как к идиотке, с этим его вечным "моя дорогая, туда… моя дорогая, сюда". Почему он не смотрит на меня как на нормальную актрису? Пусть бы он посвящал мне столько же внимания, сколько своим любимым игральным автоматам".

Мэрилин казалось, что ее муж и режиссер вступили против нее в заговор. И это скверно отражалось на ее физическом и психическом состоянии. А она и без того чувствовала себя разбитой перед поездкой в Рино.

Алан Снайдер вспоминал: "Ежедневно утром мы заставляли ее встать, но это занимало столько времени, что обычно мне приходилось накладывать ей грим, когда она еще лежала в постели. Девушки из прислуги вынуждены были, чтобы она проснулась, затаскивать Мэрилин под душ. Все, кто ее любил, чувствовали: происходит нечто страшное. Нас охватывало безграничное отчаяние. А Артур непрерывно портил и портил роль Розлин, и Мэрилин знала об этом".

Мэрилин действительно хотелось "визжать и беситься" оттого, что Миллер мог переписать заново ту или иную сцену прямо перед ее съемкой. А другим актерам приходилось страдать не только от творческих метаний сценариста, но и от нервных срывов исполнительницы главной женской роли.

Месяцами и даже годами Мэрилин радостно предвкушала, как будет сниматься в "Неприкаянных" с Кларком Гейблом. Ведь она прекрасно помнила, что когда-то мать, показав маленькой Норме Джин фотографию усатого красавца, сказала: "Вот твой отец".

А Гейбл в последний день съемок, 4 ноября, воскликнул: "Боже Иисусе! Я счастлив, что этот фильм наконец-то отснят. Эта женщина довела меня до сердечного приступа".

Мрачная метафора оказалась пророчеством, сбывшимся очень быстро. На следующее утро Кларк слег с инфарктом и скончался спустя 11 дней.

Мэрилин горевала, виня себя в смерти "названного отца". Винили ее и другие, в том числе молодая жена Гейбла Кей, беременная первенцем. (Правда, потом женщины помирились, и Кей даже попросила Мэрилин стать крестной матерью маленького Джона Кларка.)

Почему-то никто не подумал о том, что 59-летний Гейбл отказался, как привык смолоду, от услуг дублера. А тяготы, которые ему пришлось перенести на съемках его последнего фильма, были нешуточными. В одной из сцен героя волокла по земле дикая лошадь — и Гейбла протащили по земле, привязав канатом к грузовику, ехавшему со скоростью более 60 км/ч. В другой сцене актер на протяжении 12 или 15 дублей поднимал и перекладывал тяжеленные цементные глыбы.

Хьюстон вообще совершенно не щадил артистов, заставляя их выполнять десятки дублей под палящим солнцем. Той же Кей раздраженный Кларк говорил: "Плевать им, будем мы жить или нет. Больше всего меня, черт подери, удивило, что ровным счетом никто не думал о том, не убьют ли они меня ненароком. А ведь когда у нас подписывался контракт со студией, нам никогда не позволяли рисковать. Мне было любопытно, попытается ли Хьюстон меня остановить. Да где там, разрази его гром, — он был в восторге!"

Отмеченное Мэрилин пристрастие режиссера к игральным автоматам тоже приносило серьезные проблемы. Хьюстон спускал огромные суммы в местных казино — не только на автоматах, но и в игре в кости, карты, рулетку, — и не стеснялся заимствовать деньги из бюджета картины. Однажды, обнаружив, что казна пуста, он, созвонившись с Гринсоном и домашним врачом Мэрилин Хайманом Энгельбертом, убедил и их, и саму Монро, что ей необходимо срочное лечение в больнице. Мэрилин отправили в Лос-Анджелес, а Хьюстон получил отсрочку, чтобы отыграться.

Всего на несколько дней, но съемки встали, и, конечно, это

также вменили в вину Мэрилин.

На тот момент она и вправду была совершенно измотана, не могла уснуть без огромных доз снотворного, которые охотно выписывали ей Гринсон и Энгельберг, ее мучили боли в животе. Отдохнуть и полечиться ей действительно не мешало, однако в октябре она вернулась в Голливуд, где снимались последние эпизоды "Неприкаянных", ничуть не посвежевшей.

Как-то раз режиссер Генри Хэтэуэй застал Мэрилин плачущей возле павильона. На встревоженные расспросы она, захлебываясь от рыданий, сказала: "Всю жизнь, всю жизнь я играла Мэрилин Монро, Мэрилин Монро и Мэрилин Монро. Я старалась делать это как можно лучше и в конце концов поймала себя на том, что подражаю самой себе. Мне бы так хотелось делать что-то другое. Артур, между прочим, привлекал меня потому, что сказал, как я ему нравлюсь. Выходя за него замуж, я надеялась, что он поможет мне сбежать от Мэрилин Монро, а сейчас мне приходится снова заниматься тем же самым и в том же месте, и я просто не могла уже больше этого выдержать, мне было необходимо выйти отсюда. Я бы просто не вынесла очередной сцены с Мэрилин Монро".

"Неприкаянные" стали последним завершенным и вышедшим на экран фильмом с участием Мэрилин Монро.

Она рассталась с Артуром Миллером сразу после съемок, во время которых он познакомился с фотографом Инге Морат — женщиной, всего через год ставшей его третьей женой. 24 января 1961 года Артур и Мэрилин развелись официально.

Как и любое событие в жизни Мэрилин Монро, ее развод взбудоражил прессу всей планеты. Откликнулась даже советская газета "Неделя": "Когда говорят об американском образе жизни, на память сразу приходят жевательная резинка, кока-кола и Мэрилин Монро. Найдя в Артуре Миллере то, чего ей недоставало, она безжалостно эксплуатировала его. Он писал сценарии для ее фильмов и сделал ее настоящей актрисой. Мэрилин заплатила ему — она его бросила. Еще одна сломанная жизнь на пути к звездным вершинам".

Этот отзыв дошел до актрисы и больно задел ее: "Послушайте! Я знаю Артура Миллера лучше, чем русские, и я узнала от Артура Миллера больше, чем русские. Я знаю, что Артур Миллер не верит в коммунистическое государство. Я узнала это от самого Артура Миллера. Русские могут говорить все, что им хочется, о моем восхождении к звездам, его сломанной жизни и о том, что я с ним сделала. Но я знаю этого человека. Они говорят об идее. Они могут оставаться со своими идеями. Я же жила с мужчиной".

Если в конце октября — начале ноября 1961 года Мэрилин в Лос-Анджелесе ежедневно посещала доктора Гринсона, то, приехав 11 ноября в Нью-Йорк, она, можно сказать, вернулась под крыло своего прежнего "эрзац-отца" — Ли Страсберга.

Вскоре она составила очередное завещание, отписав Ли львиную долю своего состояния. (Официальной наследницей Мэрилин Монро и по сей день остается вдова Страсберга Анна, которая была молоденькой девушкой, когда пожилой режиссер женился на ней после смерти Полы.)

Мэрилин стремилась вновь обрести веру в свои силы. "Я стараюсь найти себя, — говорила она в интервью, — и самое лучшее, что я могу сделать в этом направлении, — это постараться доказать самой себе, что я действительно актриса. И у меня есть надежда сделать это. Мне важна работа. Только на нее и можно опираться в этой жизни. Если говорить напрямую, без обиняков и экивоков, то у меня, пожалуй, есть только надстройка, а базиса — никакого. Сейчас я как раз работаю над базисом".

Ли Страсбсрг и Мэрилин Монро вели переговоры о создании телефильма по рассказу известного английского писателя Сомерсета Моэма "Дождь". И Моэм, и менеджеры телесети "National Broadcasting Company" загорелись идеей увидеть Мэрилин в роли героини рассказа Сэди Томпсон, но в "NBC" решили, что постановку лучше поручить не Страсбергу, а какому-нибудь режиссеру, более знакомому со спецификой работы на телевидении. Ли был возмущен. Мэрилин из солидарности с учителем отказалась от участия в проекте.

Эта неудача, сама по себе, может, не такая уж и значительная, лишила Мэрилин оптимизма — ведь никаких иных четких перспектив в ближайшем будущем не намечалось.

На плечи Мэрилин словно обрушились все печали недавнего прошлого, которым она изо всех сил старалась не поддаваться. Целыми днями она лежала в спальне своей нью-йоркской квартиры, задернув черные шторы, — и находила силы только на сеансы психотерапии с Марианной Крис.

Есть свидетельство, что Монро едва не решилась на самоубийство. Во всяком случае, она рассказывала об этом своему массажисту и близкому другу Ральфу Робертсу: "Я настежь открыла окно в гостиной и высунулась. Я знала, что должна принять окончательное решение, еще находясь в комнате. Если я вылезу на подоконник, то кто-то внизу может узнать меня и это будет настоящий спектакль. Я зажмурилась и сжала кулаки. Помню, я где-то читала, что люди, которые падают с высоты, теряют сознание прежде, чем ударятся о землю…"

В этом же она созналась и доктору Крис, и та, всерьез обеспокоившись, уговорила Мэрилин лечь в больницу.

Но место, где оказалась Мэрилин 5 февраля, ничем не напоминало те уютные заведения, в которых ей доводилось лечиться прежде. Ее привезли в клинику Пейн-Уитни, психиатрическое отделение городской больницы Нью-Йорка, и запихнули в специализированную палату для буйных пациентов — с зарешеченными окнами и стенами, обитыми мягким. Пораженная, перепуганная до смерти Мэрилин кричала, плакала, разбила руки в кровь о стальные двери. В ответ на все это ее припугнули смирительной рубашкой.

"…я чувствовала себя заключенной в тюрьму за преступление, которое я не совершала… на стенах все еще сохранились пометки от прежних пациентов…"

Она слышала стоны, рыдания, вопли своих соседок по этажу…

На следующий день Мэрилин выпустили прогуляться по коридору, но не позволили ей воспользоваться телефоном-автоматом.

И тогда она решила, что, если уж ее принимают за сумасшедшую, — она сыграет сумасшедшую. Как настоящая актриса. По словам Мэрилин, в этот момент она вспомнила свою роль из фильма "Можно входить без стука". К ее палате примыкала ванная, в дверь которой — наглухо запертую — было вставлено толстое стекло. Мэрилин разбила его, швырнув стул, вытащила острый осколок и на глазах у вбежавших на шум медсестер прижала его к запястью, угрожая покончить с собой, если ее не выпустят.

Этим ей хотя бы удалось привлечь внимание врачей. Но они, как казалось Мэрилин, словно задались целью действительно свести ее с ума.

"Что вас беспокоит?" — спрашивали они. "Я плачу лучшим психиатрам кучу денег, чтобы узнать ответ на этот вопрос, а вы спрашиваете меня?"

"Вы очень, очень больны, — увещевали ее. — Как вы можете играть в кино с такой депрессией?" — "А кто вам сказал, что Грета Гарбо, Ингрид Бергман, Чарли Чаплин никогда не испытывали депрессии, снимаясь в фильмах?" — парировала она.

В награду за хорошее поведение Мэрилин обещали выпустить в общую комнату к другим пациентам, где она сможет вязать или играть в шашки…

На четвертый день непрекрашающегося ужаса, 8 февраля, ей удалось передать через сжалившуюся нянечку записку Ли и Поле Страсбергам.

"Я заперта вместе с этими бедными тронувшимися людьми. Уверена, что и сама я кончу сумасшествием, если весь этот кошмар будет продолжаться и дальше. Пожалуйста, помогите мне".

Но Страсберги не смогли или не посчитали нужным предпринять какие-либо шаги.

9 февраля Мэрилин наконец подпустили к телефону. Незадолго до приступа депрессии она сблизилась с Фрэнком Синатрой, Вполне вероятно, именно тогда у актрисы и певца возобновился — или начался — роман. И, может быть, в тот страшный зимний день отчаявшаяся Мэрилин и позвонила Фрэнку — или Страсбергам, или Робертсу, или кому-нибудь еще из друзей, — но дозвониться сумела только до Джо Ди Маджио, с которым не виделась уже шесть лет.

Джо в то время работал тренером бейсбольной команды "Янки" в штате Флорида. Услышав от Мэрилин просьбу о помощи, он сперва подумал, что бывшая жена разыгрывает его. Но рыдания в трубке убедили его, что о шутках нет и речи.

Он прилетел в Нью-Йорк тем же вечером, ворвался в клинику Пейн-Уитни и категоричным тоном потребовал, чтобы Мэрилин передали под его опеку. Ему ответили, что для этого нужно согласие доктора Крис. Марианне (которая за все время не удосужилась поинтересоваться состоянием своей пациентки) Джо посулил, что, если понадобится, разнесет чертову клинику по кирпичикам. Они договорились, что наутро Крис и Ральф Робертс привезут Мэрилин домой, где будет их ждать, чтобы не привлекать внимания репортеров. Ди Маджио. Как рассказывал Ральф, доктор Крис, впервые увидев, куда она поместила Мэрилин, пришла в шок и всю дорогу до дома повторяла: "Я сделала страшную вещь, страшную, страшную вещь. О Боже, я не хотела, но сделала". Взбудораженная и разгневанная Мэрилин, не стесняясь в выражениях, объяснила своей целительнице, что именно та сделала. Больше Крис и Монро никогда не виделись.

После "лечения" Мэрилин выглядела, да и была, совершенно больной. Джо отвез ее в Неврологический институт при Колумбийском университете и три недели был ее преданной и заботливой сиделкой. А в конце марта увез ее с собой во Флориду — на курорт Редингтон-Бич.

Почти месяц Мэрилин и Джо мирно прожили вдвоем. Они купались, собирали ракушки и камни, подолгу гуляли, рано ложились спать. Раз или два Мэрилин сопровождала Ди Маджио в Сент-Питерсберг, где находились "Янки", — и Джо, обычно такой ревнивый, гордился и своей спутницей, и восхищенными взглядами, которые бросали на нее молодые бейсболисты.

Абсолютная идиллия! Многие подумали, что любовь Джо и Мэрилин не только вернулась, но стала, пожалуй, еще сильнее, чем во времена их долгого романа и короткого брака. И поторопились заключить, что дело идет к свадьбе.

Но сама Мэрилин вовсе не была ни в чем таком уверена.

Во-первых, она понимала, что Джо в качестве друга и любовника — совсем не то же самое, что Джо в качестве мужа. И что, вновь получив на нее права, он запросто может снова стать несдержанным и агрессивным.

Во-вторых, был еще и Фрэнк…

Фрэнк Синатра, который обращался с Мэрилин если не более страстно, то уж точно более нежно, чем с любой другой своей женщиной.

Но и с Синатрой было все не просто. В конце апреля, когда Монро решила вернуться в Лос-Анджелес, он предоставил в ее распоряжение свой дом (и она жила там, пока не сняла квартиру на Норт-Доухени-драйв), однако эта любезность могла быть вызвана и дружеским расположением, тем более что сам Синатра в это время гастролировал по Европе.

Летом взаимные чувства Мэрилин и Фрэнка, казалось, разгорелись особенно ярко — но перед приемом, устроенным в честь актера Дина Мартина в Лас-Вегасе 7 июня, Синатра отдал специальное распоряжение, запрещающее папарацци фотографировать его и Монро вместе. Между тем Мэрилин очень этого хотелось, и, заметно напившись шампанским к середине приема, она делала репортерам знаки, прося все-таки тайком запечатлеть ее с Фрэнком. Но певец и его телохранители жестко пресекали все попытки.

Фрэнк время от времени встречался с Мэрилин до конца 1961 года — так, в сентябре она сопровождала его в четырехдневном океанском круизе на яхте, — но не скрывал, что не хранит ей верность. В числе прочих он ухаживал за актрисой Джульетт Проувз, на которой даже намеревался жениться (но так и не женился).

А Джо тем же летом 1961-го получил еще одну возможность доказать свою преданность Мэрилин. 29 июня в одной из больниц Нью-Йорка ей сделали операцию, удалив желчный пузырь. В Нью-Йорк Монро привез Ральф, но Джо сидел с ней в приемном отделении — и его же лицо Мэрилин увидела, очнувшись от наркоза. Затем эстафету ухода за Мэрилин приняла специально приехавшая для этого Бернис Миракл. Сестры были искрение рады встрече, пусть повод для нее был не из веселых.

В Нью-Йорке Монро не задержалась надолго. В отсутствие работы в Голливуде главным "маяком" в Лос-Анджелесе для нее

стал дом доктора Гринсона. Психотерапевт становился все более и более значимым для нее человеком, все больше и больше забирал власть над Мэрилин в свои руки.

Забегая вперед, скажем: возможно, Ральф Гринсон и не был прямо или косвенно повинен в гибели Мэрилин, как считали некоторые близкие ей люди и биограф Дональд Спото. (Эту версию мы обсудим несколько позже, наряду с другими версиями смерти Монро.)

Однако очевидно, что пользы его лечение принесло не слишком много. Он ставил Мэрилин диагнозы, констатируя то параноидальную шизофрению, то (по словам домашнего врача Монро Хаймана Энгельберга) маниакально-депрессивный психоз, — а она становилась еще несчастнее. Он должен был помочь ей обрести внутреннюю самостоятельность — но стремился, чтобы она стала абсолютно беспомощной без него. И Гринсон, и Энгельберг в больших количествах прописывали Мэрилин успокаивающие лекарства. Правда, справедливости ради нужно сказать, что пациентка неплохо овладела разными хитростями из арсенала наркоманов, научилась добывать лекарства на стороне, и ни один из ее врачей не мог уследить, что именно и в каких дозах она поглощает.

Вот неполный список лекарств, которые принимала Монро в последние два года жизни: барбитураты, торазин, фенобарбитал НМС, амитал, нембутал, секонал, болеутоляющий наркотик демерол, хлоралгидрат, дексамил (смесь амфетамина с барбитуратами).

Ральф Робертс рассказывал: "Вначале она восхищалась Гринсоном, но никто из нас не думал, что он хорошо влияет на нее. Этот человек все более контролировал жизнь актрисы, указывая, кто должен быть ее другом, кого она может посещать и так далее. Но она считала, что должна претворять его волю в жизнь".

Но и сама Мэрилин сознавалась, что чувствует, будто ее доктор манипулирует ею, — и все же становится все более от него зависимой.

А Робертс знал, о чем говорит. Потому что именно он оказался первым близким Мэрилин человеком, которого Гринсон попытался отлучить от нее.

В конце лета и осенью 1961 года Ральф и Мэрилин были почти неразлучны. Собственно, она проводила с ним все время, которое не общалась с доктором Гринсоном и его домочадцами (к тому времени актрисе внушили, что она практически член семьи Гринсонов). Мэрилин звала Ральфа "братиком", и друзья говорили, что они действительно похожи на брата и сестру.

Ральф поселился в отеле рядом с квартирой Мэрилин и был шофером, сиделкой, наперсником актрисы.

Неудивительно, что доктор Гринсон приревновал. Однажды ноябрьским днем Робертс, как обычно, привез Мэрилин на сеанс. Зайдя в дом, она через несколько минут вышла и подбежала к машине.

Плача, Мэрилин сообщила: "Доктор Гринсон считает, что ты должен возвратиться назад в Нью-Йорк. Он выбрал мне в качестве компаньона кого-то другого. У него сложилось мнение, что двое Ральфов в моей жизни — наверняка слишком много. Я объясняла, что зову тебя Рафом. "Ведь он же Раф!" — повторяла и повторяла я ему. Но он сказал, что нет — мне нужен кто-то совсем другой".

Мэрилин была очень опечалена, но не могла противиться воле доктора.

"Кто-то совсем другой" оказался 59-летней Юнис Мюррей. Эта одинокая замкнутая женщина, фанатично (хотя не бескорыстно) преданная Гринсону, стала компаньонкой Монро. На всех друзей актрисы Юнис производила отталкивающее впечатление. По мнению многих, было в ней что-то от злой старой ведьмы из детских сказок… Никто, включая саму Мэрилин, не сомневался, что Мюррей доносит Гринсону о каждом слове и каждом поступке своей хозяйки — вернее, подопечной и поднадзорной.

Помощница, пресс-агент и подруга Монро Пат Ньюкомб (та самая девушка, с которой кинозвезда некогда разругалась на съемках "Автобусной остановки") вспоминала: "Поначалу Мэрилин обращалась к этой женщине за советами — ведь она, как-никак, была той замечательной домоправительницей, которую подыскал для нее Гринсон. Но я с первого дня не доверяла Юнис Мюррей, постоянно совавшей нос в чужие дела. Я старалась избегать ее — просто потому, что она была мне не по душе. Эта особа напоминала недоброго духа, который все время кружит, все время приглядывается и прислушивается ко всему".

Между тем боссы "20th Century Fox" решили вернуть Мэрилин Монро в строй. По контракту она должна была сняться еще в двух фильмах "Fox" с гонораром 100 000 долларов за каждый. (Заметим, Элизабет Тейлор пообещали за снимавшуюся на той же студии "Клеопатру" в несколько раз больше, и Мэрилин прекрасно знала об этом.)

Фильмом, который предложили Монро, был римейк комедии 40-х "Моя возлюбленная жена" с Кэри Грантом. В сценарии, переписанном Арнольдом Шульменом и Наннелли Джонсоном, Мэрилин отводилась роль неверной жены, которая, мучаясь угрызениями совести, бросает мужа и детей, улетает на Гавайские острова, а вернувшись спустя пять лет, обнаруживает, что муж по

недоразумению счел ее погибшей и женился на другой.

Хотя режиссером был назначен хорошо знакомый Мэрилин Джордж Кьюкор, она не горела желанием сниматься в этой картине. Однако снова послушалась доктора Гринсона, который решил, что ей это пойдет на пользу.

Гринсон не ограничился "медицинскими" рекомендациями. Использовав свой авторитет — и, в какой-то мере, неразбериху, царящую тогда на "Fox", — он добился, чтобы студийные менеджеры официально приняли его на должность специального советника и консультанта Монро.

Вскоре после рождества, отпразднованного вдвоем с Джо Ди Маджио, Мэрилин купила себе дом. Ей очень нравился дом доктора Гринсона, построенный в испанском стиле, и она с помощью Юнис Мюррей и Пат Ньюкомб отыскала для себя нечто похожее, только поменьше, — одноэтажный особняк с красной черепичной крышей, сводчатыми окнами, стенами, отделанными белым алебастром. При доме имелись бассейн и красивый сад. Этот особняк на Пятой Элен-драйв сделался последним пристанищем Мэрилин Монро. Никому не показалась зловещим предзнаменованием надпись над входом: "Cursum Perficio" — "Я завершаю путь". Ведь этим латинским изречением в Старом Свете, в Европе, уже несколько столетий украшали дома, и означало оно всего лишь то, что и хозяева, и гости смогут обрести уют и покой после долгой дороги…

В феврале 1962 года Мэрилин отправилась в длительное путешествие. Сперва — в Нью-Йорк, где она повидалась со Страсбергами, обсудила с Полой сценарий будущего фильма (которому дали рабочее название "Что-то должно случиться") и по старой памяти посетила несколько занятий "Актерской студии". Затем — в Майами, штат Флорида, где три дня развлекала своего бывшего свекра Айседора Миллера, водя по ресторанам и театрам. Оттуда — в Мехико.

В столице Мексики Мэрилин, приехавшую с Пат Ньюкомб и своим парикмахером Джорджем Мастерсом, уже поджидала заранее командированная туда Гринсоном Юнис Мюррей. Но присутствие "дуэньи" не помешало Мэрилин отлично провести время, объездить несколько мексиканских городов и накупить кучу вещей для своего только что приобретенного дома. В этой поездке, по свидетельству Пат, актриса обходилась без барбитуратов и вообще без каких бы то ни было лекарственных снадобий.

Мэрилин обзавелась новыми друзьями. И дружба с Фредериком Вандербильтом Филдом, богатым наследником, от которого семья отказалась из-за его прокоммунистических

взглядов, стала для ФБР очередным поводом заподозрить Монро в сочувствии "красным".

Также она, возможно, обзавелась новым любовником. Красивый молодой мексиканец Хосе Боланьос, начинающий сценарист, приехал с актрисой из Мексики в Лос-Анджелес и 5 марта сопровождал ее на церемонию вручения премии "Самой любимой кинозвезде в мире" от Сообщества иностранной прессы. Но это вызвало неудовольствие Гринсона. К тому же в Лос-Анджелес приехал Джо. И Хосе безропотно уехал домой.

Гринсон попробовал покуситься и на отношения Мэрилин с Ди Маджио. 6 марта Мэрилин находилась в доме своего психотерапевта, и зашедшему за ней Джо было отказано в свидании с бывшей женой. Естественно, Мэрилин не поняла, отчего ее, словно буйнопомешанную, держат взаперти. И вдвоем они с Джо — она наверху, в комнате, он внизу, в прихожей, — устроили Гринсону форменный скандал.

К тому моменту врач, казалось, окончательно помешался на своей пациентке. До того, что брал на себя полномочия "одобрять" или "не одобрять" даже романтические связи Мэрилин, считая иных из ее кавалеров (не вполне без оснований, впрочем) опасными типами, будящими у актрисы мазохистские наклонности. Так, он "не одобрял" Синатру, хотя тот тоже был его пациентом. "Не одобрил" Гринсон и Боланьоса — и тому пришлось уехать. Но, когда он попытался "не одобрить" Джо, всегда покорная Мэрилин взбунтовалась. Она осмелела настолько, что попросила Ральфа Робертса вернуться в Лос-Анджелес.

Съемки фильма "Что-то должно случиться", после долгих проволочек, начались только в конце апреля. Этой картине не суждено было выйти на экраны. Случись иначе, у нас был бы фильм, может, не слишком значительный сам по себе, как и многие другие ленты с Монро, — но великолепный благодаря ее изумительной игре.

"По крайней мере в тридцати из сорока с лишним дублей, снятых по указанию режиссера Джорджа Кьюкора, — пишет Спото, — Мэрилин Монро навсегда запечатлена не только в полном расцвете своей красоты, но и на вершине творческих возможностей… В этой картине Мэрилин Монро совсем не такая, как в лентах "Всё о Еве", "Ниагара", "Джентльмены предпочитают блондинок" или "Зуд седьмого года". Она — зрелая женщина, спокойная, деликатная, но одновременно полная очарования и блеска. Мэрилин не имитировала чувства; напротив, она глубоко ощущала их, анализировала, в определенном смысле — переживала и проживала".

А ведь жизнь актрисы в период с 30 апреля по 1 июня, когда снимались упомянутые эпизоды, была не легкой и не спокойной. (Впрочем, когда бывало иначе?)

И сильнейшая простуда, подхваченная Мэрилин в самом начале съемок, оказалась меньшим из зол.

Монро опять прибегла к услугам Полы Страсберг, что вызвало у Гринсона раздражение и ревность. Он категоричным тоном велел пациентке расстаться с преподавательницей, но Мэрилин, как и в случае с Джо, не подчинилась приказу.

Однако психотерапевт успел привязать к себе Мэрилин так прочно, что его внезапный отъезд за границу 10 мая поверг актрису в растерянность. Тем более что Гринсон, как уже говорилось, сумел выставить себя незаменимым в профессиональных делах Мэрилин — и теперь она чувствовала себя зависимой от него еще и в этом плане.

И в то же время она, освободившись от "всевидящего ока", не могла не вздохнуть с облегчением. И сразу после отбытия Гринсона Мэрилин указала Юнис Мюррей на дверь. Что, наверное, мечтала сделать уже давно.

Но через несколько дней Монро сама оказалась под угрозой увольнения. И причиной было историческое празднование дня рождения Джона Кеннеди в Нью-Йорке 19 мая (на самом деле, уточним, 35-й президент США родился 29 мая). Кеннеди лично пригласил Мэрилин участвовать в торжественном концерте, и, хотя это было известно заранее, студийные боссы решили шантажировать актрису увольнением, чтобы не допустить сбоя графика съемок. Разумеется, Монро не поверила угрозе.

20 мая Мэрилин вернулась и, к своему удивлению, увидела у себя на кухне Юнис. Та, по ее словам, сочла, что речь шла всего лишь о кратком отпуске. По доброте душевной Мэрилин махнула на это рукой. Но за несколько дней до смерти предупредила Юнис о новом увольнении, окончательном и бесповоротном. Монро говорила близким, что намерена избавиться и от удушающей зависимости от своего психотерапевта. По словам Ральфа Робертса, "уже в конце июля Мэрилин осознала, что если она хочет еще иметь хоть каких-либо друзей, какую-то собственную жизнь, то ей надо будет расстаться с Гринсоном".

Съемки вроде бы продолжались своим чередом. Но 1 июня 1962 года, день 36-летия Мэрилин Монро, оказался и последним днем в ее жизни, когда ее снимали на кинокамеру. А 5 июня юристы "Fox" сообщили адвокату Монро Милтону Радину, что собираются возбудить против актрисы иск о расторжении контракта.

Спешно вызванный из Швейцарии доктор Гринсон пытался

убедить боссов "Fox" смягчиться, самодовольно уверяя, что Мэрилин станет послушной и сделает все, что он, её психотерапевт, ей прикажет. Однако продюсеры Спирос Скурас и Питер Леватес приняли окончательное решение еще до разговора с Гринсоном.

Спустя много лет другой продюсер "20th Century Fox", Генри Уэйнстайн сказал: "Производство "Клеопатры" сильно опаздывало и поглотило миллионы, а здесь вдруг появилась проблема с низкобюджетным фильмом, отставшим от графика лишь на несколько съемочных дней. Все это выглядело так, словно Скурас и Леватес теряли контроль над прожженными игроками. Посему Мэрилин являлась в данной игре пешкой — неординарной, печальной, трагичной, смешной, — но только пешкой. Вот правдивый облик этой голливудской истории"

Разрыв с "Fox" Мэрилин восприняла как глубокую личную обиду, как предательство. (Надо сказать, что далеко не все предали ее: партнер Монро по фильму категорически отказался играть с другой актрисой, чем, в свою очередь, тоже навлек на себя гнев студийных боссов.) Но это в любом случае не стало бы для нее концом света. Она была слишком знаменита, слишком любима, чтобы остаться без работы. Летом 1962 года Мэрилин вела переговоры по поводу сразу нескольких проектов. Например, они с Сиднеем Сколски хотели наконец осуществить давнюю мечту: снять "Повесть о Джин Харлоу", биографический фильм о любимой киноактрисе Глэдис Бейкер, Грейс Годдард — и самой Мэрилин. Сколски должен был выступить как продюсер этого фильма. В июле Мэрилин и Сидней навестили мать Харлоу — Джин Белло, "Маму Джин", чтобы заручиться ее согласием. "Мама Джин", увидев Мэрилин, плакала и смеялась. Она сочла, что Монро так похожа на ее дочь, как будто бы та воскресла из мертвых, и благословила начинание.

Также продюсер Артур Джейкобс, создатель и руководитель кинокомпании "The Arthur P. Jacobs Co., Inc.", пригласил Мэрилин Монро и Дина Мартина сняться в комедии "Я люблю Луизу". Режиссером фильма должен был стать Джей Ли Томпсон, а композитором — автор песни "Бриллианты — лучшие друзья девушки" Джул Стайн.

(Впоследствии Джейкобс все-таки снял этот фильм — с Ширли Мак-Лейн вместо Мэрилин. Картина вышла в 1964-м под названием "Какая же дорога перед нами!")

На "20th Century Fox" очень быстро поняли, какую глупость совершили, и 25 июля Питер Леватес лично явился к Мэрилин "с белым флагом". Они расстались друзьями, полные воодушевления и совместных идей. Однако вскоре на студии произошел

очередной "переворот", к власти вернулся Дэррил Занук. Полетели головы — в числе прочих был уволен и Леватес. Но к Мэрилин Занук теперь относился совсем не так, как в первые годы ее карьеры. Он пообещал ей взять производство фильма "Что-то должно случиться" под личный контроль. И только смерть Монро помешала осуществлению плана.

(Опять же, и этот фильм позже был снят заново, с Дорис Дэй в главной роли и под названием "Подвинься, дорогая!".)

Люди, близко знавшие Мэрилин, — Ральф Робертс, Сьюзен Страсберг, Руперт Аллан, Пат Ньюкомб, — потом в один голос говорили, что летом 1962 года, ее последним летом, она резко и ощутимо изменилась. Причем — несмотря на нездоровье и жизненные передряги, изменилась к лучшему.

"Она действительно отслеживала все свои дела и не давала другим водить себя за нос". Она стала более зрелой и, несмотря на на что, более уравновешенной, более оптимистичной. В Мэрилин словно просыпалась новая женщина.

Похоже было на то, что свет борется в ней с тенью, здоровое начало — со всем больным, темным, исстрадавшимся.

В одном из ее последних интервью причудливо перемешаны мудрость, горечь и надежда.

"Мне исполнилось тридцать шесть лет. Мне это не мешает. Считаю, что у меня хорошие виды на будущее и я должна как можно лучше использовать представляющиеся шансы — точно так же, как и всякая иная женщина. Поэтому, когда мне доводится слышать всю эту болтовню насчет того, что я, дескать, вялая и нерадивая, что часто заставляю людей ждать себя, то прошу не забывать — я тоже жду. Жду на протяжении всей жизни… Вы не представляете, как это бывает, когда у тебя есть все то, что имеется у меня, а ты не можешь назвать себя ни любимой, ни счастливой. В жизни я всегда хотела только одного: быть сердечной с людьми и чтобы они были сердечными со мной. Это честный обмен. К тому же я — женщина. Я хочу, чтобы мужчина любил меня всем сердцем, — так же, как мне хотелось бы любить его. Я пыталась, пробовала, но до сих пор такой любви у меня не случалось".

Так говорила Мэрилин Монро за несколько недель до своей смерти.

Глава 14
МЭРИЛИН И КЕННЕДИ. САМЫЙ ЗАГАДОЧНЫЙ РОМАН

Связь с семьей Кеннеди — один из важнейших штрихов в биографии и легенде Мэрилин Монро. Ей приписываются любовные отношения сразу с обоими братьями: и с Джеком, который стал президентом, и с Робертом, который был генеральным прокурором. Более того, считается, что именно эти отношения могли стать для Мэрилин трагически-судьбоносными…

Чтобы понять, что представляли из себя Джек и Роберт не как политические деятели, а как реальные живые люди, необходимо немного рассказать о семье Кеннеди.

Их было девять: четверо братьев и пять сестер Кеннеди. Дети банкира Джозефа Патрика Кеннеди и Розы Элизабет Фицджеральд, дочери мэра Бостона Джека Фицджеральда. Отец воспитывал их с идеей, что Кеннеди должны дружить только с Кеннеди и доверять только Кеннеди, и что если между какими-то двумя из них случатся трения, все равно любой из мальчиков и девочек найдет себе брата или сестру, близкого по духу.

"Много лет тому назад мы решили, что дети станут самыми близкими нашими друзьями, и мы никогда не устанем от них, — сказала Роза одному репортеру в конце 30-х. — Кеннеди — это автономная единица. Если кто-то из нас захочет совершить прогулку под парусом, сыграть в гольф, пройтись или просто поболтать, всегда найдется другой, кто с готовностью составит ему компанию".

Джозеф Кеннеди был одержим политическими амбициями. Сам он достиг только поста посла США в Великобритании: престижно, почетно, но далековато от реальной власти. Однако он был уверен: сыновья добьются большего.

Джозеф требовал от своих сыновей, чтобы они во всем были лучшими. Любая неудача воспринималась, как настоящая катастрофа. Любая слабость считалась позором. У отца любимцем был первенец, Джозеф Патрик, которого называли Джо-младший. Самый красивый, здоровый, сильный, смелый из его детей! На него возлагались все надежды семьи. Его видели будущим политиком и, быть может, первым президентом-католиком…

Второй сын, Джек Фицджеральд, которого называли Джеком, был умнее старшего брата, но он с детства был болезненным и

хрупким, много читал, а из всех видов спорта преуспел только в плавании. У него был поврежден при рождении позвоночник. Впрочем, в семье его слабость старались не замечать. Болезни для Кеннеди были чем-то постыдным. И Джек старался быть таким же, как все. Здоровым и подвижным. Он получил дополнительную травму позвоночника во время игры в футбол. С первого курса колледжа ему пришлось уйти, чтобы лечиться. У него была болезнь Аддисона, считавшаяся смертельной. Если бы в пору его юности не изобрели кортизон, он бы умер не дожив до двадцати лет, но все равно ему говорили, что он едва ли доживет до сорока пяти. А еще он был аллергиком и подцепил малярию. Он шутил с друзьями: "Если когда-нибудь про меня напишут книгу, она будет называться: "Джек Кеннеди. История болезни"".

Роберт Фрэнсис Кеннеди, Бобби, третий из сыновей и седьмой из девяти детей Кеннеди, вовсе не доставлял родителям хлопот. Все знакомые семьи считали Бобби просто-таки образцовым ребенком и ставили в пример своим детям. Правда, отец не был им доволен. Бобби рос излишне религиозным и мечтал стать священником. Хорошо учился, был отличным спортсменом — но соблюдал все посты, читал только религиозную литературу, истово молился, не расставался с четками. Вообще-то в католическом семействе неплохо иметь собственного священника… Однако излишнее рвение к добродетели смущало и печалило Джозефа. Он боялся, что с такими идеалистическими взглядами на жизнь Бобби не сможет в будущем быть достойным помощником своим братьям, которых Джозеф еще в детстве готовил для политической карьеры.

Дж.-Ф. Кеннеди

Когда началась Вторая мировая война. Джозеф, занимавший пост посла в Великобритании, активно выступал против вступления США в военные действия. Но когда его собственного сына Джека после боя с японским эсминцем наградили "Пурпурным сердцем", Джозеф гордился больше всех: ему нравилось быть отцом героя! Правда, в этом бою Джек вторично повредил спину. Отныне боль стала его неизменным спутником.

Джо решил доказать, что и воевать он может не хуже Джека. Он попросил о переводе в Англию, где было больше возможностей по-настоящему проявить героизм. Он погиб в бою над Ла-Маншем, сгорел в самолете. Это был страшный удар для семьи — все надежды Кеннеди возлагались на Джо! Но Джозеф, скрепя сердце, сказал Джеку: "Теперь твоя очередь. Ты будешь вместо Джо". Имелось в виду — будешь делать политическую карьеру.

Бобби в тот год исполнилось девятнадцать лет. Он учился на юридическом факультете Вирджинского университета и все еще надеялся стать священником. В студенческие годы Бобби Кеннеди вел пугающе добродетельный образ жизни, не участвовал в

традиционных молодежных развлечениях. Он серьезно готовился к духовной карьере. Но после гибели Джо отец серьезно поговорил с Бобби, объяснив, что теперь ему уж точно нельзя покидать мир: он нужен семье, он должен стать первым помощником Джека. И Бобби согласился расстаться с мечтой о служении Богу.

Бобби мечтал о настоящей семье, где ему будет уютно, спокойно и тепло. Теперь он больше всего на свете хотел найти хорошую девушку, которая совьет для него уютное гнездышко. Правда, Бобби представлял свою будущую жену девушкой скромной и кроткой и в юности обращал внимание преимущественно на дурнушек, которых никто другой не замечал. Ему казалось, что такие девушки становятся самыми лучшими женами.

Его избранницей стала Этель Скэйкел. Семья Скэйкел напоминала семью Кеннеди: очень богатые многодетные католики, потомки ирландских эмигрантов. Этель посещала Доминиканскую начальную школу, где уроки вели монахини, позже мать перевела ее в очень престижную Гринвичскую академию, и там она подружилась с Джин Кеннеди. В 1945 году Джин познакомила Этель со своими братьями: с обаятельным Джеком, которого представляли как героя войны и всеобщего любимца, и с тихим, застенчивым Бобби.

И Бобби, и Этель придерживались пуританских нравов, и страстные объятия до брака были не для них. В конце концов он чуть не стал священником, а Этель едва не приняла постриг. Только благодаря уговорам родителей Этель все-таки решила соединить жизнь с Робертом Кеннеди, а не с Богом. Впрочем, все, кто знал Этель и Бобби на протяжении их совместной жизни, отмечали, что она его буквально боготворила, считая абсолютным идеалом — идеальным мужчиной, идеальным человеком. Его однокурсник Баретт Преттимэн рассказывал: "Она смотрела на Бобби, как на Бога. Бог творил необъяснимые вещи, но всегда был прав".

Обычно свекрови не слишком жалуют невесток, но Роза Кеннеди сразу полюбила Этель: она видела, что эта девушка — идеальная жена для Бобби. Радовало Розу и обещание Этель родить даже больше детей, чем ее свекровь. Вот это настоящая католичка, настоящая Кеннеди!

Каждое утро супруги рука об руку ходили в местную церковь на мессу и молились. А пока Бобби работал, Этель занималась благотворительностью и готовила вечеринки, которые помогали ему укреплять политические связи. Ведь ничто так не располагает к беседе, как бокал хорошего вина и вкусный ужин. А вскоре ей

пришлось принимать участие в политических кампаниях мужа и ездить с ним по стране, причем в большинстве случаев беременной… Потому что беременной она была почти всегда. Миниатюрная Этель Кеннеди родила 11 детей за те 18 лет, которые она прожила с Робертом.

Следует отметить, что знакомые и даже родственники не знали, как относиться к ее нескончаемым беременностям. Недоброжелатели называли ее "коровой" и "крестьянкой", некоторые сплетничали, будто с помощью постоянных беременностей она избегает секса с мужем, не слишком искушенным в любовной науке. Супруги действительно избегали пылких объятий, по крайней мере на людях, зато часто поддразнивали друг друга и вообще вели себя, словно любящие брат и сестра. Однако близким Этель заявляла, что задалась целью сделать столько копий своего любимого Бобби, сколько вообще возможно. У такого прекрасного человека должно быть очень много детей!

Один из друзей семьи вспоминал: "Они наслаждались компанией друг друга. Даже если они ужинали дома, Этель спускалась к столу наряженная и надушенная, как на первое свидание".

В 1953 году Джек Фитджеральд Кеннеди женился на Жаклин Бувье. Это был в большей степени выбор его отца: Джозеф счел, что именно такая девушка — из сливок американского общества, элегантная, умеющая поддержать светскую беседу, но не являющая собой слишком яркую индивидуальность — будет идеальной парой для талантливого молодого политика.

Отношения двух миссис Кеннеди не сложились. Жаклин позволяла себе в адрес Этель довольно грубые шутки, в частности, называла ее "машиной по производству детей — стоит ее завести, как она их сразу наделает". Этель тоже не сдерживала неприязни: она насмехалась над притязаниями Жаклин на аристократичность.

Сразу после медового месяца, Джек активно включился в политическую жизнь: он предчувствовал скорое низвержение сенатора Маккарти, и ему необходимо было, пока не поздно, вывести Бобби из состава "комиссии по расследованию антиамериканской деятельности". Сделать это было непросто: Бобби, которого друзья называли "крестоносцем", был предан идеям Маккарти и сражался с коммунистами не за страх, а за совесть. Он даже с возрастом не вырос из идеализма, искренне верил в священные принципы американской демократии, в коммунизме видел тиранический режим и считал, что все коммунисты хотят насадить такой же режим в Америке. После

своего визита в СССР Роберт Кеннеди укрепился в своем мнении о том, что коммунизм — это абсолютное зло… Однако среди американской интеллигенции появлялось все больше инакомыслящих, и маккартизм становился все более немодным. И благоразумный Джек все-таки уговорил своего пылкого брата переключиться на более благородную борьбу. Хотя и с более опасным врагом: с мафией. Ознакомившись с предоставленными ему документами, Бобби вцепился в новое дело намертво — как фокстерьер. И эту борьбу он не прекратил до самой своей смерти.

В 1957 году Кеннеди начали политическую компанию за выдвижение Джека от партии демократов. Роберт возглавил кампанию по выборам. Этель, несмотря на очередную беременность, старалась помогать по мере сил, встречалась с избирателями и устраивала бесконечные чаепития для жен самых важных из сторонников Кеннеди. Тогда как Жаклин скучала, не пыталась скрывать свое безразличие ко всей этой суете. К тому же она трудно переносила беременности. Ее первая дочь родилась мертвой. Когда Жаклин удалось забеременеть снова, она старалась максимально оградиться от любых тревог. Беременность завершилась успешно, она родила дочку Кэролайн.

В 1960 году Джек Фитцджеральд Кеннеди стал первым в истории США президентом-католиком. Джек стал еще и самым молодым в истории президентом: ему было сорок три года, когда он победил на выборах. Его элегантная жена была беременна, когда они вместе с малюткой-дочерью переехали в Белый дом, и именно там появился на свет их сын Джек-младший. Семья выглядела образцовой, как с плаката. Публика их обожала только за то, что они такие симпатичные, молодые, бодрые и оба воплощают собой два типа американской элиты: Джек — "новые деньги" и горячую ирландскую кровь, Жаклин — "белую кость" и "голубую кровь", естественно, в американском значении этих явлений, то есть без истинного аристократизма в происхождении.

Джек созвал новый кабинет министров, причем генеральным прокурором назначил своего брата Роберта. Это было как раз то, чем хотел заниматься Бобби и для чего он подходил идеально. Многие осуждали Джека: ведь впервые в американской истории президента и его советника связывало столь близкое родство. Однако Бобби доказал правильность этого выбора: когда проблемы с Кубой вылились в Карибский кризис, его решительность в сочетании с неожиданно проявившимся политическим благоразумием помогли избежать третьей мировой войны. И тогда в окружении Кеннеди заговорили о том, что из образованного, начитанного, волевого и целеустремленного Роберта получился бы политик и даже президент куда лучший,

нежели из обаятельного и легкомысленного Джека. Впрочем, в американской истории уже был случай, когда один за другим пост президента занимали отец и сын Адамсы. Так почему после старшего брата Кеннеди тот же пост не мог занять младший брат?

"Правление" Кеннеди в Вашингтоне было кратким, ярким, но отнюдь нелегким. Война во Вьетнаме, против вмешательства в которую президент Кеннеди активно выступал. Борьба с сегрегацией в южных штатах. Борьба с всевластием и произволом ФБР. С коррупцией в высших эшелонах власти. Борьба с мафией. Много, много борьбы.

Разумеется, от публики старательно скрывали имеющиеся в семье президента проблемы.

В первую очередь — болезни Джека. Травмированная спина причиняла ему чудовищные муки. Он перенес две операции, едва не остался парализованным, и каждый день начинался для него с обезболивающих уколов по обе стороны позвоночника.

А еще была болезнь Аддисона и гормональное лечение, из-за которого он начал полнеть. Чтобы побороть полноту, Джек одержимо плавал: единственный доступный ему вид активной физической деятельности. Правда, плавать он мог только в теплом бассейне: холодная вода вызывала обострение болей.

Второй проблемой было распутство молодого президента. Джек Кеннеди очень любил женщин. Он соблазнял всех хорошеньких особ, которые попадались на его жизненном пути и согласны были на быструю необременительную связь. Говорили, что в Голливуде у него был практически гарем. Преувеличение: гарем — это то, что мужчина содержит постоянно, постоянство же не было в числе добродетелей Джека. Ему нравились в равной степени как стройные стюардессы в их строгой форме, так и элегантные дамы из высшего общества. Ко всем жертвам своего темперамента Джека относился одинаково доброжелательно. И никогда не обижался на отказы. В мире еще так много красивых женщин, а секс — то, что должно происходить по обоюдному желанию… Впрочем, в отличие от королей прошлого, которые тратили основательные средства из казны на своих фавориток, Джек Кеннеди никакого положительного влияния на судьбы своих любовниц не оказывал. Секс для него был любимым развлечением, но не больше.

Отец, Джозеф Кеннеди, был в восторге от похождений сына, и смеялся над агентами ФБР, которые должны были отслеживать каждую из любовниц молодого конгрессмена, потом — сенатора, потом — президента… Он говорил: "Если ФБР решило завести на каждую из девушек Джека досье, нам стоит приобрести акции той компании, которая продает им шкафы для картотек!"

Из-за его лихих похождений в архивах ФБР Джек Кеннеди числился под псевдонимом "Улан". Роберта называли "Крестоносцем". Мэрилин Монро числилась под псевдонимом "Соломенная Голова" — это насмешливое прозвище имело отношение как к цвету ее волос, так и к предполагаемой глупости блондинки-актрисы.

Общепринято считать, что Мэрилин была любовницей Джека Кеннеди, а потом перешла в объятия Роберта. Но к ее отношениям с братьями Кеннеди относятся по-разному.

Роман Мэрилин Монро и Джека Кеннеди в восприятии публики — нечто романтическое, почти как сказка. Золотая богиня Голливуда в объятиях современного молодого короля Америки, романтического владыки Нового Камелота (Джек Кеннеди любил мюзикл "Камелот" и легенды Артуровского цикла, и ему нравилось, когда его правление называли Новым Камелотом). Существует невероятное количество книг на тему их любовной связи, как романов, так и исследований, и лирических песен, и даже парфюм "John & Marylin" Parfumerie Generale, нежный и чувственный… Легенда слишком красива, чтобы от нее отказаться.

Однако факты — вещь суровая и холодная. Президент и актриса встречались четыре раза между октябрем 1961 и августом 1962 года. Четыре доказанные встречи. Домысливать можно что угодно, что люди и делают. И если сначала говорили, что кинозвезда отдалась президенту после празднования его дня рождения, потом — что впервые Мэрилин оказалась в постели Джека после вечеринки в честь инаугурации, потом — что их связь началась, когда он еще только баллотировался в президенты… А теперь некоторые авторы утверждают, будто они были знакомы еще в молодости, когда Мэрилин делала первые шаги на актерском поприще и однажды попала на вечеринку "золотой молодежи". Наиболее скептичные биографы Мэрилин посмеиваются над фантазерами: скоро заявят, что президент потерял девственность в объятиях актрисы! Возможно, и заявят…

Первая доказанная встреча произошла в доме Патрисии и Питера Лоуфордов в Санта-Монике, в октябре 1961 года. Мэрилин приехала на ужин к друзьям, познакомилась там со знаменитым братом Патрисии. Но домой ее отвез один из слуг Лоуфордов.

Вторая встреча — в феврале 1962 года. Мэрилин пригласили в дом Фифи Фелл на Манхэттене. Богатая вдова и светская дама, миссис Фелл устраивала прием в честь президента. Мэрилин приехала и уехала в сопровождении Милтона Эббинса.

Третья встреча — в субботу, 24 марта 1962 года. Президент и

актриса были гостями в доме популярного певца Бинга Кросби в Палм-Спрингс. И вот тогда они провели ночь в одной спальне. Откуда Мэрилин звонила Ральфу Робертсу.

"Она спросила у меня про одну мышцу, знакомую ей по книге Мейбл Элсворт Тодд "Мыслящее тело", и было ясно, что она беседует на эту тему с президентом, который был известен тем, что испытывал разного рода недомогания и проблемы с мышцами и позвоночником", — рассказывал Ральф. Причем президент и не думал скрывать, что он среди ночи находится в компании актрисы, собирающейся сделать ему массаж. Он взял у Мэрилин телефонную трубку и лично поблагодарил Робертса за консультацию.

"Потом, когда все тряслось от сплетен, Мэрилин сказала мне, что ее "роман" с JFK — это лишь те минуты, которые она провела с ним тогдашней мартовской ночью. Разумеется, все случившееся весьма приятно пощекотало ее честолюбие: ведь президент через Лоуфорда добивался свидания с нею на протяжении целого года. Многие люди считали, что той субботой дело не ограничилось. Но из разговора с Мэрилин у меня сложилось впечатление, что ни для нее, ни для него это не было каким-то особо важным событием: встретились, и на том конец", — утверждал Робертс.

В ту ночь Джек пригласил Мэрилин на празднование его дня рождения в "Мэдисон-сквер-гарден". А она пообещала ему спеть "Happy birthday to you".

Четвертая их встреча произошла 19 мая 1962 года. Чтобы поздравить президента с днем рождения, Мэрилин прибыла (с опозданием) на концерт, на котором присутствовали пятнадцать с лишним тысяч человек, каждый из которых заплатил от ста до тысячи долларов за билет (доход от концерта шел в фонд Национального комитета демократической партии).

И, хотя тем вечером между Мэрилин и президентом не было ничего интимного, многие из присутствующих отметили, что ее выступление с поздравлением было более чувственным, чем любовное признание, и напоминало некий изощренный сексуальный акт на расстоянии, между женщиной, стоявшей на сцене, и мужчиной, сидевшим в президентской ложе.

Этот вечер вообще был особенным для Мэрилин. Это был вечер ее абсолютного женского торжества. Именно женского, а не актерского. Она старательно подготовилась к тому, чтобы в буквальном смысле соблазнить весь зал.

Мэрилин обратилась к весьма популярному модельеру Жану Луи и попросила его создать для нее "поистине историческое, необыкновенное платье, каких еще никогда и ни у кого не было". "Одним словом, это должно быть что-то такое, что могу надеть

только я", — заявила актриса модельеру.

Жан Луи для вдохновения посмотрел несколько самых знаменитых фильмов с участием Монро… И понял, что нужно для создания уникального платья: "Мэрилин умела потрясающе владеть своим очаровательным телом, оно было в постоянном движении, но делалось это естественно, элегантно. И меня осенило — я ухватил, понял, что должен делать — обыграть этот ее дар провоцировать… В общем, я нарисовал эскиз платья, создающего полный эффект, что она — обнаженная".

Он сшил платье из тонкого, почти как паутина, лионского шелка телесного цвета, выкроив его точно по фигуре Мэрилин. Под это платье невозможно было надеть белье. И вообще: надеть это платье было делом сложным. Платье застегивалось микроскопическими крючками, двигаться в нем было сложно и требовалось соблюдать немалую осторожность. Шесть тысяч блесток, сверкающих, как бриллианты, покрывали платье, не позволяя увидеть тело Мэрилин, скрывая все и отвлекая своим сверканием… Но вместе с тем — блестки не скрывали сам факт того, что под прозрачной тканью тело полностью обнажено!

Когда она медленно, мелкими шажками, шла по сцене к микрофону, зал затаил дыхание. Большинство из тех, кто оставил воспоминания о ее выступлении, сравнивали ее с Афродитой, вышедшей из пены морской, с обнаженной богиней, забрызганной сверкающими каплями воды. Она пела тоненьким, полудетским, томным голоском, сначала — словно бы неуверенно, но потом все более страстно "Happy birthday to you", несколько видоизмененное:

Спасибо, господин президент
За все, что вы сделали,
За все битвы, которые вы выиграли,
За то, как вы справляетесь с США
И с нашими проблемами…

В ходе своего двадцатиминутного выступления Джон Кеннеди поблагодарил всех, кто его поздравил, и в частности сказал: "Мисс Монро прервала съемки картины, чтобы прилететь сюда с самого Западного побережья, и посему я сейчас уже могу спокойно отправляться на пенсию — после того как она настолько потрясающе поздравила меня с днем рождения".

После концерта Мэрилин была на банкете в доме Артура Крима и его жены Матильды, которая восторженно вспоминала: "Мэрилин приехала в узком платье, обшитом цехинами, которые выглядели так, словно их прицепили прямо к коже, поскольку

сетка была телесного цвета… Ну что тут сказать? Просто она выглядела невероятно красивой".

Джордж Мастерс, парикмахер актрисы, помогавший ей поддерживать знаменитый платиновый цвет волос, вспоминал: "Мэрилин шествовала в платье, запроектированном модельером Жаном Луи. Оно блестело от всяких украшений, но одновременно было элегантным и тонким, даже рафинированным, в этой своей наготе — словно бы отсутствие нижнего белья было самой что ни на есть привычной штукой под солнцем".

"В некотором смысле этот вечер был для Мэрилин Монро необычайно существенным, — пишет Дональд Спото. — Потерянная девочка не только нашла, по крайней мере ненадолго, свое место в замке короля, находящемся в Камелоте, — ведь сбылся наяву сон, не раз возвращавшийся к ней в детстве. Только что Мэрилин стояла почти нагая перед своими поклонниками, совершенно не испытывая стыда и будучи почему-то невинной, как голубка".

За весь этот вечер лишь Мэрилин один раз оказалась в обществе президента и его брата, что было запечатлено фотографом.

И, собственно, это все…

Позже ей приписывали желание выйти замуж за президента. Якобы Мэрилин хотела вынудить Джека расстаться с Жаклин и жениться на ней, не считая подобный союз невозможным. В конце концов, она смогла стать женой великого спортсмена и великого писателя, так почему бы ей не стать женой великого политика? Но не существует никаких доказательств подобного. А доказательства обратного — есть. Сьюзен Страсберг говорила: "Даже в худших снах, она не хотела постоянно быть с JFK. Один раз можно было переспать с харизматическим президентом, она наслаждалась этой полной напряженности ситуацией, которая требовала от нее быть сдержанной и хранить тайну. Но президент наверняка не был тем человеком, с которым ей хотелось бы провести вею жизнь, и она открыто сказала нам об этом".

Роман Мэрилин с Робертом Кеннеди в воображении журналистов желтой прессы и американской публики окрашен в менее романтические тона. Если с Джеком была возвышенная любовь, то с Бобби — похоть, похоть и ничего, кроме похоти.

Роберт был известен своим целомудрием и преданностью жене. Над его строгостью и серьезностью даже посмеивались. К тому же Роберт был истовым католиком, и многие из тех, к то знал его, считали, что в его жизни была только одна женщина, с которой он вступил в интимные отношения, — его жена Этель. Но если верить популярным сплетням, Мэрилин Монро соблазнила

Бобби Кеннеди и втянула в череду оргий, склонила ко всевозможным грехам, включая групповой секс и ночные купания голышом на пляже. Эти пикантные подробности выдумала бывшая актриса, публиковавшаяся под псевдонимом Жанна Кармен и утверждавшая, будто она снимала вместе с Мэрилин квартиру на Доухени-драйв в то время, когда актриса крутила роман с Бобби. Реальная соседка, жившая в то время напротив Мэрилин и имевшая с ней знакомство, эстрадная певица Бетси Дункан Хэммес, заявляла: "Никогда я не слыхала ни про какую Жанну Кармен. Думаю, она там никогда не жила, поскольку иначе мы бы наверняка знали про нее, точно так же как и знали бы, что у Мэрилин имеется субквартирантка".

Дональд Спото пишет: "Сплетни о романе с Робертом Кеннеди опираются на простой факт, заключающийся в том, что он действительно виделся с Мэрилин Монро, причем четырежды; это вытекает из их календаря встреч за 1961 и 1962 годы, а также из свидетельства одного из ближайших сотрудников Роберта Кеннеди в тот период, Эдвина Гутмена. Однако можно наверняка утверждать, что Роберт Кеннеди никогда не делил ложе с Мэрилин Монро. Гутмен, лауреат Пулитцеровской премии, любознательный и въедчивый репортер и журналист, был в аппарате Роберта Кеннеди специальным помощником по вопросам публичной информации, а также высшим чиновником министерства юстиции по работе с прессой. Расписание поездок генерального прокурора, охватывающее 1961–1962 годы (и сохранившееся в Библиотеке имени Джека Ф. Кеннеди, а также в государственных архивах), подтверждает подробные сведения, изложенные Гутменом. Все это вместе доказывает лишь одно: Роберт Кеннеди и Мэрилин Монро поддерживали только светско-компанейские контакты, которые на протяжении почти десяти месяцев свелись к четырем встречам и нескольким разговорам по телефону. Даже если бы у них обоих имелось желание пофлиртовать — что является чисто теоретическим предположением, — то все равно из этой готовности ничего не могло получиться, принимая во внимание места их пребывания в течение указанного периода".

Бобби Кеннеди был мужчиной совершенно не того типа, который мог бы понравиться Мэрилин, это признавали все, кто знал актрису. А она была совершенно не во вкусе Бобби, обожавшего свою миниатюрную энергичную супругу. Но главное — если опираться на факты, получается, что у них не было даже возможности провести вместе ночь. Достаточно изучить и сопоставить расписание поездок прокурора и актрисы.

Однако, обсуждая тему "Мэрилин и Кеннеди", большинство

авторов до сих пор предпочитают опираться не на факты, а на вымысел. Романтический или порнографический — кому как больше нравится.

Глава 15
"ОНА ВСЕГДА ГОВОРИЛА, ЧТО, СКОРЕЕ ВСЕГО, УМРЕТ МОЛОДОЙ"

Почему умерла Мэрилин Монро? Почему она, прекрасная, желанная, — самая знаменитая блондинка в Голливуде, а то и во всем мире! — внезапно скончалась в возрасте тридцати шести лет, не страдая никакими болезнями, грозившими летальным исходом?

Причина смерти — передозировка успокоительных — стала известна сразу же.

Но была ли она случайной?

Если нет, то что это было — самоубийство или убийство?

И если самоубийство, то почему?

А если убийство, то кто?

Все эти вопросы до сих пор не дают покоя миллионам поклонников Мэрилин и десяткам писателей.

Изначально наиболее популярной была версия самоубийства. В конце концов, карьера Мэрилин пошатнулась, и об этом знали все. Она страдала от депрессии и лекарственной зависимости, и об этом знали многие. Случайная передозировка — не так интересно и драматично, как самоубийство… Поэтому — версия самоубийства была популярной.

Пока ее не сменила более популярная: версия убийства.

В качестве основных подозреваемых в разное время фигурировали: коммунисты, мафиози, Джон Кеннеди (конечно, не сам, а агенты, действовавшие по его приказу), Роберт Кеннеди (возможно, даже сам, собственноручно!), доктор Ральф Гринсон (как случайно, так и предумышленно), помощница по хозяйству Юнис Мюррей (как случайно, так и предумышленно).

Едва ли не каждый год выходят книги, авторы которых утверждают, что вот они-то точно знают: почему, как, кто…

5 августа 1962 года в 4.25 утра в полицейском участке западного Лос-Анджелеса раздался телефонный звонок. Вызов принял сержант Джек Клеммонс.

"Мэрилин Монро мертва. Она совершила самоубийство".

Полицию вызвал Ральф Гринсон.

Через 10 минут после вызова Джек Клеммонс прибыл по адресу Пятая Элен-драйв, 12305. В спальне он увидел светловолосую молодую женщину: обнаженная, лишь слегка прикрытая простыней, она лежала лицом вниз, и действительно

была мертва, и действительно — это была Мэрилин Монро. Сержант, поначалу предполагавший розыгрыш, был потрясен: по сути, приняв вызов, он шагнул в историю.

В спальне находились два врача: Гринсон и доктор Хайман Энгельберг. Также в доме присутствовала Юнис Мюррей. Юнис возилась со стиральной машиной, когда пришла ее очередь давать, показания… И, собственно, на ее показаниях и приходилось основываться, ибо она обнаружила тело Мэрилин.

Юнис заявила, что нашла тело в полночь. И сразу вызвала врачей. Когда сержант поинтересовался, почему так долго не вызывали полицию, Гринсон заявил: "Мы, врачи, прежде чем кого-либо известить, должны были иметь разрешение пресс-бюро киностудии". Это не было правдой, но объясняло, почему прежде, чем полицию, они известили Артура Джейкобса как представителя киностудии и Милтона Радина как адвоката актрисы: оба они также находились в доме.

Позже Юнис изменила показания так, что они сделались более складными, а отличие от первоначальной версии объяснила стрессом, в котором пребывала во время допроса.

Якобы на самом деле она проснулась в три часа ночи, пошла проверить, как себя чувствует Мэрилин, встревожилась, увидев свет под дверью, но дверь была заперта, на стук и зов актриса не отвечала… Юнис позвонила доктору Гринсону (или ей позвонил Гринсон, в этом показания тоже расходятся), и врач, обеспокоившись происходящим, велел ей заглянуть в спальню через окно. Для этого Юнис пришлось взять кочергу, разбить стекло, раздвинуть плотные шторы… И она увидела Мэрилин — пугающе неподвижную. Она сообщила об этом Гринсону. Он приехал, выбил окно, влез в спальню, потом отпер дверь и впустил Юнис со словами: "Она мертва. Мы потеряли ее". Далее, в 3 часа 50 минут, Гринсон вызвал Энгельберга. Тот приехал, врачи вместе констатировали смерть и вызвали полицию.

В качестве возможной причины смерти они указали на пустой флакон из-под успокоительного: нембутала. Лекарство выписал доктор Энгельберг незадолго до смерти Мэрилин. И если бы она приняла все пилюли разом — она бы неизбежно скончалась. Первой версией причины смерти было — передозировка нембутала с целью самоубийства.

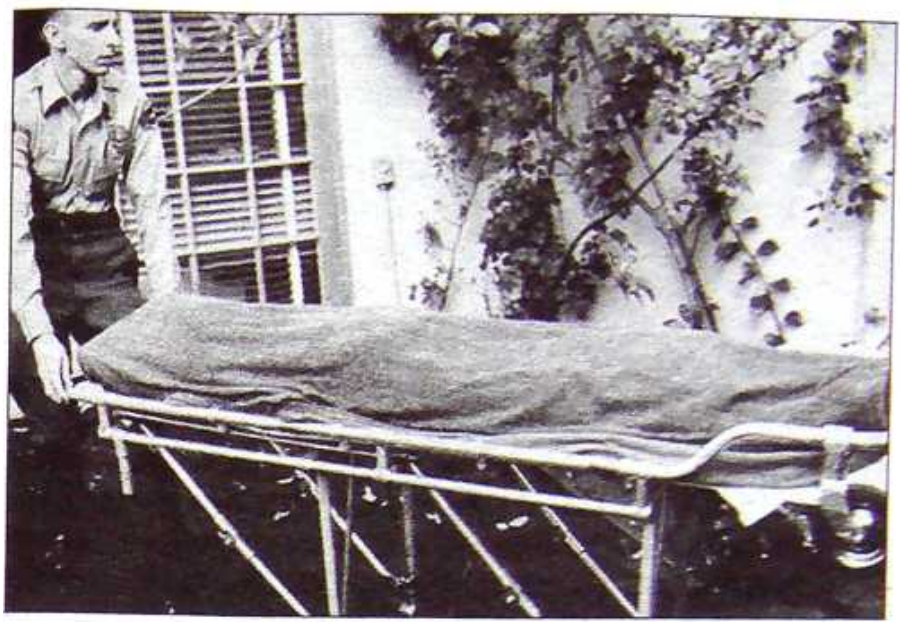
В дом Мэрилин прибывали все новые сотрудники полиции. Они обыскали спальню на предмет прощального письма, которое обычно оставляют самоубийцы. Не нашли ничего похожего.

В восемь утра тело актрисы отправили в городской морг.

Там она оказалась в руках судебного врача и коронера округа Лос-Анджелес Теодора Карфи и заместителя судебного врача,

доктора Томаса Ногучи.

Ногучи, переехавший в США из Японии, со временем станет самым знаменитым патологоанатомом в стране, именно ему предстоит вскрывать истерзанные тела жертв "семьи" маньяка Чарльза Мэнсона и застреленного во время собственной предвыборной компании Роберта Кеннеди. Но именно Мэрилин Монро была его первой знаменитой "пациенткой". Он понимал, что весь мир ожидает результатов вскрытия.



Вынос тела Мэрилин Монро из дома, где она умерла

При вскрытии присутствовал Джон Майнер, заместитель прокурора округа Лос-Анджелеса.

Тело Мэрилин сначала изучили под лупой — в буквальном смысле каждый миллиметр! — потом обмыли и изучили вторично. Никаких следов насилия найдено не было. Только синяк на бедре, полученный несколько дней назад, но Мэрилин, когда злоупотребляла успокоительными, бывала неловкой и ударялась о мебель. Прежде чем приступить к вскрытию, Ногучи искал следы инъекций. Их не было — вопреки появившимся после домыслам охотников за сенсациями. Только убедившись в этом, патологоанатом взял скальпель и сделал первый разрез.

Мэрилин не ужинала, стараясь сохранить фигуру, поэтому ее желудок был практически пуст. И версию с большим количеством нембутала, принятым разово, опровергли сразу: таблетки не успели бы полностью раствориться. А между тем главный

токсиколог Р. Дж. Абернети, исследовав содержимое желудка и ткани внутренних органов актрисы, констатировал, что самое большое количество барбитуратов было обнаружено в печени. Концентрация была смертельной. Но при пероральном приеме таблетки не успели бы начать абсорбироваться в печени!

Ответ на то, каким способом смертельная доза успокоительного попала в организм Мэрилин, был получен при исследовании кишечника актрисы. На большей поверхности толстой кишки наблюдалась, согласно отчету, "значительная гиперемия и синеватая окраска". Это свидетельствовало о введении успокоительного ректально. Скорее всего, это был хлоралгидрат: быстродействующее снотворное.

"Следовало выяснить причины столь необычной, неестественной окраски толстой кишки, — писал Майнер. — Ногучи и я были убеждены, что эта сильная доза лекарства была введена в организм Мэрилин путем вливания с помощью клизмы".

Патологоанатом доктор Эйбрамс подтвердил эту версию: "Я никогда не видел ничего подобного во время аутопсии. С толстой кишкой этой женщины происходило нечто странное. А если говорить о самоубийстве, то мне, честно говоря, очень трудно вообразить, что пациент, который хочет принять смертельную дозу барбитуратов или даже успокоительных средств, станет морочить себе голову приготовлением раствора, а потом будет делать себе этим раствором клистир! Помимо всего прочего, неизвестно, сколько жидкости понадобится, да и нет гарантии, что организм не исторгнет раствор прежде, чем он будет впитан. Послушайте, если человек хочет отравиться барбитуратами, он просто глотает порошки или таблетки и запивает их водой! Что касается свечек из нембутала (которые иногда ошибочно считают причиной смерти актрисы), то они вошли бы в задний проход всего лишь на глубину в десять сантиметров; однако в случае Мэрилин сигмовидная кишка, проходящая намного выше, была целиком окрашена. Таким образом, лекарство, которое стало причиной смерти, действительно было введено в организм посредством клизмы. В этом месте следует напомнить, что Мэрилин долгие годы делала себе клизмы "из гигиенических соображений или для того, чтобы похудеть"". Таковы слова доктора Майнера, но работавшие на актрису модельеры вроде Уильяма Травиллы и Жана Луи давно знали об этом способе. Далее доктор продолжал: "В значительной мере это было с ее стороны следование скоротечной моде, которая царила тогда среди актрис"…"

Однако все эти выводы были сделаны не в 1962-м, а в 1982-м году, во время пересмотра дела о смерти Мэрилин Монро, когда

были подняты все документы и заново опрошены свидетели!

А 27 августа 1967 года было опубликовано окончательное заключение о смерти с формулировкой: "острое отравление барбитуратами — прием слишком большой дозы лекарств".

Юнис Мюррей покинула дом Мэрилин 6 августа, предварительно высушив постиранное в ночь смерти актрисы постельное белье и поручив своему племяннику заменить разбитые стекла.

В тот же день Джо Ди Маджио обратился с просьбой выдать окончательное заключение о смерти. Это еще не было заключением о причинах смерти, но вскрытие было завершено и Мэрилин можно было похоронить.

Похоронами собирался заниматься Джо. Он получил на это официальное разрешение от сводной сестры Мэрилин, Бернис Миракл. Джо считал себя мужем Мэрилин: он был им однажды и хотел стать им снова. Мэрилин вроде бы тоже собиралась снова выйти за него замуж. Они даже назначили дату бракосочетания: 8 августа. Впрочем, в своих намерениях относительно Джо Мэрилин была не слишком уверена: то она с нетерпением ждала его приезда и планировала прием по случаю их второй свадьбы, то впадала в мрачность и считала, что им стоит остаться друзьями. Но во время более скрупулезного обыска ее спальни в телефонной книжке актрисы нашли сложенный листок, на котором она, видимо, начала письмо Ди Маджио, но по какой-то причине не закончила и не отправила: "Дорогой Джо! Если бы только мне удалось осчастливить тебя, я совершила бы самую важную и самую трудную вещь — то есть сделала одного человека безгранично счастливым. Твое счастье — это мое счастье". Она не отправила, потому что не была уверена в своих словах? Или потому, что ее что-то отвлекло, а потом она решила все сказать Джо при личной встрече?

Теперь это не имело значения для Мэрилин. Да и для Джо, в сущности, тоже. Он мог сделать для нее теперь только одно: достойно похоронить.

К вечеру 6 августа тело актрисы перевезли в Похоронный Дом кладбища Вествуд-Виллидж.

Джо знал, что Мэрилин боялась лежать в земле, поэтому купил для нее нишу в склепе. Он же выбрал гроб, приказав изнутри обить его бархатом цвета шампанского: цвета, который особенно любила усопшая. Всеми приготовлениями Ди Маджио руководил из Малибу. 7 августа он позвонил визажисту Алану Снайдеру, который работал с Мэрилин еще во время съемок фильма "Некоторые любят погорячее". И сказал, что пришло

время исполнить обещание…

Дональд Спото писал:

"Десятью годами ранее, на пороге своей большой карьеры, Мэрилин попросила своего друга Алана Снайдера прийти к ней в больницу, прежде чем ее оттуда выпишут: она хотела выглядеть перед людьми и перед камерами как можно более красивой. На протяжении пятнадцати лет никто лучше этого человека не понимал страхов и особенностей натуры актрисы, никто не продемонстрировал большего терпения и лояльности в использовании собственных талантов ради ее блага.

— Уайти, — сказала Мэрилин, обращаясь к нему с использованием его "домашнего", ласкательного прозвища, пока гример причесывал и укладывал ее волосы, кое-где осветляя их, а в других местах чуть меняя оттенок, — ты должен обещать мне одну вещь.

— Все что угодно, Мэрилин.

— Обещай, что если со мной что-нибудь случится… то, умоляю, пусть никто другой не прикасается к моему лицу. Обещай сделать мне макияж, чтобы я хорошо выглядела, прежде чем уйду навсегда.

— Ясное дело, — сказал он, поддразнивая актрису. — Принеси мне только свое тело, пока будешь еще теплой, и я превращу тебя в божество".

Мэрилин подарила Алану Снайдеру золотую медаль с выгравированными на ней словами "Пока я еще теплая! Мэрилин".

Собираясь в морг, Алан Снайдер положил эту медаль в карман. Вместе с ним поехала Маргарет Плечер, ассистент костюмера и его будущая жена. Она выбрала в качестве последнего наряда актрисы закрытое зеленое платье от Пуччи, которое Мэрилин в последнее время особенно любила, и шифоновый шарф.

Работа гримеру предстояла сложная. Во-первых, после смерти она лежала ничком, так что кровь, которую перестало перекачивать остановившееся сердце, под действием тяжести опустилась в нижние отделы, образовывая темные пятна под кожей, так называемый посмертный гипостаз: естественный и необратимый процесс. К тому же во время аутопсии головного мозга мягкие ткани отделяют от костей черепа до глазниц, и хотя после их возвращают обратно, лицо выглядит словно бы "помятым". Фотографии Мэрилин, лежащей в морге после вскрытия, были проданы желтой прессе, опубликованы, и именно они стали одной из причин стойкости легенды о насильственной смерти: темные пятна приняли за прижизненные синяки, а лицо,

казалось, носило следы побоев.

Алан Снайдер несколько часов работал, чтобы снова сделать Мэрилин красивой.

Волосы актрисы, и без того измученные укладками и окрасками, теперь были так спутаны, что расчесать их и уложить не представлялось возможным. Маргарет Плечер съездила за париком, в котором Мэрилин снималась в "Неприкаянных". Когда актрису обрядили, выяснилось, что смерть (а также тщательное вскрытие) внесли изменения и в линии ее тела: оно выглядело совершенно плоским. Маргарет Плечер позже вспоминала, что она в тот момент подумала: "О Боже, Мэрилин и без груди! Она бы умерла". И тут же расплакалась, осознав, что — да, Мэрилин умерла… Чтобы вернуть ее телу привлекательную форму, Алан и Маргарет разорвали подушку и набили два целлофановых пакета искусственным пухом. Потом долго пристраивали эту импровизированную грудь под тканью платья, драпировали складками шарфа.

Ди Маджио в это время уже направлялся в Лос-Анджелес.

Только когда Мэрилин, обряженная и тщательно загримированная, была положена в гроб, Джо Ди Маджио пришел, чтобы попрощаться со своей возлюбленной. Он провел возле гроба всю ночь. Алан Снайдер, который пришел рано утром, чтобы подправить макияж, утверждал, что Джо держал Мэрилин за руку и говорил с ней.

Ди Маджио не хотел, чтобы похороны Мэрилин превратились в массовое мероприятие. Он не желал видеть представителей кинокомпаний, репортеров и фотографов. Никого из тех, кто заставлял Мэрилин страдать. Присутствовали 30 ближайших друзей. Никто из семьи Кеннеди не почтил похороны присутствием. Джим Догерти женился вторично и отказался приехать, заявив, что занят на работе. Артур Миллер и его вторая жена ожидали скорого рождения ребенка, и писатель тоже отказался проститься с Мэрилин, заявив: "Я не в силах выдержать этот похоронный цирк". По понятным причинам на похоронах не было и матери Мэрилин.

На церемонии прощания в часовне при Похоронном Доме звучали фрагменты Шестой симфонии Чайковского и любимая песня Мэрилин — "По ту сторону радуги" из фильма "Волшебник страны Оз".

Речь пастора была очень трогательной и исполненной почтения к почившей актрисе, и начиналась с перефразированных библейских слов: "О сколь же страшно и чудесно сотворена она Всевышним!"

Ли Страсберг сказал: "Мы знали ее как личность с горячим

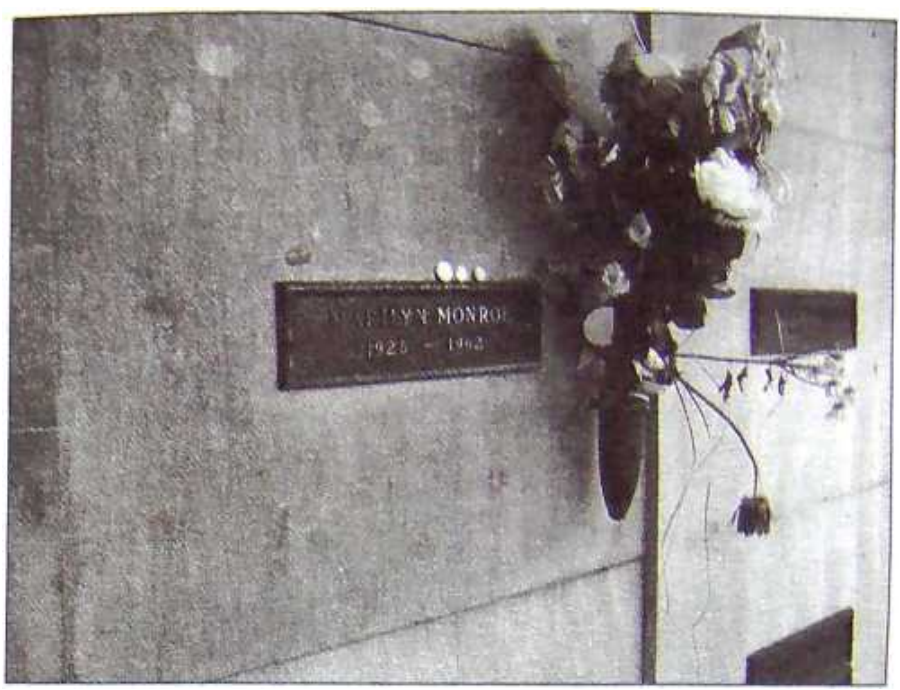
сердцем, импульсивную, робкую и одинокую, впечатлительную и боящуюся оказаться отвергнутой, но всегда полную любознательности к жизни и стремящуюся к исполнению своих желаний. Ее мечта о большом таланте не была миражом".

Джо проплакал всю церемонию. К финалу слезы перешли в рыдания. Он последним прощался с Мэрилин. Вложил букет из двенадцати красных роз в ее руки, поцеловал ее в губы и сказал: "Я люблю тебя, моя самая дорогая, люблю".

После крышку гроба опустили, навсегда скрыв Мэрилин от мира.

Джо возглавил траурное шествие от часовни к склепу, где уже была приготовлена ниша для гроба и мраморная доска, на которой прикреплена табличка с надписью:

МЭРИЛИН МОНРО
1926–1962



Место захоронения Мэрилин Монро

Джо смотрел, как гроб задвинули в нишу, как закрепили строительным раствором мраморную доску. Лишь потом он покинул кладбище, а следом за ним и все остальные. Спустя несколько часов на Вествуд-Виллидж были допущены репортеры, операторы кинохроники, поклонники актрисы. Но прежде к склепу доставили букеты и венки от друзей, знакомых и,

возможно, от прижизненных врагов актрисы. От каждого из членов семьи Миллера был отдельный букет. Каждый букет и венок был подписан, за исключением одного, анонимного, к которому, однако же, прилагалась карточка с сонетом Элизабет Баррет Браунинг:

Как я тебя люблю? Люблю без меры.
До глубины души, до всех ее высот,
До запредельных чувственных красот,
До недр бытия, до идеальной сферы.

До нужд обыденных, до самых первых,
Как солнце и свеча, простых забот,
Люблю, как правду, — корень всех свобод,
И, как молитву, — сердце чистой веры.

Люблю всей страстью терпкою моих
Надежд несбывшихся, всей детской жаждой;
Люблю любовью всех моих святых,
Меня покинувших, и вздохом каждым.

А смерть придет, я верю, и оттуда
Тебя любить еще сильнее буду.

(Перевод Валерия Савина)

До сих пор неизвестно, кто проявил такую изысканную сентиментальность.

Джо Ди Маджио так никогда и не женился. Он не давал интервью о своих взаимоотношениях с Мэрилин, но каждые две недели присылал ей на могилу две красные розы. Он умер от рака легких 8 марта 1999 года. Утверждают, будто его последними словами были: "Наконец-то я увижу Мэрилин". Скорее всего, это красивая легенда. Умирающие от рака легких редко способны говорить перед кончиной. Однако розы на могиле Мэрилин появляются до сих пор: организация "Фонд Поклонников Божественной Мэрилин Монро" оплатила регулярную доставку в течение ста лет.

Глэдис так никогда и не узнала о смерти дочери. Она скончалась в частной клинике во Флориде 11 марта 1984 года. Возможно, она даже не осознавала, звездой какой величины была Норма Джин.

Президент Джон Фицджеральд Кеннеди был убит в Далласе 22 ноября 1963 года.

Роберт Фрэнсис Кеннеди был смертельно ранен в Лос-

Анджелесе во время своей предвыборной кампании 5 июня 1968 года. Через сутки он скончался.

Ральф Гринсон умер 24 ноября 1979 года.

Артура Миллера не стало 10 февраля 2005 года.

Джим Догерти ненадолго его пережил: он умер 15 августа 2005 года.

Люди, знавшие Мэрилин, покидали этот мир. Люди, которых молва связывала с тайной ее смерти, уже не могли опротестовать обвинения. И чем больше времени проходило с момента кончины звезды, тем легче становилось сочинять версии…

Мэрилин умерла, но вокруг ее смерти образовалось легенд больше, чем когда-либо порождали ее прижизненные поступки.

Версия с самоубийством актрисы лидировала, пока не стало ясно: это возможно, но маловероятно. В тот момент Мэрилин не была несчастной, потерявшей надежду. Она говорила: "Передо мной простирается будущее, и я не могу его дождаться". Возможно, это было бравадой, но, даже если учесть все терзавшие ее внутренние и внешние проблемы, ей не с чего было отчаиваться настолько, чтобы покончить с жизнью…

Случайная передозировка выглядела более правдоподобной (особенно до того, как были опубликованы данные относительно ректального способа введения смертельной дозы барбитуратов в организм актрисы), она выглядела весьма поучительной, по недостаточно пикантной.

Поэтому за слухи об убийстве журналисты и фанаты ухватились с ажиотажем… И не могут расстаться с ними до сих пор.

Для того чтобы рассмотреть все версии во всем множестве их вариаций, понадобилась бы отдельная книга. И не маленькая. У нас иной формат, да и цель книги иная. Поэтому — рассмотрим только основные версии и их опровержение.

Версия первая: Мэрилин Монро убили коммунисты, агенты Кремля. Появилась эта версия из-за того, что Мэрилин была женой Артура Миллера, которого подозревали в сочувствии коммунистам, да и сама актриса когда-то сказала: "Но ведь коммунисты же за народ, верно?.." — и ей этого не забыли.

Итак, Мэрилин связалась с коммунистами, была посвящена в некие их тайны, сделалась опасна, и агенты Кремля явились в дом на Элен-драйв, и прикончили актрису: не то принудив ее выпить огромное количество пилюль, не то сделав укол барбитуратов.

Против варианта со смертельной инъекцией не только в "коммунистической" версии, но и в принципе активно

протестовал патологоанатом Томас Ногучи: чтобы ввести такую дозу барбитуратов, понадобился бы очень объемный шприц, и инъекция оставила бы на теле основательную гематому, которую просто невозможно не заметить.

Но может, коварные коммунисты вкололи актрисе на барбитураты, а некий неизвестный яд?

Впрочем, эта версия довольно быстро изжила себя.

Существовала версия, согласно которой Мэрилин Монро была убита агентами мафии. Якобы она была любовницей кого-то из выдающихся мафиозо: называли имена Джонни Роселли, Багси Сигала и Сэма Джанканы. И в конце концов "опасные связи" завершились гибелью актрисы. Но актер Алекс Д'Арси, который был знаком с Мэрилин с тех пор, как они вместе снимались в фильме "Как выйти замуж за миллионера", и при этом близко дружил с Роселли, главарем лос-анджелесских мафиози, заявлял: "У Мэрилин наверняка никогда не было романа ни с одним из этих мужчин. В принципе никаких связей между Мэрилин и бандой не существовало!"

И потом, версия связи "золотой богини Голливуда" с вульгарными мафиози казалась публике непривлекательной.

То ли дело — братья Кеннеди! Один — самый молодой и очаровательный президент в истории США, другой — харизматическая личность, талантливый политик…

Версии, согласно которым виновниками гибели Мэрилин Монро были Джон и (или) Роберт Кеннеди, оказались самыми успешными среди всех прочих. Они и по сей день весьма живучи, по сей день обсуждаются, обрастают все новыми подробностями и вариациями. При этом в различных вариациях убийцами мог быть как Джон, так и Роберт, или они вместе.

Согласно той версии, по которой Мэрилин была любовницей только Джона, зато любовницей многолетней, еще с тех времен, когда он был конгрессменом, она неоднократно была беременна от него, делала аборты, и вот наконец взбунтовалась: решила сохранить своего последнего ребенка… За что и была убита.

Вариация этой версии: Мэрилин вынудили сделать аборт, после чего она решила дать пресс-конференцию и рассказать о своей связи с президентом. Кеннеди вынужден был подослать к ней убийц, которые или заставили актрису принять смертельную дозу таблеток, или сделали ей смертельную инъекцию. А Ногуши был вынужден "не заметить" следов, ведь приказ признать смерть Мэрилин Монро результатом передозировки был "спущен сверху".

Согласно другой вариации, Мэрилин так рьяно добивалась,

чтобы Джон развелся с Жаклин и женился на ней, что президент опять же вынужден был подослать к ней убийц.

Существует вариация политическая: Мэрилин была поверенной множества политических секретов президента, и все, что он рассказывал, записывала в некий таинственный дневник в красной обложке, который исчез из ее дома после ее смерти, при обыске был взломан запертый секретер…

И вариация уфологическая: среди тайн, которыми президент щедро поделился с возлюбленной, была "Секретная Зона 51", то есть военная база в Неваде, где якобы прятали упавший в 1947 году корабль инопланетян. Мэрилин узнала об инопланетянах — и ее пришлось ликвидировать. То ли военным, то ли самим инопланетянам.

Некоторые поклонники данной вариации пошли еще дальше: Мэрилин не умерла, а похищена инопланетянами, власти были вынуждены подбросить тело другой женщины… В конце концов, на фотографиях из морга актриса сама на себя не похожа, так почему бы и нет?

Даже странно, что никто из фанатов пока не предположил, что Мэрилин похитили фейри. Ведь известно, что они воруют красивых женщин, а вместо них подбрасывают двойников, созданных из болотной коряги и совершенно нежизнеспособных. Обратно в корягу тело обычно превращается через несколько дней после похорон…

Впрочем, в инопланетян американцы верят больше, чем в фей.

И уж тем более — больше верят в вину Роберта Кеннеди.

Якобы Мэрилин требовала, чтобы он развелся со своей женой, Этель, угрожала ему разоблачением, скандалом, обещала обо всем рассказать журналистам… В результате чего Роберт убил ее собственноручно: задушил подушкой. Менее радикальные вариации той же версии: телохранители Роберта сделали Мэрилин смертельную инъекцию. Патологоанатом Ногучи не нашел след укола? Плохо искал… А как же следы ректального введения препарата, обнаруженные при вскрытии? Что ж, совсем недавно журналисты Джей Марголис и Ричард Баскин объявили, что они разобрались, как именно убили Мэрилин: в присутствии Роберта Кеннеди двое его телохранителей сначала сделали актрисе укол снотворного в подмышечную впадину (якобы поэтому след на теле не был обнаружен), а потом — поставили ей клизму с уже смертельной дозой барбитуратов. Это было бы смешно, если бы речь не шла о смерти вполне реального человека, прекрасной молодой и талантливой женщины… И о клевете в адрес другого человека, тоже, кстати, погибшего совсем

молодым, любящего семьянина и борца за гражданские права.

Если с Джоном Кеннеди Мэрилин провела хотя бы одну ночь, то с Робертом ее связывала только молва. И все же Роберта обвиняют чаще всех. Причина — в том, что на момент первых обвинений его имя еще не было окружено ореолом политического мученичества, как имя Джона, и он не был президентом, а к президентам в США в былые времена относились все-таки с почтением.

Первый раз версию о том, что Мэрилин Монро убита и в этом замешан Роберт Кеннеди, высказал Фрэнк А. Кэпелл, ненавидевший коммунистов и негров. А еще — всех Кеннеди за то, что они плохо боролись с коммунистами и пустили негров в учебные заведения. Он выпускал антикоммунистическую газету "Глашатай свободы". А в 1964 году опубликовал книгу "Странная смерть Мэрилин Монро". В книге он описывал свою версию романа между Робертом и Мэрилин. И финала, когда Роберт, мечтая привести к власти коммунистов, убивает любовницу, которая может погубить его политическую карьеру своими признаниями. Интересно, что источником информации о том, как происходило расследование смерти актрисы, стал полицейский сержант Джек Клеммонс, первым прибывший по вызову в ее дом.

Директор ФБР Джон Эдгар Гувер, питавший неприязнь к Кеннеди и собиравший подробное досье на Роберта, узнал о предстоящей публикации книги от своих агентов и отправил ему письмо с предупреждением: "В книге вы найдете сведения о вашей якобы имевшей место дружбе с мисс Монро. Мистер Кэпелл заявил о намерении показать в своей книге, что вас связывали с мисс Монро доверительные отношения и вы находились в доме Монро в момент ее смерти". Роберт Кеннеди на письмо не ответил. Неизвестно, как в принципе он относился к этим сплетням…

Год спустя Копелл и Клеммонс предстали перед судом за клевету против сенатора Томаса Х. Качела, республиканца, поддержавшего закон о гражданских правах 1964 года. Они были признаны виновными, и Клеммонса уволили из полиции.

Однако легенда о том, что Мэрилин Монро была убита Робертом Кеннеди, оказалась живучей.

При жизни Роберта ничего на эту тему больше не публиковалось. Но через некоторое время после его смерти к теме романа с Мэрилин вернулись. Были обнародованы адресаты телефонных звонков актрисы, и выяснилось, что незадолго до смерти она неоднократно звонила Роберту… Но разговоры длились недолго. И, как свидетельствовали близкие к Роберту люди, темой разговоров были проблемы во взаимоотношениях

Мэрилин и киностудии.

"На протяжении всего моего знакомства с Робертом Кеннеди, — рассказывал Эдвин Гутмен, — мне и в голову не пришло, что у прокурора роман с Мэрилин, а тем более с какой-то другой женщиной. Женщиной его жизни была Этель, и он не проявлял интереса ни к кому другому, если не считать нормальных светско-публичных контактов в общественных местах. Тем летом Мэрилин действительно несколько раз звонила Кеннеди в его офис в Вашингтоне. Бобби был хорошим слушателем, и его интересовали вопросы актрисы, ее жизнь и даже ее хлопоты и проблемы. Но если говорить по существу, то я, Бобби и Анджи (Новелло, секретарь Кеннеди) воспринимали эти звонки как нечто забавное, эдакий юмор — и уж наверняка не как то, о чем шепчут по углам или хранят в тайне. Мы говорили друг другу нечто вроде: "О, снова она с этими своими вопросами". Но их разговоры всегда бывали непродолжительными. Роберт не принадлежал к разряду людей, которые долго треплются на маловажные темы. Но чтобы у него был роман? Честно говоря, это вовсе не соответствовало его характеру".

Конечно, друзья и соратники по партии могли защищать Роберта и лгать ради него, ради его светлой памяти, ради его жены и детей… И все же присутствовать при кончине Мэрилин и физически в ней участвовать Роберт не мог физически.

3 августа вместе с женой и четырьмя детьми Роберт отправился погостить на ранчо своего друга Джона Бейтса, расположенное в ста тридцати километрах к югу от Сан-Франциско и в пятистах шестидесяти километрах к северу от Лос-Анджелеса, высоко в горах Санта-Крус. Агенты ФБР наблюдали за братом президента, поэтому существуют записи о каждом эпизоде, случившемся во время пребывания семьи Кеннеди в гостях у семьи Бейтс: о совместных верховых прогулках, обедах, игре в американский футбол, посещении мессы… Роберт просто не имел возможности выкроить время на то, чтобы поехать в Лос-Анджелес, встретиться с Мэрилин и руководить ее устранением. Не мог он и вылететь и вернуться на частном самолете: ранчо располагалось так, что там нельзя было посадить самолет.

Версия, согласно которой убийцей Мэрилин являлся ее психотерапевт, Ральф Гринсон, была весьма новаторской и дерзновенной и снискала огромную популярность. У этой версии также есть две вариации. Первая: доктор Гринсон не знал, что Мэрилин принимает барбитураты, которые ей выписывал, не согласовав с ним свои действия, доктор Энгельберг, и когда знаменитая пациентка в очередной раз впала в истерику из-за

бессонницы, поставил ей клизму с хлоралгидратом, и сочетание препаратов оказалось смертельным. Вторая: доктор Гринсон был влюблен в Мэрилин или просто испытывал некую духовную зависимость от своей пациентки, он знал, что она хочет избавиться от его навязчивой опеки и выйти замуж за Джо Ди Маджио, и сознательно убил ее, поставив успокоительную клизму с чрезмерным количеством хлоралгидрата.

К этой версии примыкает другая: убийцей была Юнис Мюррей. Доктор Гринсон мог поручить именно ей провести интимную процедуру и поставить клизму актрисе. А она могла использовать больше хлоралгидрата, чем необходимо. Или случайно, или намеренно. Намеренно — потому что Мэрилин ее уволила незадолго до своей кончины. И, хотя Юнис вернулась в ее дом, она понимала, что ей недолго осталось разделять с кинозвездой ее жизнь. Впрочем, некоторые из сторонников этой версии считают, что Юнис Мюррей действовала строго по распоряжению Гринсона, и была только исполнителем, хоть и прекрасно сознающим: совершается убийство.

Миссис Мюррей, кстати, отлично годится на роль убийцы: слишком много лгала и слишком часто меняла свои показания. Практически все, что она заявила сразу после смерти Мэрилин, оказалось ложью. Она не могла видеть свет под дверью Мэрилин: толстый белый ковер на полу, из-за которого дверь долгое время вообще не закрывалась, не позволял просочиться даже лучику… А дверь не могла быть запертой: Мэрилин никогда не запирала дверь. И не могла Юнис, разбив окно, раздвинуть кочергой шторы! В комнате Мэрилин, ненавидевшей яркий утренний свет, была всего одна гигантская штора, которую невозможно было сдвинуть.

А еще — Юнис стирала простыни. Кто будет заниматься стиркой вскоре после того, как обнаружил труп? Разве что тот, кому есть что скрывать.

Мертвая Мэрилин лежала на чистых сухих простынях. Но, умирая после клизмы с хлоралгидратом, она бы неизбежно расслабилась, и простыни оказались бы замараны.

Доктор Гринсон очень старательно указывал на пустую баночку из-под нимбутала. Юнис Мюррей стирала и сушила простыни.

Возможно, оба они считали себя виновными. И, запаниковав, пытались скрыть свою вину.

Возможно, смерть Мэрилин была трагическим несчастным случаем, действительно — всего лишь передозировкой, но не сама актриса переусердствовала с успокоительными, а ее психотерапевт или ее компаньонка, или они вместе…

Есть еще кое-что странное в смерти Мэрилин.

Два ее последних телефонных разговора.

4 августа приблизительно в 19.15 ей звонил Джо Ди Маджио-младший. Они весело болтали, в частности, юноша известил актрису о том, что разорвал помолвку с девицей, которая не нравилась Мэрилин. Монро была оживленной, реагировала бодро: Ди Маджио-младший поверить не мог, когда узнал о ее смерти, и уж тем более — не мог поверить в то, что она покончила с собой…

В 19.45. Мэрилин позвонил Питер Лоуфорд. И с ним говорила совсем другая женщина. Она что-то хрипло бормотала, никак не могла сконцентрироваться, чтобы среагировать на цели его звонка — приглашении на вечеринку. В конце разговора Мэрилин сказала: "Попрощайся с Пат, попрощайся с президентом и попрощайся с собою, потому что ты хороший парень". А потом, после еще пары минут невнятного бормотания, повесила трубку. Лоуфорд перезвонил. Было занято. Он звонил снова и снова. Наконец, он позвонил на телефонный узел: "Когда я попросил телефонистку прервать идущий там разговор, она ответила мне, что либо трубка снята с вилки, либо телефон испорчен".

Питер встревожился еще сильнее, обзвонил нескольких друзей, порывался ехать к Мэрилин, чтобы разобраться, что с ней происходит, но его отговорили: все же он — зять президента, а вдруг у актрисы передозировка и придется вызывать врачей, он окажется замешанным в некрасивую историю… В конце концов, Лоуфорд настоял на том, чтобы позвонили адвокату Мэрилин, Милтону Радину, а тот позвонил миссис Мюррей. Позже Радин рассказывал: "…где-то примерно четыре минуты, пока та вернулась и сказала: "Она чувствует себя хорошо". Но у меня сложилось такое впечатление, что эта женщина вообще не выходила из помещения". А Юнис причитала в своей книге, названной "Если бы только": "Если бы только Радин сказал мне, что ему позвонил кто-то, обеспокоенный состоянием Мэрилин…" Но что она сделала бы, если бы Радин ей сказал?

Что вообще произошло той ночью в доме Мэрилин Монро?

Пора смириться с тем, что мы никогда не будем знать этого точно.

В одном из своих последних интервью Мэрилин заявила, что для нее не важны деньги, которые она получает за свои роли. Ей просто хочется сиять, как истинной звезде.

Сиять — это у нее получалось лучше всего.

Сиять — это у нее получается до сих пор.

Достаточно посмотреть любой ее фильм, взглянуть на фотографии Мэрилин: она по-прежнему сияет. Десятилетия не притушили ее свет, не обесценили ее красоту и талант. Мэрилин по-прежнему самая знаменитая блондинка — не только в Голливуде, но и во всем мире. Мэрилин по-прежнему звезда, чей далекий свет притягивает все взоры.